

И. Ш У Х О В

ЗОЛОТОЕ ДНО

И. ШУХОВ

Золотое Яно

Издательство
"ПРАВДА"
1957

У ИСТОКОВ НАРОДНОГО ПОДВИГА

(Письма сибирским казакам)

Нет уж, как там грусти не тай, —
Все равно эрачок в печали матов.
Вижу вас, товарищи мои,
Сквозь огни сражений, сквозь бой,
Сквозь леса знамен и автоматов!
Вижу вас и слышу вашу речь
В сатанинском грохоте и гуле.
Песней я хочу вас уберечь
От мятежной бомбы и от пули.
Песней той, которая не раз
И в пиру, и в горе, и в тревоге,
Как подруга, выручала нас
И не покидала в полдороге.
Верная нам спутница, она
Никогда ребят не подводила.
Золотее браги и вина
Песня о Сибири в нас бродила!

I

В суровых лесах и скалах далекой Карелии, под
огненным небом непокорного Сталинграда,
среди первобытного величия древних Кавказ-
ских гор и на берегах легендарного Терека —
езде и всюду вижу я вас, овеянных порохо-
вым дымом сражений, славных моих земляков, верных
сынов Сибири!

Со многими из вас мы вместе росли и воспитывались
под небом Северного Казахстана, в родимых линейных
станциях. Мы делили, бывало, в детстве нехитрые наши
игры, скудные лакомства и неутомимые забавы. Неред-
ко мы спали под одним родительским зипуном, согре-

вая друг друга горячим дыханием в студеные вешние ночи на пашне. Рядом, бок о бок, обретали мы первые навыки в нелегком наследственном ремесле мастеров земли благодатной степной Сибири. А в часы наших праздных странствий по окрестным степям, займищам и озерам мы охотно делились друг с другом краюшкой пшеничного хлеба и яйцом, испеченным в золе, и замусоленным куском сахара, и похищенным из недр материнского сундука леденцом лимонного вкуса и цвета.

Весною в поисках сусликов и стрепетинных гнезд целыми днями бродили мы с оравой веселых сверстников в привольных окрестностях наших станиц. И наизусть изучили мы с вами каждую степную тропу, по которой прошли наши босые детские ноги, и каждую вековую березу в дубраве, и каждый ракитовый куст близ займища, под сенью которых искали мы в непогоду надежной защиты от бури, от ливней, от града и гроз. И навеки полюбились нам с вами и бескрайние ковыльные степи, и волнующе мягкий и нежный рисунок смутно синеющих вдаль березовых колков, и обнаженные вершины придорожных курганов, и трубный клич поднимающихся на рассвете с воды лебедей, и ослепительно сияющие под полуденным солнцем посолоневшие от жары озера. Все это было, есть и будет бесконечно дорого, много и близко нашему сердцу, сердцу, горячо влюбленному в землю, вспоившую и вскормившую нас.

Точно буйная поросль окрестных березовых рощ, мужали и крепили мы с вами на тяжелом, как пламя, сибирском ветру. Кипяченные в зное степного жаркого лета, прополосканные в расточительных ливнях плодородной поры, закаленные в голубом огне жгучих рождественских и крещенских морозов, прочно стояли мы на земле и росли неподвластными уже никакому граду и буре, написанным нам на роду.

2

Под сенью простреленных в битвах и полустлевших на чужестранном ветру воинственных праделовских знамен прошло по родимым степным дорогам наше босоное детство.

На благословенных, освященных веками традициях линейного сибирского казачьего войска воспитывалось наше поколение участников Великой Отечественной войны. А по лихим и тревожным воинским песням знакомились мы с историей прошлых походов и войн.

Казакн запоят, бывало:

Ко славе страстно дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

А мы закроем глаза и видим: на сотни километров к востоку от Яика — так в древности звалась река Урал — до Иртыша тянется цепь курганов, поседевших от ковыля, редутов и земляных городищ. И воскресают в памяти глубокие, поросшие травами рвы крепостей. И встают из тумана пирамидальные вершины дозорных постов, контуры маяков и пикетов Горькой Линии.

Горькая Линия!

По берегам твоих голубых, как весеннее небо над степью, огромных, как море, озер привольно раскинулись станицы линейного сибирского казачьего войска. От самого Яика до необозримых равнин Заиртышья тянется линия этих станиц, некогда названная по обилию горько-соленых озер Горькой. Основанные около двухсот лет тому назад, станицы сибиряков свято чтут боевые традиции своих воинственных предков. И память о мужественных сподвижниках Ермака, о воинских доблестях храброй его дружины навсегда сберегли в своем сердце верные русскому оружию старожилы степных сибирских станиц.

На беспредельной, светлой и чистой любви к родному краю и на священной ненависти к врагам земли русской веками воспитывались бесстрашные воины сибирского казачьего войска. На этих же святых традициях рыцарей рукопашных битв воспитывалось и наше поколение.

Вот почему с благоговением и трепетом смотрели мы с вами в детстве и на грозный частокол ошестинившихся над конницей казачьих пик, и на голубые вспыш-

ки обнаженных сабель, и на заплясавшего под всадником белого, как кипень, злого есаульского иноходца, и на стремительные крылья боевых знамен, взмывших над тронувшимися в поход полками, и на крупные горошины материнских слез, упавших в концы кашемирового подшалька в минуту прощания с уходящими на поле брани сыновьями.

В крестном знаменнии матери, благословлявшей на битву с врагами России сына, в грозном и торжественном шквале песни, поднявшейся перед походом на крыльях полковых знамен, в дробном рокоте кованых конских копыт, в сиянии дедовских седин и регалий — во всем этом впервые вставал перед нашим сознанием ясный, строгий и милый сердцу нашему облик никому не покорной, вопиющей и свободолюбивой России. Россия!

Святым, чистым и светлым было для нас с детских лет имя твое. Мы изучали твою географию по маршрутам далеких, суровых и трудных походов родных сибирских казачьих полков, по сражениям и битвам наших предков с врагами отечества нашего от времен Плевны до грандиозного Брусиловского прорыва германского фронта в 1916 году. И недаром снились нам в детстве и пустынные поля былых баталий, и песчаные кавалькады воинских эшелонов, и веселые огни бивуачных костров, озарявших шафранные пески Туркестана, туманные сопки Маньчжурии, холмы Восточной Пруссии, серые гребни Кавказа, крепостные контуры Перемышля и библейские скалы снежных Карпат...

Величественная панорама обширных владений нашего отечества настужь распаивалась перед нашим воображением в рассказах и песнях наших прадедов, дедов и отцов. И по бытующим в наших станицах сказаниям и древним походным казачьим песням мы на зубок с вами знали названия многих горных долин и перевалов и имена грозных неприятельских крепостей, павших под силой доблестного русского оружия и умноживших славу сибирского казачьего войска. И не количеством праздно прожитых лет измерялась цена длительной жизни наших предков, а победоносными бит-

вами их с врагами русской земли, бранными подвигами и походами этих закаленных в огне штурмов и жарких битв, неподвластных ни воде, ни огню, поправших смерть воинов!

3

Кто из наших станичников не сберег в своем сердце теплое, ясное и строгое воспоминание о том, как мы впервые разучивали в детстве походные песни нашего родного казачьего войска?!

Всем нам помнятся длинные зимние вечера, опрятные горницы с геранью на подоконниках; трогательная наивность убранства из стеклянных елочных шариков и китайских фонариков в простенках; запах жженных луковых перьев — запах семейного тепла и уюта под родительским кровом. Под вой и свист разгулявшейся в декабрьской ночи сибирской выюги слушали мы, бывало, увлекательные дедовские рассказы о боевом прошлом наших станиц, и навсегда запомнились нам с тех пор волнующие походные казачьи песни.

Зимние сумерки. Метель за окошком. В оранжевом полумраке горницы, неярко озаренной заревом всеслого огня, бушующего в печке, сидит на полу полукругом гурьба казачат. В центре этой притихшей оравы на табуретке — старик с пышной и чуть золотящейся от огненных отблесков бородой, с бровями, похожими на распластанные орлиные крылья. Мягко притопывая ногой, обутой в белый шерстяной чулок, и ритмично размахивая рукой, как казачьей нагайкой, в такт своей песне запевал он глухим, давно остуженным на походном ветру голосом любимую свою песню:

Чу, не в нас ли палят?!
Не идет ли супостат?!
Не в поход ли идти
Нас заставляют?!

А мы, замирая от восторга, подхватывали вслед за дедом слова песни, звучавшие как команда:

Живо стройся в ряды!
Атаман едет сюда —
Предстоит нам поход небывалый!

И словно наяву выросстал перед нашими глазами
воинственный всадник.

Прилетел, как буран,
Наш сибирский атаман,
А за ним ординарцы лихне.
Он коня осадил,
Черный ус накрутил
И сказал нам:
— Здорово, ребята!

И дед, довольный нашей прилежностью в спевке,
пристально заглядевшись на золотой ворох догораю-
щих в печке углей, строго и задумчиво говорил нам за-
тем поучительные свои речи:

— Молодцы вы у меня, варнаки! Тот, слышь, не
казак, кто души в этой песне не чует... А вы с сердцем
поете. И голоса у вас злые, каленые, как клинки. И сло-
ва — как пики. Орлы! Орлы! По песне угадываю: на-
стоящими казаками растете. Наши вы ребята. Сибиря-
ки. Хваты!.. Ну, а вырастете — смотреть у меня в оба:
святых дедовских знамен не срамить! Чести нашего
войска в будущих битвах с неприятелем на поле брани
не позорить. Вот какая у меня будет к вам, внуки мои.
наука!

И, прервав рассудительную речь, он тотчас же
скреплял ее заветными словами навсегда запомнившей-
ся нам песни:

Нам — под могильным спать курганом.
А вам, сыны,— Руси служить.
И если в битвах с басурманом
Придется голову сложить —
Деритесь так, как ваши деды
Дрались под знаменем Ермака,
Чтоб трубный гул вашей победы
Гремел над родиной века!
Чтоб руки ваши не ослабли,
Кромсая головы орды,
Чтоб лезвием сибирской сабли
Потомки были бы горды!
Чтоб ни от пули, ни от пики
Врагам России не уйти,
Чтоб только смерть при вашем гике
Могли в полях они найти!
И если час пробьет для встречи
С ордой коварного врага,—
Пусть каждый ищет место в сечи,
Кому Россия дорога!

И час пробил!

В мглытый от зноя июньский день лета тысяча девятьсот сорок первого года снова тревожно и грозно запели над страной походные сигналы горнистов. Отечество призвало народы Советской страны под боевые свои знамена. Партия бросила клич:

— К оружию!

И, как один, готовые к смерти и к бессмертной славе, поднялись вместе со всем великим советским народом на защиту любимой отчизны линейные сибирские казаки. И по-новому ярко озарились картины боевого прошлого этого мужественного и бесстрашного народа, прадеды, деды, отцы и сыны которого ни разу не запятнали боевых знамен, чести и славы русского оружия.

Казаки Сибири, издревле свыкшиеся с суровой походной жизнью, с малых лет приученные ко всем невгодам и лишениям войны, никогда еще не страшилась ни врага, ни бога, ни черта. Сибирский казак всегда и во все времена прежде всего был воином, а затем уже — хозяином своего двора, отцом семьи, женихом, мужем. Ничто личное никогда не заслоняло в казачьих сынах Сибири великого чувства патриотизма: ни родительский кров, ни жена, ни дети, ни любимая. И как бы ни было близко и дорого все это отзывчивому казачьему сердцу, но если пробил час боевой тревоги, если пала на родину черная тень врага — в мгновение ока будет оседлан трогательно любимый строевой конь. И подтянутый, бравый, на глазах помолодевший всадник вихрем помчится от родимых ворот туда, на пронзительный зов полковой трубы, к взмывшим над кавалерией боевым знаменам...

Так было всегда.

Так было и 22 июня, когда каждый из нас с предельной силой и ясностью ощутил и увидел все величие нашей державы, всю неповторимую прелесть, строгость и чистоту материнского ее облика, чище, прекраснее и возвышеннее которого не было, нет и не будет ничего на свете для нас, людей русских!

И никто из нас не осудил матерей, украдкой осенявших крестным знаменем обнаженные головы готовых

к новым походам и битвам воинов. Никто не кошунствовал над жаркими молитвенными словами старых казаков, благословлявших, как в старину, своих сыновей на смертный бой с коварным и древним врагом России.

Свято чтут сибирские казаки вековые обряды клятвы в верности русскому оружию, которую дают они в грозный для Родины час над седыми могилами своих предков. И, как присяге, верны они этой клятве на поле брани, храбро сражаясь под знаменами отечества за свою отчизну, за родимые станицы и степи, за благословивший их на битву с врагами отчий край.

5

Навсегда запомнится знойный и ветреный июльский день, когда провожали сибирские станицы на запад полки своих казаков. Пройдут годы. Но никогда не поблекнут в памяти станичников воспоминания о том тревожном ярком воскресном полдне, когда кони, зачув дорогу, глухо били оземь копытами и стремена звенели на горячем азиатском ветру.

Суровые, строгие, волевые стояли развернутым фронтом сибирские казаки вокруг братской могилы жертв революции на просторной площади древней нашей станицы.

Много видела на своем веку боевых знамен готовых к далеким походам и битвам казачьих полков эта открытая всем ветрам станичная площадь! За столетие привыкшая и к топоту кованых конских копыт, и к тревожному грохоту барабанов, и к горячим материнским слезам, и к величественным и грозным воинским песням, впервые в истории была теперь эта площадь свидетельницей великого народного гнева и огненной ненависти старожилов степных сибирских станиц против проклятого во всех казачьих сказаниях и песнях германца.

И вот снова гудела она, эта площадь, от дробного гула конских копыт. И строевые кони, грызя мундштуки, нетерпеливо танцевали под всадниками.

И снова здесь были пролиты слезы. Жаркие, чистые материнские слезы. Но не признаком слабости или

малодушия служили они в этот час, а источником мужества и решимости для сыновей, вставших в походные стремена.

Я видел старую казачку Варвару Федоровну Старкову, провожавшую на фронт в этот день четырех своих сыновей. Маленькая, как подросток, в старинной — темных тонов — кашемировой шали, стояла она в кругу рослых своих богатырей, поспешно крестя каждого из них и полушепотом повторяя при этом:

— Будьте, ребята, казаками! Будьте казаками!

А старый казак Сергей Яковлевич Родионов по-родительски сурово и строго наказывал сыну Мите:

— Только не трусь, слышь, на поле брани! Только не посрами в бою с немцем сибирской нашей породы! Шел митинг.

И когда секретарь районного комитета партии объявил о том, что сейчас будет говорить старый георгневский кавалер, участник знаменитого Брусиловского прорыва германского фронта в первую мировую войну, шпалеры войск и тысячная толпа провожающих, казалось, на мгновение затаили дыхание. И такая напряженная тишина воцарилась над переполненной народом площадью, что можно было услышать стук собственного сердца. Тишина эта длилась не больше мгновения.

Когда же над трибуной показалась прямая и рослая фигура седого, как лунь, старика, станичники, узнав в нем ночного колхозного сторожа Евсеича, встретили его взрывом рукоплесканий, а стоявшие в строю казаки грянули старому георгневскому кавалеру стремительное, как вихрь, троекратное «ура».

Серебряный от седин, в лихо заломленной набекрень выцветшей казачьей фуражке, старик стоял на трибуне прямо и неподвижно — руки по швам, — как в строю. Молча, с достоинством выжидая, пока стихнет внезапно обрушившийся на него ураган бурных приветствий, пристально смотрел он не по-старчески ясными и полными слез глазами туда, в подернутую сиреновой дымкой заозерную даль. Горячий полуденный ветер июля трепетно бился в тяжелой, как знамя, роскошной его бороде.

Наконец, когда в дальних кварталах станции замер последний отклик гулко-го эха и напряженная тишина снова замкнулась над площадью, старик, глубоко вздохнув, внимательно огляделся кругом и приготовился к напутственной речи. Однако он тотчас же забыл, о чем хотел говорить, и только после большой заминки наконец смелвил глухим, дрогнувшим от волнения голосом:

— Казаки! Одностанишники! Разрешите... Вот когда вы «ура» закричали, у меня аж в горле все пересохло. Слеза меня, станишники, душить начала. Ну, я окреп духом. Спас бог. Сдержался. И кровь во мне, как перед рукопашной атакой, ребята, взыграла. И мне стало ясно, што это не мне, а всему нашему сибирскому казачьему войску «ура»-то вы грянули. Сердцем чую, не подведут в боях сибирские казаки!

И вновь голос его потонул в новом взрыве горячих рукоплесканий, в новом прибое «ура», словно вставшей на дыбы и ходуном заходившей площади.

— Казаки! Сибиряки! Братцы! — протрубил вдруг лихо и молодо голос его под гул приветственных возгласов и рукоплесканий. И тотчас же, настежь распахнув полы ветхого своего бешмета, он рывком обнажил перед всеми грудь, блеснувшую на солнце тремя георгиевскими крестами.

— Вот видите! — проговорил он твердым, чуждым смущения и ложной скромности голосом. — Вот они. Три их имею! Один — за битву в армейском корпусе сибиряков под Вафангоу. Два — за лихую рубку неприятелей в доблестной армии их высокопревосходительства покойного генерала Брусилова... И вот скажу теперь миру, не хвастаясь: не зря я полный бант кавалера на грудь надел. За святое дело, ребята, надел. За верную службу России! И мне, старому казаку, стыдиться сих знаков отличия в такой час нечего!

Старика снова было прервали взрывы рукоплесканий, но он, клятвенно подняв над головой руку, крикнул:

— Не давать пощады фашистской орде — таков мой приказ вам, ребята! Насмерть драться с врагами земли нашей русской.

Я помню облако оранжевой от заката пыли. Взбитая копытами пришедшей в движение конницы пыль поднялась над кровлями станицы и поплыла, колыхаясь, над головами всадников, над багровыми крыльями знамен.

В час, когда отзвучали слова клятвы и ненависти старого георгиевского кавалера, с предельной простотой, силой и яркостью выразившего в своей речи все мысли и чаяния сибирских казаков, прогремел трубный голос команды, и всадники стали стремительно разворачиваться на марш.

Под вечер казаки Горькой Линии начали свой великий поход на Запад. И лавина провожающих хлынула вслед за вставшими в походные стремяна сынами, проводив их, по традиции, далеко за станицу, в родимую овечьиную поэзией народных преданий, обильно политую потом и кровью предков степь.

Сибиряки уходили на Запад по древней дороге верности и чести. И по-новому звучали теперь слова походной песни наших станиц:

Закрой, казак, часы стальные:
 На циферблате ровно пять.
 Заржали кони строевые,
 Поход почуявши опять.
 В стремяна — ноги! Сабли — к бою!
 Трубит труба: «Пора! Пора!»
 Уж, точно море в час прибоя,
 Гремит над площадью «ура!».
 Казачьи сборы невелики:
 Команда подана — в строю.
 И заблестят на солнце шки —
 Подружки верные в бою!
 И запорхают шашки-птахи,
 Рука казачья горяча:
 Заломим на виски папахи,
 Чтобы ловчей рубить плеча!
 Нам не впервые в час тревоги
 На клич отчизны дорогой
 Лететь по воинской дороге
 На жаркий бой, на смертный бой,
 Из-под Урала горной кручи
 До берегов Иртыш-реки
 На вражьи орды туча тучей
 Поднимутся сибиряки!
 Шуми же, знамя боевое,

Над правнуками Ермака.
Перед врагом на поле боя
Не дрогнет верная рука!

7

А полгода спустя встретились мы в позиционных землянках Северо-Западного фронта. И не было в нашей жизни взволнованней, теплее и ярче этих встреч под фронтовым северным небом.

За многие тысячи километров, через всю огромную нашу страну, бережно донесли мы до вас теплое дыхание далеких станиц Сибири с неповторимым и милым сердцу нашему запахом родимых степных просторов, с горьким ароматом неприхотливых цветов их и трав...

И в суровых мужских объятиях, которыми обменивались мы с вами при встрече, таилось то великое чувство кровного братства, любви и дружбы, узами которого прочно связываются при рождении сибирские казаки. Недаром железные законы взаимной выручки в мирном быту и на поле битвы были усваиваемы поколениями сибиряков чуть ли не с колыбели. И только трус и предатель, только жалкий изменник Родины, позорно бежавший с поля боя под черные знамена врага, только такой выродок навеки лишался теплого отклика и участия широкой, настежь распахнутой души сибиряка. Вот почему по неписаным законам наших степных станиц такого изменника может убить каждый при первой же встрече.

Н-ское соединение сибиряков, вступив с марша в ожесточенные бои с противником на подступах к Ленинграду, долгие месяцы держало фронт протяжением несколько десятков километров. Сибиряки не только остановили орды врага, но и нанесли им тяжелое поражение. И зверь, заклеенный тавром сатанинской свастики, истекая черной дьявольской кровью, глубоко зарылся от сибирских сабель и пуль в негостеприимную для недругов российскую землю.

Плечом в плечо с братьями по оружию с честью прошли сибирские казаки первое боевое крещение. В битвах за неприступные твердыни города Ленина, в разгроме германских армий под Москвой, в кровопро-

литных сражениях на улицах Сталинграда — везде и всюду, где бы ни сражались с оружием в руках доблестные сыны Сибири, они навсегда упрочили за собой боевую славу достойных потомков Ермака. И с предельной силой и яркостью сказался в их подвигах тот цельный и крупный характер, которым отличается волевой наш, мужественный, стойкий и храбрый сибирский народ.

Командующий армией сказал нам о наших сородичах:

— Львы — не ребята!

Крепко запомнили немцы удары сибирских штыков и сабель времен первой мировой войны. Но еще крепче запомнят они сибирских стрелков времен Великой Отечественной войны.

8

Никогда прежде не говорили мы со станичниками так много, с такой душевной теплотой и сердечностью о нашей Родине, как в дни незабываемых фронтовых встреч.

По ночам, озаряемым холодным и мертвым сиянием вражеских ракет, когда временами от орудийного грохота ходуном ходила вокруг земля, все наши думы и чаяния были связаны со светлым именем нашей Отчизны, любимой и верной, близкой и дорогой.

И когда в час недолгих боевых передышек нырнувший в блиндаж боец, не снимая с груди автомата и не освобождаясь от засунутых за пояс противотанковых гранат, тотчас же брался за гармошку и решительно, по-сибирски разворачивал перед нами малиновые ее меха, мы хором на лету подхватывали стремительно вспорхнувшую с его веселых губ знакомую песню и высоко, как знамя, поднимали ее над передовой. И с изумительной, волнующей силой звучали в землянке заученные нами с детства слова:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали,
И беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Прислонившись к бревенчатым стенам укрытия, устало полусмежив приученные к бессонным ночам глаза, хорошо пели земляки в такие минуты о боевых подвигах наших предков. И тогда в сознании каждого из нас поднималась на крыльях этой неуывдаемой песни великая наша держава. И мы слышали ритмичные удары полнокровного ее пульса. Мы ощущали материнское дыхание ее. И теплей и светлей становилось в нашей землянке — в этой маленькой крепости огромной страны.

Но вот отзывчивые клавиши гармони задумчиво заперекликались в трогательной и милой мелодии песенки о синем платочке. И перед глазами каждого из нас неясно выступал из полумглы блиндажа любимый облик. И за теплом ласковых девичьих рук, которое ощущали мы, слушая эту песенку, за образом, овеянным дымкой сокровенных воспоминаний, воскрешались в памяти родимые просторы сибирских равнин.

Клавиши гармони задумчиво вспоминали о синем платочке. И одному, может быть, виделся в эту минуту старый ветряк на пригорке, под крыльями которого играл он в бабки в детстве и целовался с любимой девушкой в юности. Другому мерещилась цепь жемчужных озер, как море, меняющих свою окраску утром, в полдень и вечером. И все это было живым, реальным, почти физически ощутимым воплощением понятия о Родине, за чистоту, неприкосновенность и святость которой с невиданным ожесточением и стойкостью дерутся на поле битвы советские люди.

Души не чает в песенке о синем платочке наш одностаничник — пулеметчик Сережа Ваганов; он мастерски играет ее на баяне и хорошо, с душой, напевает в минуты боевых передышек простые и трогательные слова. И вот рассказывают, что однажды, когда ринувшиеся на наш передний край фрицы помешали Сереже Ваганову доиграть и допеть эту песенку в землянке, он допел ее на огневом рубеже. Случилось, что вклинившиеся в нашу оборону немцы отрезали пулеметный расчет Сережи Ваганова от его боевых товарищей, и он, оставшись один, продолжал яростно поливать свинцовым огнем фашистов. Взвод немец-

ких автоматчиков, окружив отважного пулеметчика, намеревался, видимо, взять его живым. И тут, как на грех, вагановский пулемет смолк, захлебнулся. Фашисты, воспользовавшись этой заминкой, но не решаясь, однако, еще подняться из-за прикрытия, принялись было горланить со всех сторон:

— Рус, сдавайся! Капуть! Капуть!

— Сию минутку...— вежливо откликнулся пулеметчик, поспешно налаживая внезапно заевший пулемет.

И вдруг немцы услышали слова русской песенки о синем платочке. Ее пел Сережа Ваганов. Торопливо выправляя привычной рукой пулеметную ленту, он напевал с такой поспешностью и досадой, словно опасался, как бы не помешали допеть ему любимую песенку до конца:

Эх... нет прежних почек!
Где же ты, платочек,
Милый, желанный, родной?!

Но вот ожесточенный клекот снова заговорившего пулемета заглушил охрипший голос Сережи. И уцелевшие немцы, напоровшись на непроходимую завесу огня и ненависти, откатываясь назад, смятенно и тупо твердили:

— Сибирские стрелки! Сибирские стрелки!
Они знали: здесь им не пройти.

9

Непривычно тихи и безлюдны были улицы колхозных станиц, степных аулов и сел в горячую страдную пору 1942 года. Даже в часы заката не встретишь знакомой с детства стариковской фигуры, уютно примостившейся где-нибудь под окошком дома на вросшем в траву бревне, на мирной сельской завалинке. Ведь часы погожих летних закатов — это часы заслуженного за долгую трудовую жизнь отдыха стариков, часы для одиноких хороших, проникновенных и мудрых раздумий...

Но не до отдыха в эти грозные дни, видно, и нашим старикам, не до завалинок теперь нашим дедам, не до раздумий.

2. П. Шухов.

294140

И если тихо, безлюдно и пустынно на сельских улицах, то зато какое небывалое оживление стоит сейчас от зари до зари там, в степях, далеко за станицами, за аулами, селами и хуторами! Там, в полях, где степной поднимаются на редкость густые, тучные и рослые хлеба, где, подобно морской зыби, гуляют по необозримым ржаным и пшеничным колхозным массивам голубые волны цветущих и оплодотворяющихся хлебов,— там ключом бьет трудовая энергия засучившего по локоть рукава великого советского народа. Пулеметная дробь стрекочущих в траве сенокосилок вызывает невольное сравнение труда с горячей фронтовой битвой. Весь ритм окрестных работ говорит о том, что на этих полях кипит сейчас необычайная, удивительно дружная, мужественная, стройная, как песня, боевая работа.

Здесь, на колхозных полях, развернулись сейчас передовые рубежи трудового фронта.

Каждый день вижу я, с какой яростью сжимаются могучие кулаки выдавших виды в боях с врагами русской земли казаков, когда на полях и полевых станах в минуты короткой трудовой передышки заходит речь о коричневых немецких бандитах. Слышу, как говорят отцы тех, кто с винтовкой и саблей в руках борется в эти дни с гитлеровскими людоедами на полях величайшей битвы. И вот как звучат отцовские речи:

— Били мы немцев в первую империалистическую на Мазурских озерах. Громил в Восточной Пруссии. Уничтожали их полки, корпуса и дивизии в рукопашных сражениях под Краковом, Гальдапом, Кенигсбергом и Перемышлем. А наши сыны разгромят банду подлых немецких фашистов.

Так говорят старые казаки, сражающиеся за нашу победу в тылу, на великом трудовом фронте.

Сейчас нередко можно встретить в станицах и селах стариков, проводивших в ряды Красной Армии своих сыновей. Как правило, прежде отцы этих детей держались уже в стороне от колхозной работы. Но пробил час — и все такие старики решительно потребовали для себя права на труд, на защиту родной земли на трудовом фронте.

Шестидесятилетний С. Т. Трушин из колхоза «Жизнь», явившись к председателю колхоза, сказал:

— Отдохнул я, дорогой товарищ председатель. Хватит. А в такие дни без дела больше сидеть не могу. Не в моем характере. Согласный я на любую работу, где меня постанавите. За любое дело отвечу. И лицом в грязь на старости лет не ударю.

Колхозники Пресновского района вместе со всем народом великой нашей страны живут сейчас одной мыслью, одним стремлением: дать нашей Родине и действующей армии больше хлеба, мяса, молока, масла и других продуктов.

Тысячи школьников и пионеров вместе со своими учителями вышли на колхозные поля. Я видел их, загорелых, веселых, проворных и сильных, за работой на сенокосах. Как ловко работают наши ребята под знойным солнцем вилами и граблями! С какой огромной любовью относятся к молодым своим помощникам старые люди! Я видел их, и старых и молодых, объятых единым порывом труда и борьбы. Видел их за работой, и в часы коротких дневных передышек, и в тихие часы вечернего отдыха, вокруг бушующих в вечернем мраке костров за скудной трапезой. При виде их сердце наполнялось чувством огромной радости и великой гордости за нашу землю, за землю, вскормившую мой умный, талантливый, влюбленный в жизнь, в труд, в песню и в творческое деяние советский народ.

Самоотверженно, организовано, спокойно и уверенно работают на колхозных полях наши патриоты. Но все они, от мала до велика, с такой же решимостью готовы в любую минуту сменить штурвалы комбайнов и тракторные рули на грозные боевые машины.

Ежедневно поступают в районный комиссариат заявления от молодых и старых колхозных патриотов. Написанные нередко корявым, непослушным почерком, заявления эти проникнуты чувством горячей любви к своей Родине, к партии большевиков. Чувство это выражено тем народным русским языком, который назван великим.

Вот, например, братья Павел и Петр Шиховы пишут: «Мы работаем трактористами в колхозе «Путь

к социализму». Грудимся мы честно. За последнее время мы подготовили хорошую смену из наших колхозных девушек. Мы знаем, что рули наших тракторов будут в надежных руках, родители наши всем обеспечены. Отец еще может работать. В прошлом году он у нас заработал семьсот трудодней. Наш третий брат дерется сейчас с немецкими бандитами на фронте. Горячо просим отправить на фронт и нас двоих. Заверяем, что будем стойко защищать любимую нашу Родину».

Свыше шестидесяти женщин и девушек станщицы с успехом овладевают искусством трактористов, шоферов и комбайнеров.

Нет, никогда еще прежде не знала такого огромного творческого напряжения жизнь колхозных станщиц, аулов и сел! И много можно было бы привести примеров, свидетельствующих о трудовом героизме нашего народа. Высокое чувство долга перед Родиной, безграничная любовь и преданность партии большевиков — вот что сплотило народ наш в минуты грозной опасности и вот что служит залогом нашей победы над хвастливым, наглым, самоуверенным врагом.

10

Эти строки пишутся в ясный, до звона прозрачный осенний день. Вторая половина ноября. Но в наших родных краях степной Сибири — в Северном Казахстане — стоит в этом году на редкость погожая, сухая пора. Недаром казарка нынче шла высоко: быть затяжной и ведряной осени — это верная народная примета.

Осень.

Снялись с окрестных озер и ушли на поиски зимнего приюта белоснежные лебеди-кликунь. Прошли над станицами Горькой Линии с прощальным клекотом журавли. И косяки гусей покинули до весны гостеприимные наши займища. Куда, в какие края откочевала в эту вторую военную осень жившая в наших степных просторах птица? И найдет ли теперь она надежное пристанище, в пору огненных смерчей и свинцовых

бурь второй мировой войны, бушующей на всех континентах?!

Умиротворяющая тишина никнет над обнажившимся лесом и шафранно-палевой степью. В глубоком раздумье стоят деревья, неярко озаренные у подножий червонным золотом опавшей листвы. Спокойно и холодно блестят на нежарком осеннем солнце окрестные озера. Огромный предзимний мир предзимнего величия, раздумья и покоя простирается над цепью линейных станиц. Тихо в степи. Значит, быть скорому снегопаду и суровой, звонкой, прекрасной сибирской зиме. Тихо в степи.

Но прислушайтесь к этой тишине, и ваше ухо уловит далекий ритмичный стук веялки, или ровный гул тракторного мотора, или глухой рев молотильного барабана на колхозном току. Ни днем, ни ночью не замирает в окрестных степях этот четкий трудовой ритм. И в прозрачные, хрустально-чистые дни ноября и в голубые от полнолуния ночи, в любой час, в любую минуту слышен этот плывущий из степной стороны волнующий грохот и шум молотильных агрегатов, ляганье тракторных гусениц, бойкий разговор неутомимых зерноочистительных машин — триеров и веялок. Напряженно бьется пульс трудового тыла, и четкие удары его созвучны ударам пульса героического фронта Великой Отечественной войны.

По ночам над кровлями огромных зернохранилищ Заготзерна мерцает лимонно-желтое зарево электрических огней. Склады Заготзерна — самое оживленное место сейчас в станицах. Бесперывным потоком золотого дождя льется в просторные пакгаузы отборная колхозная пшеница — продукт труда гвардии тыла.

Проводив лучших своих сынов на фронт, станицы зажили напряженной жизнью военных лагерей. В окрестных степях дозревали, искрясь золотыми вспышками, неоглядные массивы рослых и густых — мышь не прорезет — хлебов. Моря янтаря желтой пшеницы, голубого овса и молочно-белесого ячменя глухо шумели окрест станиц, тяжело колыхаясь на жарком ветру и перекатывая из края в край тяжелые, лоснящиеся под солнцем волны.

Огромные площади колхозных и совхозных посевов, уродившийся на страх врагу урожай, многотысячные табуны скота, привольно пасущегося на сочных сибирских травостоях,— все это требовало от оставшихся в тылу боевого разворота сил и средств, подлинных трудовых подвигов и героических усилий, чтобы вовремя, по-хозяйски справиться с уборкой, обеспечить гигантские табуны кормом, теплой и сытой зимовкой и, наконец, дать воинам фронта сотни тысяч тонн высокосортного зерна. И крепко запал в отзывчивые сердца линейных казаков и казачек боевой девиз: «В тылу — как на фронте: работать не покладая рук! Все для фронта! Все для победы!»

И старожилы степных сибирских станций остались верны этому святому, как боевая присяга, девизу. И вековые традиции сибирских воинов, сблизив минувшее с настоящим, прочно скрепили священным союзом далекий фронт и тыл. Тысячи настоящих героев, мужественных солдат гвардии трудового фронта. Придет время, и о трудовых подвигах старых казаков, доблестных казачат и молодых казачек будет написано в песнях и гимнах, в прозе и в стихах!

11

Огромная территория старинной станичной крепости, где возвышаются теперь над степью корпуса громадных зернохранилищ Заготзерна, в любое время дня и ночи забита бричками, верблюдами, лошадьми, быками. Почти непрерывным потоком тянутся сюда со всех окрестных дорог транспорты с зерном нового урожая. Сухой и плотный запах хлеба стоит в воздухе над кровлями складов, над шумной и суетливой толпой стариков, женщин и подростков.

Меж бричками сует седой и осанистый старик в старомодном бешмете степного покроя, в глубоких резиновых калошах, обутых на белый шерстяной чулок. Из-под стрельчатых пол бешмета выглядывают широкие латанные в коленках шаровары, опрятно заправленные в рубчатые раструбы чулок. Но не по годам подвижной и суетливый старик, легко шаркая кало-

шами, кружится вокруг бричек с зерном. Зачерпнув из ящичка горсть пшеницы, он как бы взвешивает зерно на ладони и, применившись к нему на запах и вкус, почти безошибочно определяет тут же кондиционные качества хлеба.

— Влаги — около пятнадцати. Сорность — не больше двух. Ядреное зерно! Сердце радуется такому хлебушку. Благодать!..— говорит старик не то самому себе, не то сидящему на возу угрюмо нахохлившемуся подростку.

— Наш колхоз худого зерна государству ишо не сдал. Не принято у нас такое дело...— бормочет в ответ на слова старика парнишка.

— Эх ведь ты какой вострый! — изумляется дед.

— Не тупой...— отговаривается парнишка.

— Ну-ну-ну! Мал ты ишо с дедом так разговаривать, станишник! — сердито покрикивает дед на подростка, смыкая зандедевские от седин брови.

— А ты меня ростом-то, деданько, не кори...— уже несколько смягчившись под крутым стариковским напором, отвечает деду подросток.— Што меня ростом-то, понимаешь, корить, если я на сегодняшний день побольше трехсот трудовен в колхозе имею!

— Не прихвастал?

— Нет, не прихвастал, товарищ. А ты бы вот лучше взял да почитал, что про меня в райгазете жирным шрифтом пишут!

— Прямо в райгазете? Не слыхивал што-то...

— Худо. Старый, а райгазеты не читаешь.

— Худо. Грамоты за собой не имею, станишник.

— В ликбез бы ходил.

— В мирно, слышь, время не надоумился, а теперь уж, дорогой мой товарищ, не до ликбезу.

— В мирно, в мирно... С вами, со старыми, и до войны-то сколько мук было. На трех арканах, бывало, вас в ликбез-от не затащишь.

— Это правильные твои речи, станишник. Был такой грех,— признается старик.

— Што там говорить! Факт.

— Ну, и язык же у тебя, слышь, парень! Ну, и вострый же ты — клинок чисто! — довольный резово-

стью собеседника, говорит дед и одобрительно треплет при этом по плечу парнишку.

— Я молчать не умею...— бормочет, путаясь в вожжах, парень.

— Чую, слышь. Вижу. Хватом растешь. И за триста трудовен хвалю. Пробойный ты, смотрю на тебя, казак. Самостоятельный!

— Ну, факт...— просветлев от дедовской похвалы, смущенно бормочет парнишка.

— Да не «факт», а «рады стараться!» — вот как отвечать на мою словесную похвалу должен. Во фронт, на полную вытяжку стать обязан, когда со старым человеком разговариваешь! — снова строго и сурово прикрикивает старик на парня и, осуждающе покачивая головой, поспешно отходит к следующему возу.

Это Евсеч. Старый георгиевский кавалер. Его здесь все знают. Знают. Уважают. Побавляются. Целый божий день непоседливо кружится он около зернохранилищ. Официальные обязанности его более чем скромны: он всего-навсего сторож заготпункта. Фактически же Евсеч держится на огромном дворе заготпункта как строгий, требовательный и рачительный хозяин. И ничто не ускользает от его острого, придирчивого взгляда. Сбрую найдет не в порядке — тут же заставит исправить и не отступит от возчика до тех пор, пока тот не выполнит у него на глазах справедливого и жесткого стариковского требования. Девки у веялок застоялись — на девок прищипнет. Соринку лишнюю в зерне обнаружит — к зернохранилищу такому транспорту дороги уже нет: непременно на перечистку пошлет. И никому неведомо, когда только спит этот неутомимый, беспокойный старик. И хоть крутоват он характером и остер на язык, зато уж, где надо, найдется у старого кавалера и теплое слово и веселая шутка.

А спустя некоторое время Евсеч, снова столкнувшись с хмурым на вид малолетком, устало присаживается рядом с ним на разостланный под бричкой зипун.

Не обращая ни малейшего внимания на деда, малолетний станичник, звучно посалаывая носом, кряхтит

над обрывками веревки, хозяйственно сращивая конец с концом.

Старик, посасывая самодельную трубку, набитую крепким самосадам, долго молча наблюдает за старанием парня и наконец говорит:

— Лечишь?

— Приходится,— глухо отвечает парень, не глядя на деда.

— Правильно. Война, брат, всему научит.

— Факт.

Помолчав, пососав трубочку, дед спрашивает:

— Ну, а хлебец-то как? Приняли?

— Точно.

— А кондиции какой вышел?

— Кондиция ей высокая, дяденька. На влажность — четырнадцать, на сорность — два.

— Ядреное зерно! Стало быть, я на глаз не дал маху, станишник? Точно определил вашенское зерно? Ась?

— Как в аптеке...

Наконец, словно проснувшись, старик спрашивает:

— А откудава ты, станишник, из Ольговки, что ли?

— Тамошний.

— По коням и по снасти вижу. Самостоятельный ваш колхоз, с достатком.

— Нужды пока ишо не терпели...

— А с посевной как у вас нонче было?

— Как у всех.

— Га тыщи четыре осилили?

— Нету, деданько, бери выше! — сразу же оживляясь, говорит малолеток. — Это план у нас в мирное время был такой — четыре. А мы без малого пять тыщ га в эту весну одолели.

— Круглая цифра!

— Цифра самостоятельная!

— Ну, а с уборошной справились? — продолжает интересоваться дед.

— Справились. На буксир ни у кого не просились. Мы ведь и по уборошной и по хлебозаготовке обратно первое место за нашей станицей держим. Двенадцатую тыщу центнеров на сегодняшний день от-

гружаем. Тыщ двадцать пудов уж сверх плану на оборону сдали.

— Крепко завернуто! По-нашински. По-сибирски. Ничего не скажешь на такие речи — орлы! — восторженно говорит дед.

И, снова помолчав, приправив указательным пальцем слабо тлеющий огонек в полупотухшей за разговором трубке, рассудительно добавляет в раздумье:

— А нонче, хватил, любая станица на Горькой Лени около ста тыщ пудов в государство сдаст. Вот тебе и война! Германец-то там, поди, думал измором нашу державу взять. Што, дескать, сделают с колхозной-то пашней русские бабы, старики да малолетки! Не осилить, мол, им ни сева, ни уборошной страды. Такой расчет он себе на своем германском уме имел, когда на Русь подымался. Да недаром правильные слова в нашей песне поются: «Гладко вышло на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!»

— Ой, какая хорошая, деданько, песня! — сразу забыв даже о своем деле, восхищенно говорит подросток.

— Песня правдивая. Старинная,— спокойно отзывается дед на восторженный голос собеседника и, как бы продолжая свою прежнюю мысль, заключает: — А и золотое же дно — Сибирь наша матушка! Золотое дно!

— Золотое... Золотое... — задумчиво повторяет за дедом парнишка. И, доверчиво посмотрев на старика, говорит: — Был бы ты, дед, грамотный, ишо бы больше узнал из учебника географии, чем наша Сибирь богата. Не один хлеб у нас: золото, уголь, леса дремучие, драгоценный зверь, меха бобровые и соболя... А заводы какие... Ух!..

— Ну, ладно. Ты меня, слышь, географией-то твоей не кори! — сурово перебивает старик подростка. — Я про родимый край все скрозь и без твоих учебников знаю. Мне привел бог аж до самой Маньчжурни в конном строю пройти. Своими глазами я всю нашу сибирскую географию налицо видел. Мы, сынок, и в Байкал-озере, и под Хивой-городом, и в Царстве Польском бывали. И трехфунтовые яблоки в садах Семиречья ку-

шали. Только лучше нашей родимой Сибири краев я не видел. Меня, слышь, в дальних-то краях и теплых странах тоска по нашим степям и метелям заедала. Вот какое понятие, станишник, я насчет географии за собой имею...

И старик опять умолкает. Выбив пепел из трубки, он тотчас же снова набивает ее самосадам. И, снова попыхивая сизым дымком, внимательно следит за расторопными движениями проворных ребяческих рук, хозяйственно сматывающих ременные вожжи. Затем он снова обращается к парню с вопросом:

— А много ли годов-то тебе, станишник?

— Порядошно, деданько.

— Все же? Любопытствую...

— Да двенадцать уж с гаком...

— Орел! И казак, гляжу я на тебя, хозяйственный.

— Руководствую, как умею...

— Нехудо, сынок, руководишь. Нехудо. Вот и сбруя у тебя в полной форме. И веревину на моих глазах срастил. И кони в транспорте у тебя справные. Побольше бы вот нам таких самостоятельных казачат в такую годину!

— У-у-у, а нас много! Мы ведь всей школой лето-летенски в колхозе работали. Больше пяти тыщ трудоден в этом году за правлением нашей артели имеем. Нас уже премировать пристали. Одного авансу больше ста пудов на нас приходилось. Да мы обратно весь этот хлеб на оборону отчислили.

— Хваты! Хваты! Хороший подарок нашей державе сделали. Хвалю за такую ухватку! — взволнованно говорит, ласково потрепав по плечу собеседника, старый георгиевский кавалер. Затем, как бы спохватившись и точно вспомнив о чем-то, Евсенч суетливо вскакивает на ноги и, уже на ходу прощаясь с подростком, бормочет: — Ну, бывай здоров, станишник. Зарапортовался я с тобой, слышь, чисто. Чуть было и о деле не забыл.

— А ты бы отдохнул со мной, деданько, маленько, — просит старика вскочивший вслед за ним на ноги малолеток.

— Нету, сынок. Извиняй. Побегу! А отдыхать мы с

тобой будем, когда Гитлера в помойну яму свалят и осиновый кол в собачью могилу его забьют!

Через минуту деда уже не видно.

А малолетний станичник, по-хозяйски оправив полвешенные к дышлу торбы, из которых, вкусно похрустывая, едят кони овес, сам снова опускается на разостланный под бричкой отцовский зипун. И хотя вот уже больше полутора лет не надеывал ушедший на фронт родитель этого зипуна, а все равно одежина хорошо и тепло пахнет отцом, точно сейчас она сброшена наземь с родных могучих плеч...

Лежит парень навзничь. Широко разбросив руки и ноги, кажется он в таком положении взрослее, сильнее и больше людям и самому себе. И если посмотреть на него в такую минуту со стороны, то вам покажется, что это не двенадцатилетний школьник Митя Назаров, а настоящий, несколько утомленный длительным конным маршем сибирский казак. И спит этот казак как будто мертвым, крепким сном богатыря. Но это только кажется. А на самом деле необычайно чуткий на побудку и по природе отзывчивый на малейший тревожный шорох и звук, он всегда готов к новым маршам, к новым битвам и подвигам, к любым невзгодам и испытаниям, написанным ему на роду.

12

Длинные и глухие ноябрьские ночи в Северном Казахстане!

Но далеко за полночь не гаснут огни в окнах добротных бревенчатых домов древней сибирской станицы. Не до сна теперь трудовому народу и в эти поздние часы. Вернувшись из далекой степи, с колхозных ферм, с дальних токов, из полеводческих бригад и от молотильных агрегатов, собирается казачья семья после ужина в чистой, опрятно прибранной горнице. И до глубокой ночи звучит здесь теплый говор воспоминаний об отсутствующих в застольном кругу семьи отцах и сынах, о мужьях и братьях, коротающих эти ночи там, на огненных рубежах страны: в Сталинградских степях, под древним русским го-

родом Ржевом, в горах Кавказа, в дремучих Карельских лесах...

Тихо за голубыми от полнолуния окнами на улицах станицы. Тихо в уютных казачьих горницах, неярко озаренных огоньками висячих семилнейных ламп. И каждый раз в эту глухую полуночную пору здесь снова и снова перечитываются уже наизусть заученные всеми, но по-прежнему глубоко и горько волнующие письма родных и знакомых фронтовиков. А затем тут же пишется всей семьей и ответ.

Ответ пишут в большинстве случаев ребятишки. Пишут они под певучую родительскую диктовку. И старики требуют при этом от малолетних грамотеев, чтобы они не очень-то вольничали в письмах разными там пустячными словами, а писали точно так, как диктуют им, блюдя строго-настрого положенный слог и форму.

Старый георгиевский кавалер Евсеич хоть человек и неграмотный, а уж письма-то служивым диктовать хорошо умеет. И он осуждающе и строго говорит своему внуку, шестикласснику Алеше:

— Хоть и боек ваш брат, Алешка, ноиче на слово, а все же настоящего письма супротив нас, старых людей, вы составить не можете.

— Так уж и не можем! — обижаясь на деда, говорит Алеша. — А сочинения на «отлично» кто мне помогает писать, ты, што ли?!

— Замри, варнак, когда с тобой старшие говорят! — вспыхив, прикрикивает на Алешу Евсеич. — Пиши, говорят тебе, согласно моего артикула, как все добрые люди!

И Алеша, умолкнув, принимается покорно писать под неторопливую и несколько торжественную диктовку деда, строго соблюдая все требования придиричивого старика.

А дед, не спуская с внука хитро прищуренных пытливых глаз, ревниво следит за бойким движением руки малолетка, втайне завидуя его писарскому мастерству и словно читая каждую фразу. И хотя неграмотный старик не может, разумеется, прочитать написанное Алешей, однако обмануть деда в этом деле отчего-то никак нельзя. Бог весть какими путями, но старый ге-

оргневский кавалер тотчас же безошибочно угадывает самую незначительную фальшь и малейшую неточность в неверно записанной внуком фразе.

...Как-то в конце сентября надумал Евсеч послать от своего имени письмо самому командиру части, в которой сражается с немцами на фронте младший из троих сыновей георгиевского кавалера — двадцатитрехлетний Яков.

Задумано — сделано.

Но, как и всегда при начинании особо важного дела, Евсеч и в данном случае решил прежде всего посоветоваться насчет этой затеи со своей «полковницей», как он шутя привык называть за долгие годы совместной супружеской жизни старую Арсентьевну. Правда, советы эти часто приводили к шумным разногласиям, но, тем не менее, обходиться без них Евсеч положительно не мог.

Грехом кончился семейный совет георгиевского кавалера с «полковницей» и на этот раз. Как-то вечером, оставшись с Арсентьевной с глазу на глаз, Евсеч, рискуя открыть перед ней свои замыслы, сказал:

— Я, слышь, полковница, дело одно задумал. Посоветоваться с тобой хочу.

— Ну... — насторожившись, откликнулась Арсентьевна.

— Я, слышь, решился письмо на фронт пустить одному командиру.

— Командиру?

— Так точно.

— Какому командиру? — уже явно язвительно спросила Арсентьевна.

— Командиру полка, при котором Яков наш состоит.

— Сбросило Ерему...

— А пошо бы и нет?

— А пото, што пора бы уж на старости-то лет перестать смешить добрых людей своей дурыю.

— Здравствуйте, я вас не узнал! — насмешливо кланяясь «полковнице» в пояс, сказал Евсеч.

— Милости просим... — ответила ему Арсентьевна тем же тоном.

— Ну, да я ведь так и знал, — неожиданно спокойно и рассудительно заговорил Евсенч. — Так я и знал, што ты и тут попереk дороги мне станешь. Што ж, старая песня! Слава богу, целый век с тобой маюсь. Вызнал твой ндрав. Вызнал, а все за каким-то чертом за советами к тебе лезу! — опять теряя самообладание, заключил, сердито сплюнув в сторону «полковницы», георгиевский кавалер.

— Не лез бы. Все, глядишь, без тебя греха поменьше бы перед богом на душу намотала.

— Куды там! Без меня ты бы давным-давно в раю была. Прямо, слышь, с марша, прямым сообщением в чертоги бы поступила.

— Ведь это беда чисто! — всплеснув руками и словно обращаясь к кому-то третьему, проговорила Арсентьевна. — Ведь это куды только годно! Што ни день, то новая затея. Што ни затея, то новый грех из-за его фокусов на душу принимаешь. И подумать только, што ему опять в голову ни с того, ни с сего взбрело: письмо он командиру полка пустит! Послушала бы я, што ты ему там набуровишь...

— А это не бабьего ума ишо дело — в тому подобные письма соваться... Да рази в таких сурьезных делах с вашим братом совет держут?! Недаром сказано: баба — полный тус греха!.. А для тебя Яков кем будет? — совсем неожиданно спросил кавалер «полковницу».

— Не в укор господу богу, кровным сыном придется, — с достоинством ответила Арсентьевна, не совсем еще понимая значение этого внезапно поставленного ей вопроса.

— Хорошо. Для тебя — кровный сын. Не спору. Согласный. А вот для меня он есть перво-наперво — сибирский казак, воин!

— Што казак он у нас, это я и без тебя знаю.

— Мало знать, полковница. Надо ишо душой чутья! А у меня сердце за его воинскую честь болит. Я ночей не сплю — одну думу думаю: верен ли он там у меня святой присяге? Честно ли служит на поле брани нашей державе? Хорошо ли германцев в рукопашных битвах родительской саблей соборует? Вот об чем и

надумал я письменно спросить самого командира полка, при котором состоит на службе наш Яков. Пусть полковой командир самолично на мою отцовскую тревогу за сына ответит.

— Ты бы ишо аж какому-нибудь там генералу письмо от себя пустил, — не унималась Арсентьевна.

— А што ты думала? И генералу пушу, не оробею.

— Ну, генералу-то письмо составить — не со мной побарахлить.

— И это знаю. Я не тебе чета. Я с самим их высокопревосходительством покойным командующим всем фронтом генералом Брусиковым словесную беседу на театре военных действий имел. Стало быть, ты меня, полковница, генеральскими чинами не пугай. Я с любым человеком обходительность имею.

— Ну, ладно, — безнадежно махнув на кавалера рукой, сказала «полковница». — Ладно. Для меня ты хоть самому Сталину письмо пушай. Валяй. Только ведь им сейчас и делов, что на твои доплатные письма заказные ответы на гербовой бумаге слать. Разевай рот, станут с тобой генералы связываться, да ишо в такую пору!

13

Не найдя поддержки в своих замыслах у Арсентьевны, Евсич в тот же вечер решил поговорить насчет письма с Алешей и сразу же нашел во внуке отзывчивого и верного в этом деле союзника. Не дав даже толком договорить деду до конца, Алеша пулей слетал на кухню за ученической тетрадью, на листках которой обычно писали они с дедом письма на фронт, и, приготовившись писать под диктовку, сказал:

— Дедушка, ты у нас мировой! Давно бы нам надо было написать такое письмо генералу.

— А ты думаешь, мы пустим письмо прямо генералу? — спросил Евсич.

— Ну...

— Согласный. Давай пустим прямо генералу.

— Прямо аж самому главному командующему, — решительно заявил Алеша.

— Аж самому главнокомандующему? — почти шепотом спросил дед.

— Ну.

— А как, слышь, мы его составлять будем? Руководства по письмоводительскому делу у нас с тобой под руками нет. А без руководства опасно, Алексей, на имя высших чинов писать. Так мы черт те што набуровить ведь с тобой можем.

— Не набуровим, — уверенно сказал Алеша. — Ты только давай дикгуй мне обратно скрозь все от себя — и только. Пусть генерал поймет, что пишет ему старый сибирский казак такой-то.

— Георгиевский кавалер такой-то, — поправил внука старик.

— Ну, факт. Так и подпишем: писал, дескать, это письмо георгиевский кавалер такой-то.

— Правильно. Это все хорошо будет у нас с тобой составлено, — сказал, подумав, Евсенч. — Только в одном я, слышь, Алешка, сумлеваюсь: как мы ему письмо откроем?

— Что значит: «как сткроем»? — не понял внук.

— А то значит, што как мы его с тобой величать будем, генерала-то? По прежнему-то артикулу в письменном прошении на имя генерала надобно было полный титул правописать. А как мы напишем?

— Да так просто и напишем: «Дорогой товарищ генерал!»

— Просто товарищ генерал, и баста?!

— Ну, факт. А то как же еще? — удивился Алеша.

— Неловко как-то мне, старому казаку, да ишо георгиевскому кавалеру, запакибрата с высоким армейским чином обращаться. Непривышно это, Алексей, для меня. Прежде бы их высокопревосходительством вывеличал. Дак ведь так-то оно куды звончее выходит!

— Ну, теперь этого нельзя, деда, — решительно заявил внучек и, нацелившись пером на графлений листок тетрадной бумаги, приготовился к добросовестному исполнению обязанностей писаря.

...Всю ночь, не смыкая глаз, трудились над письмом к генералу старый георгиевский кавалер с Алешей. Перешептываясь, как заговорщики, они трижды переписали

сывали и десятки раз вполголоса перечитывали уже наизусть заученное ими письмо, адресованное в личные руки командующего фронтом, на котором дрался с немецкими ордами Яков. Все это делалось сообразно с решительным требованием Евсеича, в глубокой тайне от Арсентьевны, которая и в самом деле не ведала о том, чем заняты в эту ночь уединившиеся в горнице дед с внуком.

А рано утром Алеша сдал прошитый крест-накрест черными нитками треугольный конверт на почту.

И потянулись долгие, томительные дни ожидания ответа. Дед, как и прежде, проводил эти дни на складах Заготзерна, строго следя за качеством сдаваемого государству хлеба. Внук совмещал школьные занятия с трудом на воскресниках, помогал колхозу в молотье и хлебоотгрузке. Но ни тот, ни другой не только не выдали своей тайны Арсентьевне, но даже избегали теперь заводить разговор о письме между собой. А не говорили они об этом потому, что оба втайне, падо сказать, сомневались в получении ответа. И не дай бог, узнала бы прежде времени о письме бабка, пропали бы они тогда с дедом, со свету бы сжила тогда старуха своими насмешками георгиевского кавалера, да и Алеше бы перепало...

Шли дни.

Алеша и Евсеич крепились, молчали, ждали.

И вот однажды — это случилось в первых числах ноября — две снохи и замужняя дочь Евсеича, вернувшись в сумерках с колхозного тока, были удивлены не совсем привычным парядом деда. Он повстречался им на дворе. Одетый в черный парадный мундир с поблекшими на рукавах галунами, который он ревниво берег еще со времен полковой службы, в широкие, старомодного армейского покроя шаровары с лампасами, тоже парадные, из тонкого синего сукна, старик, заложив за спину руки, неподвижно стоял посреди ограды. Словно к чему-то прислушиваясь и кого-то поджидая, он, казалось, не заметил даже внимательно оглядевших его с ног до головы и удивленно переглянувшихся женщин.

— Што это папаша-то у нас так снарядился?

Праздник у них сегодня какой, што ли? — спросила, входя в дом, свекровь старшая из снох.

— Пойди спроси его, — насмешливо ответила Арсентьевна. — Я уж пыталась. Как воды в рот набрал, молчит. Явился со склада нынче ни свет, ни заря. Парадную форму потребовал. Вышелкнулся. Перед зеркалом частым гребнем бороду начесал. И торчит вот битый час во дворе. Видать, поджидает кого, што ли...

Арсентьевна не ошиблась. Евсенч и в самом деле поджидал задержавшегося в школе Алешу, приказав семейным не начинать ужина до тех пор, пока не придет внук.

А спустя с полчаса, когда все семейные были в сборе, старик, усадив с собой рядом запыхавшегося Алешу, приказал Арсентьевне подать на стол лафитник вишневой настойки и пяток бирюзовых рюмок — по числу сидевших за столом взрослых членов семьи.

Почуввав что-то не совсем обычное в загадочном поведении георгиевского кавалера, «полковница» на этот раз беспрекословно выполнила его требование и, поджав губы, присела к столу.

Евсенч сам не спеша наполнил веселенькие рюмки вишневкой, поочередно, блюдя старшинство, расставил их перед каждой из женщин, а затем, расправив пышную, как знамя, бороду, сказал, кивнув внуку:

— Ну, Алексей, а теперь давай оглашай!

И Алеша, суетливо выхватив откуда-то из-за спины лист белоснежной, приятно похрустывавшей у него в пальцах бумаги, бережно расправил его на столе и высоким, срывающимся от волнения голосом стал читать:

«Георгиевскому кавалеру, сибирскому казаку
с Горькой Линии Тихону Евсеевичу Реброву.
Дорогой отец!

Сердечное спасибо Вам за хорошее письмо, а главное за то, что вы сумели воспитать такого орла, бесстрашного истребителя фрицев, каким является Ваш сын — сержант Яков Ребров, находящийся в настоящее время в одной из гвардейских частей моего соединения. Воспитанный Вами на слазных боевых традициях сибирского казачьего войска, сын Ваш является бес-

страшным и храбрым воином нашей доблестной действующей Красной Армии. Вы, престарелый, заслуженный воин России, можете смело гордиться Вашим Яковом, подлинным сибирским казаком, на груди которого горит орден Боевого Красного Знамени!

Крепко обнимаю и целую Вас, георгиевский
кавалер!

Командующий Н-ским соединением
генерал-майор *А. Степанов*».

Впервые в жизни увидели в больших и прекрасных глазах деда по-детски крупные, светлые и чистые слезы, от обилия которых глаза эти казались в такую минуту еще больше, роднее, прекраснее.

14

Километрах в полтора от станицы на высоком увале призывно маячат белоспешные шатры лагерей кавалерийского клуба. Неугасимое пламя высоко поднятого на флагштоке знамени гулко шумит и трепещет на вольном степном ветру. И пронзительные звуки сигнальных труб доносятся до станицы на ранней заре, в полдень и поздним вечером.

Все минувшее лето и осень шла в лагерях напряженная боевая учеба казаков призывного и допризывного возрастов. Под наблюдением и строгим руководством местных командиров запаса — прирожденных кавалеристов, под зорким контролем старейших казаков поставлены были в стремена целые подразделения казачьей молодежи линейных сибирских станиц. Кавалерийские клубы Горькой Линии воспитали уже превосходных наездников, лихих джигитовщиков, решительных, ловких рубак.

Будучи сами блестящими наездниками, отличными знатоками кавалерийского дела, безупречными мастерами сложной джигитовки в седле, с азартом энтузиастов занимаются старики с молодежью, с успехом развивая в юных станичниках врожденное мастерство кавалерийской хватки, любовно приучая их к виртуозному владению обнаженным клинком. Не найти сейчас ни

одной такой станицы в степных просторах Сибири, где бы не проходили в лагерях кавалерийских клубов курса боевой подготовки молодые казаки.

Но, охотно обучая кавалерийскому делу станичную молодежь, не бросают привычной тренировки с винтовкой и саблей и сами старики. Не утратив былой осанки и выправки, прочно и молодо сидят они в седле, изумляя своим мастерством безусых сынов и внуков.

С величайшей готовностью к жертвам и подвигам естают в строй защитников нашей Родины деды и внуки, отцы и сыны в эту грозную годину Великой Отечественной войны. Строги и требовательны к молодежи старые казаки. Уж кто-кто, а они-то, с честью пройдя через огонь и воду былых сражений за святость Русской земли, на зубок знают, что значит для воина закалка в учении, если предстоят впереди суровые маршруты дальних походов и ожесточенные рукопашные бои. Вот почему так настойчиво закаляют командиры в многокилометровых конных и пеших переходах своих сынов, неумоимо тренируя в них волю и мускулы, зрение и слух...

А в сумерках, когда, вернувшись с колхозных полей, казачки суетятся за управой домашних хозяйств, возвращаются из глубинных степей с боевых учений молодые всадники. Эскадроны конницы проходят, как встарь, по главной станичной улице, по той самой улице, которая издревле была дорогой чести и славы уходивших на поле брани сибирских казаков. Это улица древних воинских традиций.

Всадники проходят с песней.

Гулко звенят кованые конские копыта о бронированную заморозками родимую землю. И, как бубен, гудит дорога под глухим и ритмичным рокотом копыт, сопровождающих боевую походную песню:

То не бури с грозами
Грянули, ребята,
На берегах привольных
У Иртыш-реки,—
За орлиной стаей
Поднялись орлята —
Все в отцов родимых,
Все сибиряки!

Наши сабли острые;
Наши кони — звери;
Только гикни — ринутся
Черту на рога!
Сквозь огонь и воду,
Вьюги и метели
За отцами бросимся
Мы громить врага.
Не уйдет от конницы
Вражеская стая;
Сечь башку фашистскую
Казаку с руки.
Пусть помянет песней
Родина святая,
Как громили врага
Мы, сибиряки!

Ярко, молодо звучат чистые голоса всадников.

И старые люди, и дети, и женщины, и девочки — все, от мала до велика, высыпав при звуках этой огневой песни на главную улицу, молча любят шаг строевых лошадей, безупречной выправкой и посадкой всадников. И долго будут стоять у ворот эти люди, пока не скроется из глаз арьергардная колонна кавалеристов, пока не замрет где-то вдали горько волнующая каждого боевая песня, песня, властно зовущая к мужеству и решительности, к стойкости и к борьбе.

За края родимые,
За станицы наши
Мы в сраженья ринемся
С дикою ордой,
Чтобы жизнь привольная
Стала наша краше,
Когда мы с победою
Двинемся домой!
Казачьи сибирские
На стремени встали —
Не спастись от гибели
Подлому врагу...

Нет, не умерли и никогда не умрут в сердцах сибирских казаков Горькой Линии те боевые традиции воинственных предков, которые завещал нам великий завоеватель степных просторов Сибири и первый русский земледелец целинных степей нынешнего Северного Казахстана — атаман Ермак!

ст. Пресновская. ноябрь, 1942 год.

ЗАРЕВО НАД СТЕПЯМИ

[Записки писателя]

Ранней солнечной осенью 1955 года я вновь побывал в Темир-Тау. Как и в предыдущие мои поездки в эти северные широты Казахской республики, ехали мы из Караганды по превосходной, похожей на автостраду, идеально прямой и ровной дороге. Но с особым на этот раз, все возрастающим, все обостряющимся с каждой новой минутой душевным волнением присматривался теперь я к этим хорошо знакомым местам. Все та же, по-прежнему суровая и прекрасная в своем великом безмолвии, родная, близкая сердцу степь простиралась вокруг. Все те же строгие, тихие птицы, уютно подобранные свои крылья, как бы дремали на придорожных холмах. Все те же гигантские железные мачты высоковольтной линии, сопутствуя нам, шагали сбочь нашей дороги, сверкая на ярком утреннем солнце гирляндами фарфоровых изоляторов и золотистым отливом скупно поблескивающих бронзовых проводов.

Погожее, богатое красками утро вставало над степью. Высокое, умиротворяющее голубое небо с редкими, раскиданными ветром облаками покоилось над этим великим простором. Все здесь дышало покоем. Все было неповторимого очарования и непередаваемой прелести этих то нежно-голубоватых, то светло-палевых оттенков высокого утреннего неба и шафранно-золотистой окраски окрестной степи.

Тянуло горьковатым запахом полыни, и, как всегда, в эту раннюю осеннюю пору звучал вдалеке печальный и тоже едва уловимый свист привставшего на задние лапки суслика. Невесомые нити искрящейся в солнечных лучах паутины неслышно оседали на тронутую увяданием траву. Остановив посреди дороги машину, мы почти физически ощущали в этот час удивительную, почти неправдоподобную тишину. И были понятны слова Льва Толстого о том, что он слышал, как растет трава в поле. При такой тишине и при таком покое в природе, казалось, можно было расслышать даже сердцебиение птицы, бесшумно опустившейся на соседний придорожный курган.

Не миновало и часа, как оставили мы позади Караганду с ее гигантскими пирамидальными пиками скопившейся за годы породы, с суровым ее пейзажем угля и дыма, терриконов и эстакад. А сейчас вот смотришь на эту безлюдную, наглухо замкнутую невысокими сопками древнюю степь и на мгновение подумаешь: не за тридевять ли земель очутился ты вдруг от индустриальных узлов и стальных магистралей твоей просторной и красочной Родины?!

...И вот снова в пути. Машина мчится по кремнистой дороге в настежь распахнутый перед ней степной простор. Вправо от нас, где-то далско-далеко, струился зыбкий, призрачно колеблющийся шлейф дыма — там шел поезд. Мы видели контурные очертания бесконечно длинного железнодорожного состава из платформ и товарных вагонов, и до нас иногда доносился короткий и требовательный звук паровозного гудка. Со стремительной скоростью промчался над нами красавец «ИЛ» — скоростной пассажирский самолет Московско-Алма-Атинской авиатрассы. Весело поблескивая под солнцем своим серебристым алюминиевым оперением, самолет шел, купаясь в потоках света; и глухой, ритмично-певучий рокот торжествующе звучал над залитой солнцем степью из-за облачной высоты.

Так выглядела на подступах к юному городу металлургов и энергетиков карагандинская степь в час раннего утра.

Второй час пути.

Дорога взлетает на гребень сопки. И вдруг — как это бывает в песне или сказке — широко распахнулась перед нами величественная индустриальная панорама, мгновенно изменившая облик степи. Там, вдали, словно сквозь призрачный занавес голубого простора и света, видим мы гигантские трубы заводов и провода линий, уходящих в великий степной простор.

Вот уже совсем четко и резко вырисовываются на акварельном фоне погожего августовского полудня прямые и строгие линии многочисленных корпусов первенца черной металлургии Казахстана — Казахского металлургического завода.

Смотришь издали, с вершины суровой скалистой сопки, и перед тобой, словно на гигантском киноэкране, проплывает общим планом самый юный город нашей республики на берегу никому неведомой в прошлом, ничем неприметной, спокойной и медлительной речки Нуры.

Темир-Тау — вот имя этого нового города: Железная гора.

2

У юного города много патриотов, начиная с первого секретаря горкома партии Василия Васильевича Шепелева и кончая лучшим кочегаром Гази Рахимжановым.

Немало в этом городе и достопримечательностей. Так, например, металлурги в один голос утверждают, что бесспорной гордостью города является, разумеется, металлургический завод.

Между тем гидрогеолог Георгий Григорьевич Колесов заявляет, что самым значительным по своей технической конструкции и в то же время самым красивым сооружением в молодом промышленном городе является, по его мнению, гидроузел с гигантским водоемом — краса и гордость не только одного Темир-Тау, но и всей карагандинской степи.

— А к тому же, если угодно знать, то и история нашего города начинается, в сущности, с гидроузла, — авторитетно заключает Георгий Григорьевич Колесов.

— Ну, насчет истории города, багенька, прежде всего надобно спросить нас, строителей, — говорит главный

инженер Metallургстроя Григорий Алексеевич Гарбер.— Ведь город-то наш, как известно, начал строиться в суровые дни войны, когда мы начали закладку металлургического завода.

Инженер Григорий Алексеевич Гарбер прав. Город начал строиться бурными темпами одновременно с разворотом строительных работ на площадке металлургического завода. Однако нельзя не согласиться с гидрогеологом Колесовым, ибо только благодаря созданию грандиозного искусственного водохранилища мыслимо было развернуть здесь строительство новых промышленных объектов.

Прибыв двадцать лет тому назад в эти глухие тогда, необжитые, полудикие степи, гидрогеолог Колесов в течение трех с лишним лет производил здесь с экспедицией Ленинградского гидрогеологического института комплексные изыскания для подготовки к сооружению плотины. Когда же цикл изысканий был завершен и началось строительство гидросооружений, Колесов изъявил желание остаться на стройке в качестве гидролога-контролера на укладке плотины, а дождавшись торжественного дня окончания строительства, руководил первым ее водопуском.

На строительство гидроузла государство затратило миллионы рублей. Под руководством прибывших с Днепрогэса опытейших специалистов по борьбе с водной стихией был прорублен в одной из громадных прибрежных скал канал так называемого донного водопуска, и перехваченная бетонной перемычкой Нура, хлынув в луга, затопила семьдесят пять квадратных километров. Так возникло около семи лет тому назад знаменитое озеро.

Георгий Григорьевич Колесов говорит, как художник, об этом гигантском искусственном водоеме со сложным комплексом всех его сооружений.

— Двести пятьдесят миллионов кубометров воды в хранилище — это, доложу вам, не шутка! — замечает гидрогеолог, не спуская своих серых, пыливо прищуренных глаз с голубого зеркала водоема.— Вы представляете, ведь воды нашего озера используются не только для бытовых и промышленных нужд двух горо-

дов — огромной Караганды и Темир-Тау, — но и для орошения полей. Ежегодно в случае нужды поливаем до пяти тысяч гектаров колхозных полей и огородов. Я уж не говорю о подсобных хозяйствах и молодых садах промышленных предприятий Темир-Тау. Через двенадцатикилометровый магистральный канал мы снабжаем водой колхозы Осокаровского и Тельмановского районов. Прошу вас учесть, что это пока самое большое искусственное водохранилище в Центральном Казахстане!

На секунду умолкнув, гидрогеолог о чем-то подумал, а затем еще горячий и взволнованней продолжал:

— Мы с нашей службой водного хозяйства занимаемся сейчас не только эксплуатацией гидротехнических сооружений, но и разведением рыбы. Ведь глубина нашего водоема местами доходит до двенадцати метров: есть где разгуляться любой породе рыб! У нас сейчас уже водятся тут в изобилии и окуни, и язи, и щуки. Нынешним летом работала на нашем озере экспедиция Казахской Академии наук. Зоологи изучали возможность разведения в этом водоеме новых пород рыб. А мы пока пустили в наши воды сазана и зеркального карпа на собственный, так сказать, страх и риск.

В поздний час погожего августовского вечера стояли мы с гидрогеологом на железобетонной дамбе, наглухо перемкнувшей старое русло Нуры, и долго молча смотрели на залитый электрическим светом город и на гигантские, неясно маячившие в сумраке вечера заводские трубы.

3

В суровые и грозные дни третьего года Отечественной войны началось строительство металлургического завода в Темир-Тау. Со всех концов стекались к берегам Нуры инженеры и землекопы, прорабы и арматурщики, плотники и электрики, каменщики и конструкторы. Здесь были кургайджинские пастухи и уральские каменотесы, рыбаки Балхаша и колхозники Северного Казахстана, кряжистые сибиряки и подвижные, словоохотливые южане из Донбасса. Сюда пришли люди с

большим производственным опытом и новички, впервые увидевшие леса новостройки.

В каменных карьерах и котлованах дерзко врубались в породу проворные мастера, и рядом с ними орудовали непривычными кайлами и лопатами подростки. Молодые джигиты из-под Каркаралинска учились у арматурщиков Криворожья искусству сложного переплета железных кружев. Строитель Днепрогэса Герасим Кубрак раскрывал производственные секреты бетонирования перед колхозными чабанами и гуртоправами Абу Имангалиевым и Касымом Туралиным, впервые вставшим рядом с прославленным украинским мастером на укладку бетона. Старые инженеры, люди широкого технического кругозора и огромного производственного опыта, приобретенного на сооружениях металлургических гигантов юга Украины, решали теперь в Темир-Тау сложные формулы алгебры, расчетов металлических конструкций. Под их руководством работали и молодые специалисты.

Трудностей на первых порах было немало. Даже много видевший на своем веку главный инженер строительства Григорий Алексеевич Гарбер признавался потом, что такого физического и интеллектуального напряжения, какое суждено было ему испытать в разгар строительства на Темир-Тау, пожалуй, не приходилось испытывать ни на одном из многочисленных строителств в прошлом. Впрочем, всему этому главный инженер находит очень простое объяснение.

— Война, батенька,— говорит он, вздыхая.— Война... И потом иные трудности местного порядка. Казалось бы, простая штука — деревянная балка. Простая и общедоступная. Без нее не обходится ни одно строительство. А мы, представьте себе, лишены были этой балки. Я в Москву: дайте мне строительного леса! А мне отвечают: нет и не будет. Коротко и ясно. Что ж, прикажете остановить строительство? Нет, такого вопроса ни один из моих инженеров не ставил. Всем нам было ясно, что надобно срочно изыскать какие-то заменители...

Однако изыскать эти заменители было не так-то просто. И не одну бессонную ночь провел за чертежа-

ми, техническими расчетами и математическими выкладками молодой инженер Николай Иванович Медведков, прежде чем пришел к выводу, что деревянные конструкции на междуэтажных перекрытиях вполне можно заменить... обыкновенным кирпичом!

И вот впервые в практике промышленного строительства строители Казахского металлургического завода применили новый метод междуэтажных перекрытий, найденный и рассчитанный молодым инженером с помощью своих товарищей по строительно-монтажной части.

При сооружении громадного трехэтажного корпуса мартеновского цеха деревянные конструкции междуэтажных и чердачных перекрытий заменили кирпичными сводами. Двухметровые пролеты этих сводов, толщиной в четверть кирпича, опираются на железобетонные балки. Такой крайне оригинальный способ перекрытий блестяще оправдал себя теперь в эксплуатации и получил затем широкое применение в процессе дальнейшего промышленного и бытового строительства на заводе.

Главный инженер строительства Гарбер, строивший в свое время Харьковский турбогенераторный, Криворожский, Макеевский и Днепропетровский металлургические заводы, обобщая свой производственный и жизненный опыт, говорил:

— Опыт, конечно, для нашего брата многое значит. Многое, но не все. В течение двадцати лет мне довелось участвовать в строительстве многих крупных промышленных объектов. И вот что любопытно: приступая к строительству нового объекта, я испытывал каждый раз такое волнение, какое впервые пережил, когда мне доверили участвовать на стройке Харьковского турбогенераторного завода. Это, во-первых. Во-вторых, на каждом новом строительстве передо мной возникал комплекс таких технических и организационных проблем, какие мне не приходилось решать на предыдущих стройках. Не стану греха таить, бывает и так: такая перед тобой возникнет задача, что ты вдруг почувствуешь себя на какое-то время беспомощным новичком... Словно у тебя обрезали крылья — и ни сиди на голове, ни

опыта, ни образования... Все это, разумеется, потом проходит. И крылья за плечами в одно прекрасное время вновь почувствуешь и задачу в конце концов решишь... Но решение это зачастую дается не даром. Вот почему я иногда эгоистически думаю, что русская пословица «век живи, век учись» никакой иной профессии столько не касается, как нашей...

Судя по всему внешнему облику главного инженера, по его глубоким, не по возрасту резким морщинам на лбу, по его манере прикрывать во время разговора на секунду глаза, как это делают все много думающие люди, и, наконец, по тому глубоко искреннему тону, каким он рассказывал о себе, — судя по всему этому, решать ему трудных задач за всю его долгую творческую деятельность строителя пришлось немало...

Строительство завода началось с осени 1943 года. Точнее сказать, не строительство, а подготовка к нему. Ведь для того, чтобы приступить к сооружению основных промышленных объектов, надо было прежде всего создать целый комплекс подсобных предприятий и одновременно подготовить значительные кадры квалифицированных строителей из прибывших на новостройку добровольцев — колхозных пастухов и бригадиров, не имевших понятия о плотничьих, столярных, арматурных или монтажных работах. Это, во-первых. Во-вторых, в адрес не существующего еще тогда завода прибыло сложнейшее оборудование прокатного и мартеновского цехов, эвакуированное с демонтированных заводов юга. Оборудование это было некомплектным, и монтаж его можно было осуществить только при условии изготовления на месте недостающих крайне ответственных и сложных по своей конструкции и технической природе деталей. И выход в таком случае был один: в очень жесткие сроки построить большой механический завод со сталелитейным, кузнечным, электро-ремонтным и чугунолитейным цехами. Только с пуском такого завода мыслимо было приступить к монтажу прокатного и мартеновского цехов металлургического завода.

В знойные июльские дни сорок третьего года строители разбивали свои палатки среди пустынных сопок

Темир-Тау. Перед ними простиралось поле, поросшее редкой и чахлой степной полынью. Это и была строительная площадка металлургического завода. Окаймленная с трех сторон невысокими сопками, четвертой своей стороной она примыкала к берегу Нуринского водоема.

4

Вода — это пока было все, что имели под руками строители металлургического завода. Не было ни бетона, ни леса, ни арматуры, ни кирпича. А ведь на сооружение только одного гигантского корпуса прокатного цеха площадью в 16 тысяч 800 квадратных метров требовалось около трех миллионов штук кирпича. Это годовая производительность крупного механизированного завода!

Таким образом, выходило, что одновременно со строительством большого механического завода надо было приступать и к строительству кирпичного завода. А для того, чтобы уложить еще несколько тысяч кубических метров бетона на основных объектах строительства, потребовалось немалое количество цемента, о транспортировке которого откуда-то издалека в дни военной страды нечего было и думать. И выход был найден путем изготовления необходимого количества цемента местными средствами.

Словом, вокруг основного объекта строительства — металлургического завода — предстояло построить несколько промышленных предприятий, включая сюда разработку песчаных и каменных карьеров. И все это надо было связать с площадкой основного промышленного строительства узкоколейной и нормальной линиями железнодорожных путей.

Такова была программа промышленного строительства. Но надо было подумать и о строительстве бытовом — об общежитиях для рабочих и жилых домах для инженерно-технических работников стройки. А это требовало колоссальных затрат остродефицитных материалов — кирпича и леса. Один мощный кирпичный завод с пуском его в эксплуатацию едва мог удовлетворить

потребность в кирпиче основных промышленных объектов.

И строители должны были решить еще одну проблему — проблему заменителей кирпича. Оказалось, что в Темир-Тау, помимо первосортной глины, немало еще одного превосходного строительного материала — шлака, при соединении которого с известковым раствором можно было получить отличные блоки для кладки стен. Порассчитав, инженеры пришли к выводу, что производство таких шлакоблоков на месте значительно ускорит бытовое строительство и удешевит его. Опыт показал, что шлакоблочные стены жилых домов обладают меньшей теплопроводностью, чем кирпичные. Решено было построить еще один не предусмотренный программой завод — завод по производству шлакоблоков с годовой производительностью три миллиона штук в год.

И вот ни днем, ни ночью, ни в июльскую жару и ни в январскую стужу ни на минуту не умолкала теперь среди сопки Темир-Тау железная музыка электролебедок и монтирующихся конструкций.

Все выше поднимались одетые в леса стены цехов металлургического завода. Встали над сопками и над бескрайней окрестной степью стройные и величественные заводские трубы. С каждым днем ясней выступали контуры будущего города. Уже проглядывали кое-где сквозь кружева лесов приветливые фасады многоэтажных жилых домов и сверкающих белизной уютных котеджей.

Среди многотысячной армии строителей этого завода было немало людей смелых дерзаний и самоотверженных подвигов, высоких идейных стремлений и творческого горения. Эти люди снискали всеобщее уважение к себе среди огромного коллектива строителей. Своими духовными качествами советского человека заслужили право на славу и на почет бетонщик Даку Абдиев и начальник участка стальных конструкций инженер С. М. Мамыкин, каменщик Укен Турмагамбетов и заместитель главного инженера строительства К. Д. Голубев. Имена Николая Марковщина — бригадира комсомольско-молодежной бригады электромонтажников — и начальника электромонтажных работ М. По-

лисского, как и имени бетоноукладчика Махмета Вишнева или молодого талантливого инженера В. А. Дунаевецкого, одинаково популярны и по сей день в Темир-Тау.

Чувство нового, настойчивое стремление к знанию и совершенствованию в своем деле суть основные черты и качества современного советского человека.

Бригада бетонщиков, во главе которой стоял превосходный мастер Даку Абдиев, работая на строительстве мартеновского и прокатного цехов, изо дня в день, из месяца в месяц повышала и темпы и качество укладки бетона, доводя ежедневные нормы выработки до 250—300 процентов. Другой знаменитый каменщик, Укен Турмагамбетов, овладев в совершенстве передовыми методами труда, довел ежедневное перевыполнение норм так же, как и Даку Абдиев, до 300 процентов.

Но есть и еще одна характерная черта, присущая только нашему, советскому человеку. Наш советский инженер или мастер, овладев в совершенстве своей профессией, не заскреживает своего мастерства и умения. Наоборот, он стремится тотчас же поделиться опытом со своими многочисленными последователями и учениками. Так, Укен Турмагамбетов, став инструктором передовых методов труда, обучил уже не один десяток казахской и русской молодежи секретам стремительного и высококачественного возведения кирпичных стен. И многие из них ставят рекорды, достойные своего учителя.

Теперь уже трудно было бы найти здесь такую бригаду, которая не завершала бы напряженного трудового дня на строительстве значительным перевыполнением норм.

— Таких бригад у нас почти не было, да нет и теперь,— говорил главный инженер строительства Григорий Алексеевич Гарбер. — Не хвастая, можно сказать, что и мы научились за годы войны строить и быстро и прочно. Да, скажу вам, отличная это школа — строительство! Ведь мы здесь не только закладывали основу всей тяжелой индустрии Казахстана. Мы воспитали целую армию строителей высокого класса. Мы обучили свыше двух тысяч казахской молодежи строи-

тельной технике. Поинтересуйтесь, если угодно, опытом нашего строительства в условиях знаменитой карагандинской зимы. Вот где, батенька, была для нашего брата школа!

5

Карагандинская зима!

На долгие годы останется она в памяти строителей металлургического завода. Дождливая осень сорок четвертого года закончилась ранним снегопадом. Затем около трех недель стояла удивительно мягкая, необычная и подозрительная для этих широт погода. Словно это было где-то в средней полосе России. Стало как будто теплее и уютнее. С утра падал мягкий, тихий снежок. А в полдень даже пригревало, как в марте.

В такую пору дружно, споро и весело кипела работа на строиельной заводской площадке. Строителей подбадривали и возбуждали погожие дни этой спокойной и теплой ранней зимы. Всех радовали теперь уже освобождающиеся от лесов стены первого промышленного корпуса новостройки — мартеновского цеха.

Еще больше волновало всех приближавшееся к завершению строительство первой мартеновской печи. Бригада каменщиков под руководством Укепа Турмагамбетова работала в эти дни с особым подъемом и воодушевлением, выкладывая огнеупорным кирпичом под печи. Плотники во главе со своим распорядительным и требовательным бригадиром Иваном Долгушевым уже устанавливали строительные конструкции под потолочным перекрытием цеха, а столяры торопились со сборкой оконных рам и дверных коробок.

В эти дни, как и всегда, главный инженер Григорий Алексеевич Гарбер почти не покидал строительной площадки.

Переходя от одной бригады к другой, главный инженер задерживался на лишние одну—две минуты около землекопов. Он не мог налюбоваться их проворной работой. Ребята рыли траншеи для водопроводной сети. Им предстояло прорыть в общей сложности около десяти километров для того, чтобы дать нурынскую воду

не только заводским корпусам, но и в квартиры рабочих.

Несмотря на довольно уже глубокий снежный покров и ночные подмораживания, грунт был еще полетнему рыхлым и податливым. И здоровые, проворные, ловкие и жадные на физический труд люди орудовали лопатами, кайлами и ломami с богатырской непринужденностью, удачью и почти озорством. Скинув с плеч ватники, они не чуяли стужи в пылу азартной и жаркой работы.

Греха таить нечего, не очень красно жилось тогда строителям металлургического завода. Тесно было в переполненных бараках и общежитиях инженерно-технических кадров. Далеко не всегда можно было похвалиться плотным обедом или сытным завтраком.

Строительство не имело в то время такого богатого подсобного хозяйства, какое имеет сейчас, сняв, например, нынешней осенью до 500 тонн картофеля и великое множество разных овощей со своих огородов. А тогда ведь и картофель приходилось с боем добывать за тридевять земель отсюда, и далеко не всегда это кончалось удачей. Но, несмотря на все бытовые невзгоды, лишения и неурядицы, люди этого боевого соединения держались в строю, как солдаты.

И вот однажды главный инженер был разбужен под утро странным, ошеломляющим гулом.

Было около девяти часов утра; но в комнате стоял полумрак, не совсем обычный для этого часа. Инженер, выглянув в мутное, словно затянутое густым, клубящимся дымом окно, понял, что это бушевал снежный ураган небывалой силы.

Да, это был ураган!

Поднятые штормовым ветром гигантские смерчи сурового и жесткого, как песок, снега, кружась и смешиваясь, мчались с бешеной скоростью по безбрежному степному простору. И ничего немислимо было различить в этом чудовищном снежном урагане. От сатанинского воя и свиста выюжной сумятицы в ушах стоял гул, точно многочисленные колокола били в набат в степном просторе. Человек, застигнутый такой кутерьмой не только в открытой степи, но даже среди знако-

мой улицы, терял всякую ориентировку и рисковал заблудиться в двух шагах от собственного жилища.

Трое суток бесновались вокруг новостройки снежные смерчи. Три дня висела над степью, над строительной площадкой завода зыбкая белая мгла.

Рвались провода, и рассыпались на мачтах изоляторы. Рушились средства связи. Ходуном ходили под ударами ветра подвесные строительные леса особой конструкции, грозя оборваться и рухнуть с высоких стен двадцатиметровой высоты мартеповского корпуса. Неосторожного человека валяло с ног и, как подбитую птицу, могло кружить и засыпать кипящим снегом в любой из строительных траншеи, в любой выемке песчаного или каменного карьера. Нельзя было ничего слышать в этом вертеле ветров: ни сигнальной сирены, почти непрерывно надрызно ревушей на электростанции, ни человеческого крика о помощи.

Только трое суток спустя ураган прекратился так же внезапно и неожиданно, как и начался. Он завершился под утро неслыханной тишиной и свирепым сорокаградусным морозом.

Так угарно и бурно отпраздновала карагандинская зима свое вступление на царство в этих степных широтах.

6

А морозы стояли теперь такие, что по ночам с капопадным гулом лопались льды на Нуринском водохранилище и звенела, как бубен, растрескавшаяся земля.

Застывал бетон.

Каменщики мучились с замерзающим на морозе известковым раствором. Руки мастеровых людей — бетоноукладчиков и арматурщиков — кочепели даже в надежных шерстяных рукавицах. Землекопы с огромным напряжением врубались теперь в окаменевший, словно скрепленный цементным раствором, грунт.

Вместе с тем, несмотря на героические штурмовые усилия всего многотысячного коллектива строителей, темпы строительства, сравнительно с летним периодом, заметно ослабевали. Близились сроки ввода в эксплуа-

тацию мартеновского цеха и запуска первой мартеновской печи. Всем руководящим работникам строительства было ясно, что без дерзкого вмешательства технической мысли в этот жестокий режим природы нельзя рассчитывать на успех дела.

И вот снова острый рационализаторский ум технической интеллигенции, природная смекалка простых рабочих, весь арсенал производственного опыта — все мобилизовано на решение новых сложных задач.

Еще раньше, когда встал вопрос об ускорении монтажа восьмитонных металлических конструкций корпуса мартеновского цеха, строители решили использовать для этой цели паропутевую кран. К счастью, нашлись инженеры и техники, имевшие уже некоторый опыт подобных монтажных работ при помощи этого крана на строительстве Магнитогорского металлургического гиганта.

Под непосредственным техническим руководством этих людей внутри мартеновского цеха были проложены монтажные железнодорожные пути. Пути эти проходили в непосредственной близости от монтажа колонн цеха и подкрановых балок. Кран, двигаясь по рельсам, поднимал громадные металлические конструкции и затем водружал их на подготовленные фундаменты. Точно таким же способом монтировались позднее и металлические конструкции другого, прокатного цеха.

А теперь, когда жестокие сорокаградусные морозы угрожали сковать былой размах строительства и сорвать темпы монтажа металлических конструкций первой мартеновской печи, строители прибегнули к комбинированной помощи двух кранов — паропутевого и крана «Деррик».

Производственный эффект от такого способа монтажа печи немалый. Все монтажные работы и в цеху и в печи были произведены в два раза быстрее, чем это было предусмотрено по графику стройки.

Но ни на каких строительных участках не отражаются столь пагубно свирепые сибирские морозы, как на рытье траншей и котлованов, на кладке кирпичных стен, на бетонных и железобетонных работах. Обычно в строительной практике в зимних условиях над рабо-

чими местами, как правило, сооружаются временные помещения — тепляки.

— Но мы не могли пойти на такую роскошь,— признается заместитель главного инженера Константин Дмитриевич Голубев.— Для этого у нас не было ни лишних рабочих рук, ни строительного материала, ни времени...

Поэтому пришлось искать другой выход.

И выход был найден.

Константин Дмитриевич Голубев совместно с некоторыми другими инженерами, ранее работавшими на строительстве уральских заводов, вспомнил об опытах электропрогрева почвы. Впрочем, не только почвы. Один из инженеров подсказал, что можно наладить электропрогрев всех бетонных и железобетонных конструкций. А в таком случае с успехом можно обойтись и без тепляков.

— И мы обошлись без них,— подтверждает главный инженер Григорий Алексеевич Гарбер.— Обошлись без тепляков, сэкономив на этом сотни тысяч рублей. А главное — выиграла время. Время!

— Как же именно?

— А делалось это так,— поясняет Григорий Алексеевич.— По соседству с рабочими местами мы устанавливали трансформаторы. Затем через электрокабель производили прогрев бетонных и железобетонных конструкций. При укладке же крупных массивов бетона мы применяли периферийный прогрев.

— Что значит периферийный?

— Извольте, доложу и про это. При периферийном прогреве бетонированной площадки устанавливались электроды. Обнаженная часть конструкций покрывалась камышитовыми матами или засыпалась опилками. Надо прямо сказать, не примени мы в предыдущую и минувшую зимы прогрев почвы, нам бы не справиться с громадным объемом земляных работ. Вы представляете, сколько надо затратить землекопу мускульной энергии для того, чтобы вынуть при сорокаградусном морозе один кубометр грунта? И притом какого грунта! Местная земля, скованная морозом, — кремень: ударишь ломом — искры летят...

В конце осени сорок четвертого года строители сдали в эксплуатацию полный комплекс подсобных промышленных предприятий. К этому времени работали уже на полную мощность кирпичный и шлакоблочный заводы.

Одновременно введен был в действие крупный механический завод с многочисленными цехами по цветному, чугунному и электростальному литью. Здесь изготавливались сложные технические детали к некомплектному оборудованию мартеновского и прокатного цехов.

Работали мастерские по изготовлению основных узлов деревянных конструкций — оконных переплетов, дверных коробок, потолочных щитов.

Введены были в эксплуатацию к этому времени и мастерские по капитальному и среднему ремонту строительных механизмов. С открытых на Нуре каменных и песчаных карьеров начал поступать по железнодорожной ветке на строительную заводскую площадку щебень, камень, песок. Словом, база для широкого разворота строительства основных промышленных объектов была теперь налицо, и руководителям новостройки дышалось уже, можно сказать, легче...

7

Во второй половине лета сорок четвертого года началось строительство мартеновского цеха с пятью его печами и громадным трехэтажным бытовым корпусом, в котором должны были разместиться пищеблоки и души, заводские лаборатории и конторы начальников цехов. А спустя несколько месяцев завершили монтаж первой мартеновской печи, и весь мартеновский цех сдали металлургам в эксплуатацию.

А наутро бригада бетоноукладчиков Даку Абдиева стала на ударную вахту.

Морозный и мглистый январский день. Неяркое солнце в дыме поземки. Мороз был такой сухой и жестокий, что трудно дышать, разговаривать. Впрочем, не до разговоров. В такую пору знай разворачивайся.

Ребята Даку Абдиева, приучившись понимать своего бригадира с полуслова, работают без суеты, проворно, решительно, четко и слаженно. Никто из них не заметил даже, как минул в жарком и спорном деле этот недолгий январский день и строительную площадку озарили яркие рефлекторы. В железных лесах новостройки завела свои вечерние песни готовая к ночному разгулу вьюга.

Вот прозвучал сигнал, извещающий о конце рабочего дня. А спустя несколько минут на участке промышленного строительства все уже знали о победе бригады Даку Абдиева, и инструктор стахановских методов труда, старый мастер каменной кладки Укен Турмагамбетов, горячо пожимал руку молодому бригадиру Абдиеву.

Вместо двенадцати квадратных метров кладки по норме бригада Даку Абдиева уложила втрое больше — тридцать шесть.

Триста процентов!

Это был рекорд.

8

По ночам снова лопались с орудийным грохотом льды на Нурунском водохранилище и рвалась от морозов земля. Снова снежные ураганы над новостройкой завода и города металлургов забивали снегами трапшею, обрывали провода и угрожающе раскачивали под арматурщиками и каменщиками подвесные строительные леса.

А трудовой пульс строительства бился теперь еще напряженной, чем прежде. В январские дни сорок пятого года начался второй тур развернутой битвы за казахстанскую сталь.

Бригады каменщиков, бетонщиков и арматурщиков приступили к строительству гигантского корпуса прокатного цеха — красы и гордости Казахского металлургического завода.

Все выше поднимались обтянутые арматурной сетью лесов стены громадного корпуса цеха. А там, внутри этого грандиозного каменного сооружения, ни

на минуту не затихала железная музыка монтажников. Под аккомпанемент пневматических молотов звучали неумолчные напевы электросварки и автогена.

Могучий паровой кран, двигаясь взад и вперед по железнодорожному полотну, проложенному внутри цеха, легко поднимал громоздкие восьмитонные стальные конструкции и бережно устанавливал их на железобетонные основания. Шел сложный монтаж прокатного стана четырехста.

Рядом с монтажниками соревновались строители на быстрейшее сооружение сложной подачи заводу промышленного воздуха, пара и воды. Подготавливая энергетическую базу для прокатного и других заводских цехов, электромонтажники прокладывали траншейный кабель. Бригады арматурщиков и бетоноукладчиков, соревнуясь между собой, спешили с установкой многочисленных железобетонных колонн у методических печей прокатного цеха. Одновременно велись подготовительные работы к монтажу самых сложных узлов прокатного агрегата — обжимной линии.

И все это делалось в стенах корпуса, лишенного еще потолочных перекрытий. Монтаж шел под открытым небом, на морозе, на сквозняке через неотделанные дверные и оконные проемы ветру.

На монтаж стана рядом со старыми, опытными мастерами стали и молодые подмастерья, вчерашние выпускники ремесленных училищ и школ фабрично-заводского ученичества. Это были целые бригады любознательных, озорных и шустрых ребят. Опытные монтажники на первых порах косились на этих юрких и шумных ребяташек. А некоторые старые мастера ворчали:

— Ну и пополнение в нашем полку, товарищи, чисто детский сад!

— С такими подмастерьями только в бирюльки играть!

— Факт!

— Вот и попробуй с такими школярами досрочно закончить монтаж! Скандал, понимаешь, один у нас может получиться с такими помощниками, а не ударная работа...

Однако, поворчав между собой, мастера не выдали

своего неудовольствия ребятишкам. Ведь каждому было известно, что рассчитывать на иные кадры в те дни было немислимо, приходилось мириться с этой оравой безусых монтажников.

— Ну-с, орлы! — крикнул появившимся в цеху ребятишкам бородатый и кряжистый монтажник Федор Егорович Завалов. — Стало быть, монтажники?

— Так точно! Ими называемся... — отрапортовал повоенному самый маленький ростом, но самый бойкий на вид Алеша Павлов.

— Ого, храбрый ты на словах!

— Не из робких...

— Вижу... А вот каков на деле, посмотрю.

— Это правильно! — живо и весело согласился Алеша. — Заранее хвастать не стану. А придет паше время, убедитесь фактически.

— То-то... В таком разе я вам вот что скажу, монтажники, — сделав ударение на последнем слове, но без тени усмешки или проиши, проговорил старый мастер, обращаясь уже теперь ко всем ребятам. — Назвались, говорится, груздями — марш в кузов! Знаете такую русскую пословицу?

— Знаем! Известно! — хором ответили ребята.

— А знаете, еще лучше... Тогда и лясы нам зря точить с вами нечего. Одно скажу: кто из вас прилежность в деле покажет, тому и слава и похвала налицо. А за худую работу презрение от всего цеха! И потом: в рабочее время не озоровать. Вы уже есть теперь рабочий класс. Не малые баловни! Ясно?

— Вполне...

— Немаленькие...

— Понимаем! — откликнулось несколько задорных юношеских голосов.

Тогда, немного помолчав, мастер проговорил еще более серьезно и строго:

— А затем такое еще у меня к вам, ребята, прошение... Нам, монтажникам, прокатный стан срочно надо на ноги ставить. Мартен уже на ходу. Сталь варится. Пора и о прокате заводу думать. Мы без вас тут твердое слово дали: закончить монтаж стана четыреста досрочно... И вот к вам какое мое прошение: давайте, ре-

бята, единой рабочей грудью совместно с нами за это слово стоять!

— Правильно!

— Точно!

— Все как один! — дружно ответили ребята.

— Тогда и речь моя кончена. Расходись, рабочий класс, по местам! За дело! — скомандовал старый мастер.

И ребята горячо, со свойственным им азартом взялись за работу.

Вскоре все убедились, что с освоением монтажной техники справились ребята неплохо и день ото дня работали лучше. Получив отличную производственную практику на строительстве первой мартеновской печи, они не проявляли уже теперь былой растерянности и ученической робости даже на сборке самых сложных узлов прокатного агрегата. С профессиональной хваткой и смелостью опытных мастеров работали они на монтаже линии обжима, а в темпах и высоком классе монтажных работ некоторые из новичков не отставали от людей большой технической зрелости — хозяев производственного процесса.

Монтаж стана четырехста явился превосходной практической школой обогащения молодежи. Юные монтажники настолько быстро и хорошо освоили технологию производственного процесса, что руководство монтажными работами вскоре согласилось с комсомольской организацией строительства на создание самостоятельных комсомольско-молодежных бригад.

Так возникли прославившиеся впоследствии бригады Днордиева, Кашковского и Иванова. Эти бригады в течение года изо дня в день выполняли двойные нормы на монтаже прокатного оборудования. А имена бригадиров и молодых передовиков Алеши Павлова, Ахмета Мамедова, Клима Бурунова и многих других не сходили с доски почета.

Стремление молодых патриотов к техническому совершенству зародилось еще в стенах фабрично-заводских и ремесленных училищ. Но с предельной остротой и яркостью это благородное патриотическое стремление юношей проявилось здесь, на производстве. Молодежь

воочию видела теперь высокий класс мастерства старшего поколения производственников. И каждому из юных патриотов хотелось одного: как можно скорее овладеть в совершенстве передовыми методами труда.

Молодым арматурщикам и монтажникам, слесарям и бетонщикам хотелось стать такими хозяевами производственного процесса, какими чувствовали себя на своих рабочих местах старшие их товарищи. Разве не по-хозяйски вел себя за своим станком слесарь ремонтного блока Иван Бирюков? Ведь это он, в совершенстве овладев технологией холодной обработки мегалла, довел норму расточки подшипников для рольгангов прокатного стана до рекордной цифры — 800 процентов за смену!

Так два поколения строителей, взаимно поддерживая друг друга, стойко и мужественно выдержали все испытания, через которые суждено им было пройти за годы войны вместе со всем героическим и бессмертным советским народом.

В любую погоду воздвигали каменщики Укена Турмагамбетова гигантские корпуса заводских цехов. Одновременно с каменщиками бетоноукладчики Даку Абдиева уложили около 14 тысяч кубометров бетона. Отважные монтажники смонтировали под руководством инженера Г. А. Кононова тысячи тонн сложнейших механизмов мартеновского и прокатного цехов. Арматурщики бригадира Г. Полякова изготовили сотни тонн арматуры. А монтажники стальных конструкций, возглавляемые инженером С. М. Мамыкиным, установили тысячи тонн бетона.

В конце мая сорок шестого года строительство прокатного цеха было закончено.

9

С утра 26 мая 1946 года в громадном пролете прокатного цеха собрались строители и монтажники завода. Все они хотели быть свидетелями ввода в действие стана четырехста.

По-праздничному принарядившиеся, необычайно возбужденные, но в то же время и внутренне собран-

ные, люди стояли шпалерами вдоль путей обработки проката. Затаив дыхание, все ждали торжественной минуты запуска в прокат первой болванки стали, сваренной молодым сталеваром Алтынбеком Даримбаевым — первым сталеваром Казахстана в первой казахстанской мартеновской печи.

Рядом со строгим, как всегда, но словно помолодевшим сейчас монтажником Федором Егоровичем Зяваловым стояли юные его помощники — друзья Саядиль Органбаев и Алеша Павлов.

И вот, когда в четверть десятого был включен наконец по команде начальника цеха рубильник и возник грозный, стремительно нарастающий гул, Алеша Павлов, крепко стиснув руку старого монтажника, торжественно закричал:

— Ур-ра! Пошла-а! По-о-ехала-а!

А минуту спустя все присутствующие увидели, как стан, пришедший в движение, принял в свою пасть раскаленную стальную болванку и, пропустив ее через вал обжима, выдал вальцовщикам первую пятиметровую балку. Следом за первой вылетела вторая. Затем третья, четвертая, пятая!..

Девятнадцатилетние казахские вальцовщики Алымбек Уйсинбаев и Жакап Койшигулов ловкими и стремительными движениями вооруженных огромными клещами рук перехватывали гибкие и стройные тела.

Глядя на превосходную, полную решимости и отваги работу молодых казахских прокатчиков, строители и монтажники думали о том, что в надежные руки вручили они великолепную эту машину. Все присутствующие в цехе видели, как чудовишной мощью прокатного стана, казалось, легко, непринужденно и просто управлял со своими сверстниками девятнадцатилетний казах из Тастака Алымбек Уйсинбаев.

Не далее, как два года тому назад, эти молодые люди были колхозными пастухами в Северо-Казахстанских степях. Суровую и благородную школу прошли они на Урале — родине русской черной металлургии. Там обучились они сложному и трудному искусству у потомственных русских металлургов Магнитки, Тагильского и Серовского заводов.

В те дни, когда Казахский металлургический завод оживал только на ватмане в чертежах и проектах, сотни казахских юношей были отправлены на крупнейшие заводы страны для освоения профессии металлургов. Это была трудолюбивая и любознательная колхозная молодежь, впервые покинувшая пределы своих скотоводческих и сельскохозяйственных районов. Ни один из этих семнадцатилетних ребят никогда не видел большого завода, и немногим из них удалось до этого побывать даже в своем областном городе.

В процессе долгой учебы понадобилось много терпения, ума и смелости, чтобы вырасти в таких отважных вальцовщиков и прокатчиков, какими они выглядели теперь, орудуя около стана четыреста на родном своем Казахском металлургическом заводе.

— Ну как, товарищ Бакст,— обратился к директору Казахского металлургического завода секретарь Темир-Тауского горкома партии Василий Васильевич Шенделев,— гарантируешь выполнение годовой программы?

— С таким оборудованием и с таким боевым народом — да, безусловно! — ответил директор, не сводя глаз с прокатчика Жакапа Койшигулова.

Не только директору, всем приятно было смотреть на этого смуглолицего сына казахских степей, который смело и уверенно нес свою первую трудовую вахту у первого в Казахстане прокатного стана.

10

Ввод в действие стана четыреста был большим событием в жизни сталеваров Казахского металлургического завода. За полуторагодовую эксплуатацию мартеновской печи они выдали десятки тысяч тонн стальных болванок. Часть этой продукции мартеновского цеха была отгружена для проката на уральских металлургических заводах, значительная часть лежала на заводских складах в ожидании сдачи в эксплуатацию прокатного оборудования. Как бы ни хороша была сталь, которую с успехом варили теперь молодые казахские сталевары,— лабораторный анализ свидетель-

ствовал о высоком качестве их продукции,— однако стальные болванки — ведь это, в сущности, только полуфабрикат, а не готовая продукция.

Между тем каждому сталевару хотелось увидеть, когда наконец отлитые им болванки пройдут все стадии обжима в прокатном стане и в виде уже готовых изделий различного профиля будут отправлены на новостройки.

И вот день, которого с таким волнением ждали вместе со всем коллективом строителей мартеновцы, настал. Прокатчики, пустив в обработку болванки, начали выпуск высококачественной готовой продукции. Профессиональное чувство гордости молодых казахских металлургов было теперь обоснованным: металлургический завод с завершённым циклом производства вступил в действие. Составы железнодорожных платформ, загруженных стальными рельсами и балками, двинулись с заводской площадки в адреса многочисленных новостроек.

— Теперь можно было сказать, что молодые сталевары нашего завода с честью выдержали испытание на техническую зрелость. Они научились варить сталь отличного качества,— вспоминая об этом периоде в жизни Казахского металлургического завода, говорит начальник мартеновского цеха Евгений Иванович Шевцов.

Кто же эти молодые сталевары? Инженер Евгений Иванович Шевцов познакомил меня с лучшим казахстанским сталеваром.

— Алтынбек Дарибаев,— рекомендует он очень скромного, почти застенчивого юношу.

В отлично сшитом сером костюме, в сорочке светлого тона с полурасстегнутым воротником, молодой человек скорее всего был похож на десятиклассника или на студента. Никак не вязался весь его внешний облик с нашими представлениями о сталеваре.

Профессия сталевара — одна из сложных и топких профессий в черной металлургии. Как правило, на старейших металлургических заводах хозяевами мартеновских и доменных печей до сих пор являлись пожилые, умудренные производственным и жизненным опы-

том мастера. И, как правило, любовь к этому тяжелому, отважному, творческому труду передавалась такими мастерами из рода в род, из поколения в поколение по наследству.

Недаром же история русской металлургии насчитывает немало фамильных династий прославленных металлургов.

Сталеварение, как и выплавка чугуна, — искусство. А всякое искусство, помимо профессиональных навыков, требует от человека — и это прежде всего — раскрытия его творческой индивидуальности в труде, которому он себя посвящает.

Знаменитый русский металлург академик М. А. Павлов, посвятивший полвека своей научной деятельности изучению процессов сталеварения и выплавки чугуна, в своих превосходных «Воспоминаниях металлурга» пишет, что даже и теперь, полвека спустя, ему «хотя в мартеновской печи и все видно, но не все еще ясно». Вот почему нередко бывает так, что при самом строжайшем соблюдении всех технологических правил сталеварения одна плавка проходит удачно, а другая с капризами, с браком, с выходом на некоторое время из строя мартеновской печи.

Все это хорошо знают старые сталевары. И у каждого из них есть свои методы и свои приемы изучения режима мартеновской печи, явившиеся результатом их большого производственного опыта и того особого чутья, которое развивается в мастере с годами. Хороший, опытный сталевар не только видит, что делается в мартене, но «чувствует и слышит» дыхание печи, безошибочно определяя, когда сталь «доходит».

Но одно дело — старый мастер, а перед нами стоят девятнадцатилетний юноша Алтынбек Дарибаев, имя которого с гордостью произносят сейчас на Казахском металлургическом заводе.

Как же мог этот скромный и как будто не совсем расторопный на вид юноша овладеть столь высоким и сложным искусством?

— Учился, — скромно и скупко отвечает Алтынбек Дарибаев.

— Где же?

— На Урале. В Ревде.

— Старейший завод?

— О, да! — удивленно восклицает молодой металлург. — Старейший завод! С большими, хорошими производственными традициями. Мастера там замечательные. Мировые! У таких людей нельзя было не научиться...

— Как вы попали туда?

— Мне повезло. В сорок четвертом году я был командирован в числе пятисот казахских ребят на заводы Урала и Кузбасса для изучения сталелитейного дела и проката.

— Вы хотели стать металлургом?

— Я заканчивал в Шаульдерском районе, Южно-Казахстанской области, десятилетку и не знал еще толком, какую мне избрать профессию... Случай помог. В Ревде я впервые в жизни увидел металлургический завод. И скрывать не стану: не мог побороть в себе первое время чувство страха перед мартеновской печью. Да, я боялся ее огня. Смешно теперь вспомнить об этом, но это было так. У меня ноги подкосились, когда я увидел первую плавку. Когда из мартена забила струя расплавленного металла, я с перепугу спрятался за завалочную машину. Потом меня поразила храбрость разлильщиков, и я тут же подумал, что если они не боятся, то не буду бояться и я...

— Вот так просто и решили?

— Да. Просто решил. Но не так-то просто это выходило затем на деле, — признается все с той же смущенной улыбкой Алтынбек Дарибаев. — На Ревденском заводе меня поставили вторым дублером по заправке мартеновской печи. Заправка производилась механическим способом — завалочной машиной. Обязанности мои поэтому были несложные: помочь дублеру открыть вовремя люк перед заправкой мартена, а затем, когда заправка заканчивалась, закрыть его. Но на первых порах для меня и эти обязанности были большим испытанием. Ведь не так-то легко я просто без навыка подбежать к открытому люку мартена, если в печи бунует море огня при температуре в тысячу семьсот градусов!

— Ну, тут вы уже не очень робели?

— Нет, трусил я тут еще долго, если говорить правду... Трусил, но вида уже никому не подавал. А потом и сам не заметил, как чувство страха у меня постепенно исчезло. И смешно сейчас вспоминать и говорить о нем...

— И долго вы были вторым подручным дублера?

— Восемь месяцев,— совсем уже другим, деловитым и строгим тоном солидного и уверенного в себе человека заговорил молодой сталевар.— За это время я не только привык к мартену, но и полюбил его. В этом мне помогло мое увлечение химией. В десятилетке я любил химию. Поэтому мне легче было разобраться в технологическом процессе сталелитейного дела. Я понимал, какой химический процесс происходит на моих глазах в мартеновской печи, заправленной железным ломом, доломитом и магнезитом. Научился я и уходу за печью. А в умелом уходе за печью секрет сталевара.

— Да, да. Именно в этом секрет— в уходе за печью,— подтверждает слова Алтынбека инженер Евгений Иванович Шевцов.— Ведь при малейшем недосмотре сталевара всю плавку можно опустить в под, а это — катастрофа. Печь может на недели, а то и на месяцы выйти из строя. Случаются такие аварии и у знаменитых, талантливых сталеваров. Но нашего Алтынбека от подобных катастроф и аварий бог избавил.

— Не бог, а Алексей Михайлович Решетников! — полушутя, полусерьезно поправил Алтынбек инженера.

— А это кто такой?

— О, это золотой человек! Золотое сердце! Золотые руки! — с явным волнением заговорил Алтынбек.— Алексей Михайлович Решетников — потомственный сталевар Ревдинского завода. Он ведет свою родословную от прадеда, работавшего на знаменитых демидовских заводах Урала. И я горжусь тем, что этот старый русский мастер сталелитейного дела был моим учителем. На всю жизнь сохраняю я в душе благодарность к этому замечательному сталевару и человеку. Это не мастер — кудесник! Пятьдесят три года проработал он у мартеновских печей. И этот человек учил меня не только видеть, но «слушать и чувствовать печь».

Я учился у него понимать язык закипающего в мартене металла и безошибочно определять время плавки. Я понимаю, мне далеко еще до высокого мастерства старейшего ревдинского сталевара. Ведь он профессор своего дела! Я же пока только его ученик...— скромно говорит Алтынбек Дарибаев.

Да, это был одаренный ученик талантливого потомственного металлурга!

Вернувшись из Ревды на Казахский металлургический завод, Алтынбек Дарибаев скоро зарекомендовал себя способным металлургом. Проработав сравнительно недолгое время подручным сталевара, он занимает место его первого дублера. А в июне сорок шестого года приказом дирекции завода Алтынбек назначается на ответственный пост сталевара.

В историю молодой казахской металлургии имя Алтынбека Дарибаева входит как имя первого сталевара.

Между тем полтора года тому назад судьба пущенной в эксплуатацию первой мартеновской печи глубоко волновала и тревожила начальника мартеновского цеха Евгения Ивановича Шевцова. Ведь к моменту ввода в действие первого мартена на заводе не было ни опытных сталеваров, ни сифонщиков, ни разлильщиков, ни канавщиков, мастеров ведущих профессий в металлургии. Правда, начали возвращаться с заводов Урала восемнадцатилетние казахские юноши, прошедшие там недолгую производственную практику и учебу. Сумели ли, однако, эти колхозные ребята освоить квалификацию мартеновцев в столь небывало короткий срок? В надежные ли руки вручили строители и монтажники эту первую мартеновскую печь?

Но тут на помощь молодому заводу пришли старшие товарищи. Для практического инструктажа юных казахских металлургов в Темир-Тау прибывают с разных концов страны несколько отличных мастеров сталелитейного дела. Сталевары Иван Прядко и Николай Набоков приезжают из Белоречка. Из Петропавловск-Забайкальска прибывают на завод лучшие мартеновцы — Митрофан Федорович Аверьянов, Иван Павлович Филимонов, Илья Авксентьевич Разумов. Из города юности Комсомольска на помощь молодым сталеварам

Казахстана прибывает прославленный сталевар Приамурья Никанор Фомич Гусев.

Первая плавка, произведенная под руководством специалистов, прибывших с других заводов, прошла удачно. Но вот настали трудовые заводские будни по выдаче заказной стали. Мартеновский цех должен был теперь, не допуская аварий, выдержать плановые коэффициенты по расходу мазута, чугуна, магнетита и других материалов. И вот тут-то в процессе своего производственного роста и становления мастерства познали молодые казахские металлурги немало трудностей, горьких неудач и суровых испытаний.

Теперь греха таить нечего, бывали на первых порах у начинающих сталеваров и такие черные дни, когда, например, расход мазута на одну тонну выплавленной стали доходил временами до двух тонн. А мартеновская печь то и дело требовала ремонта подины, что порождало простой, большой перерасход магнетитового порошка, а стало быть, и невыполнение плана по выплавке стали...

Между тем по тому, как тяжело переживали эти свои неудачи, и по тому, как горячо и самоотверженно трудились в цеху молодые казахские металлурги, можно было уже надеяться, что все эти неизбежные, в конце концов, трудности роста и становления технической зрелости сталеваров будут успешно преодолены.

Надо заметить, что дирекция завода сразу же встала на правильный путь решительного и смелого выдвижения молодых казахских металлургов на руководящие посты в производстве. Все должности бригадиров и рабочих ведущих профессий, начиная от сталевара и кончая канавщиками, были предоставлены казахской молодежи. Бывший подручный, а затем дублер сталевара Алтынбек Дарибаев становится первым сталеваром Казахстана. Сверстник Алтынбека Дарибаева Абдрахман Турганов занимает пост мастера литейного пролета. Их товарищи по производственной учебе на Урале комсомольцы Мажит Сарсенбеков, Нургали Ниязбеков, Утей Избаев и многие другие выдвигаются дирекцией завода на ответственные посты машинистов

электрокранов и других обслуживающих цеховых механизмов. Этот смелый шаг дирекции завода был дальновидным и умным мероприятием. Молодые казахские металлурги, окрыленные оказанным им доверием, решили доказать на деле свое желание и умение работать.

И они доказали это!

11

Теперь, на шестом году эксплуатации мартеновских печей и прокатных станов, Казахский металлургический завод добился огромных успехов в освоении высот социалистического производства. Особенно плодотворным в работе завода был четвертый год послевоенной пятилетки. В минувшем, 1949 году заводской коллектив не только досрочно завершил годовую программу по выпуску проката и стали, но и значительно перевыполнил.

Напряженная творческая работа молодых казахских сталеваров и прокатчиков сказалась на улучшении технико-экономических показателей завода. Применение более совершенных процессов плавки стали, сокращение нормативов расхода материалов, топлива и электроэнергии, переход всех заводских цехов на хозяйственный расчет и многие другие мероприятия, успешно проведенные на заводе,— все это обеспечило молодому промышленному предприятию в 1949 году около десяти миллионов рублей сверхплановых накоплений.

За последние два года на заводе нашли широкое применение скоростные плавки стали. Инициаторами этих скоростных плавков явились передовые сталевары, в совершенстве освоившие сложную профессию металлургов на Казахском металлургическом заводе,— Алтынбек Дарибаев, Искандер Валеев, Абу Абалдуллаев и некоторые другие их друзья и товарищи по профессии. Особенно высоких производственных показателей добились сталевары смен Алтынбека Дарибаева и Афанасия Соснина. Обе смены этих замечательных мастеров еще в начале 1949 года выполнили пятилетние задания по производству стали и сэкономили по полтора миллиона рублей каждая.

Внедрение скоростных плавок на Казахском металлургическом заводе позволило резко увеличить сейчас съем стали с одного квадратного метра пода печи и перекрыть проектную мощность мартеновских печей.

Борьба за выполнение обязательств, принятых металлургами Темир-Тау в социалистическом соревновании, потребовала огромного напряжения творческих сил всего заводского коллектива, горячо взявшегося за усовершенствование производственных процессов.

Сейчас в прокатном цехе завода улучшена конструкция сводов нагревательных печей. После установки вентиляторов высокого давления производительность нагревательных печей повысилась на восемнадцать — двадцать процентов и полнее стал загружаться нагретыми болванками прокатный стан. Вследствие ускорения процесса нагрева металла количество его проходов через обжимные клетки прокатного агрегата уменьшилось. И теперь бригады лучших прокатчиков — Жакана Койшигулова и Николая Конигина — катают за смену свыше четырехсот слитков стали. Могучие челюсти прокатного агрегата, схватив добела раскаленный слиток стали, сжимают его со страшной силой и вытягивают в шестидесятиметровый огненный жгут.

Проектная мощность прокатных агрегатов сейчас здесь значительно перекрыта. Талантливые инженеры-новаторы товарищи Андреященко, Дюмин, Малыков, Бесчестный, используя богатейший производственный опыт передовиков, сделали много оригинальных и смелых шагов в области усовершенствования прокатного оборудования. Так, например, по инициативе этих инженеров на методической печи введена специальная сигнализация. Намного сокращено, как указывалось выше, количество проходов горячих слитков на линиях обжима. Изменена калибровка обжимных валов. На обжимной клетке установлены направляющие гребешки, благодаря чему резко облегчился труд вальцовщиков и столь же резко снизился теперь выход брака.

Весь инженерно-технический коллектив завода работает сейчас в тесном творческом контакте с передовыми рабочими, мастерами скоростных плавок и проката. Введение почасового графика работы прокатного цеха

сказалось на повышении производительности труда. Повысилась ответственность каждого прокатчика за строжайшее соблюдение технологии. А это привело к тому, что весь коллектив рабочих прокатного цеха теперь стал передовым.

Ежедневно на заводе проводятся так называемые оперативки — селекторные совещания. На этих летучих оперативных совещаниях с начальниками мартеновского, прокатного, механического, литейного, электроремонтного и других цехов директор завода т. Бакст подводит итоги суточной работы завода. В конце октября 1949 года директор завода, заслушав по селектору короткие деловые отчеты начальников цехов, в заключенные сказал:

— А теперь могу вас порадовать, друзья, неплохими вестями. По подсчетам наших плановиков и экономистов, завод выдал уже проката и стали гораздо больше, чем было запланировано. Неплохая победа, товарищи?

— Еще бы!

— Есть чем гордиться!

— Молодцы у нас сталевары!

— А прокатчики — настоящие богатыри! — зазвучали наперебой в селекторе возбужденные и взволнованные голоса начальников цехов.

— Это правильно, товарищи! Богатыри у нас прокатчики и сталевары! Богатыри! — подтвердил столь же возбужденный и радостный директор.

А через мгновение эти крылатые вести облетели уже все заводские цеха и все жилые кварталы юного города металлургов. На досках показателей социалистического соревнования, в боевых листках-молниях металлургии читали и перечитывали цифры и факты крупных побед всего заводского коллектива. То и дело там и тут звучали одни и те же разговоры:

— Слышал, прокатчики отличились сегодня!

— Это смена Петра Чекалова?

— Конечно, он со своими орлами-вальцовщиками.

— У него ребята — один к одному. Очень ловко работают у него Касым Нурбеков и Толебай Сатыбалдиев. Посмотреть на них любо!

— Ну, и сталевары тоже сегодня дали жизни. Алтынбек Дарибаев выдал полтора суточных плана!

— А Нахреддин Убайдуллаев тоже не отстает от своего молодого учителя — Алтынбека. Он вчера также снял стали с одного квадратного метра пода больше, чем ему полагается.

— Классная работа — ничего не скажешь.

— Вот именно.

— Научились ребята работать. Молодые, а и другим старым нашим мастерам пить дадут! — сказал, с восхищением прищелкнув языком, потомственный сталевар Федор Петрович Терехов, прибывший на Казахский металлургический завод с Кузнецкого гиганта черной металлургии.

Творческая мысль инженерно-технической интеллигенции и передовых рабочих-новаторов производства направлена на дальнейшее улучшение и усовершенствование технологического процесса.

Прежде в мартеновском цехе нередко случалось так, что плавка стали, начатая в одной смене, заканчивалась в следующей. Это снижало ответственность сталеваров и за ускорение сроков плавки и за качество стали. Но в начале 1949 года, по инициативе начальника этого цеха инженера Николая Ивановича Шевцова, был детально продуман и разработан новый, уплотненный график работы смен. Этот новый график, построенный на опыте передовых методов труда, сразу же дал блестящие результаты. Теперь по новому графику каждый сталевар ведет свою плавку от заправки печи до разлива стали в изложницы. При этом, разумеется, предусматривается и значительное сокращение сроков плавки.

Сталевары Темир-Тау соревнуются за широкое внедрение скоростных плавков в повседневную производственную практику. И многие из них, такие, например, мастера, как Искандер Валиев, Алтынбек Дарибаев и Федор Ващенко, варят сталь на один час сорок пять минут быстрее, чем полагается по норме. Все они увеличили теперь съем стали с каждого квадратного метра пода мартеновской печи на пятнадцать — двадцать процентов по сравнению с 1948 годом.

Горячо откликнулись металлурги Темир-Тау на патристический почин москвичей. Пораскинув умом, подсчитав свои силы и возможности, заводской коллектив изыскал новые резервы для того, чтобы давать больше продукции на каждый рубль оборотных средств.

Зримые приметы торжества нового в этом юном городе металлургов угадываются во многом и прежде всего в трудовых буднях огромного заводского коллектива. Так, например, число рационализаторских предложений, поданных рабочими и инженерно-техническими работниками, увеличилось в 1949 году в десять раз по сравнению с 1948 годом. Изю дня в день повышается в заводских цехах культура производства. Изю дня в день увеличивается количество скоростных тяжёловесных плавов стали и количество сверхплановой выдачи проката. Изю дня в день молодые казахские металлурги повышают свою сложную квалификацию в кружках научного инженерно-технического общества. Сталевары и прокатчики, литейщики и электрики охотно обмениваются друг с другом опытом внедрения передовых методов в производство. В большой заводской библиотеке никогда не залеживаются новинки технической литературы: они ходят по рукам талантливых мастеров и подмастерьев — патриотов родного завода. Сталевары Искандер Валиев и Алтынбек Дарибаев ведут оживлённую дружескую переписку со знатными сталеварами Узбекского металлургического завода Максимом Харченко и Гафуром Гилязетдиновым.

Коллективы этих двух молодых металлургических заводов — Казахского и Узбекского — соревнуются. Почти ежедневно приходят в адрес металлургов Темир-Тау письма из города Беговата — нового промышленного центра Узбекской республики. Недавно начальник смены сталеваров Казахского металлургического завода Афанасий Соснин сообщил начальнику смены сталеваров Узбекского завода Гафтуру Гилязетдинову, что его смена выполнила пятилетнее задание по уровню выплавки стали и что многие сталевары Темир-Тау перекрывают теперь плановые показатели 1950 года.

Но есть чем порадовать казахских друзей и узбекским сталеварам. В одном из последних своих писем к Искандеру Валиеву Гафур Гилязетдинов сообщает, что сталевары его смены перешли на одновременное обслуживание двух мартеновских печей и успешно осваивают их мощности.

Недавно на Узбекском металлургическом заводе в городе Беговате побывала делегация казахских металлургов. А узбекские сталевары затем приезжали в Темир-Тау. Длительная деловая переписка друзей завершилась живым непосредственным творческим общением новаторов социалистической индустрии и принесла немалую пользу тому и другому заводу.

На товарищеской встрече молодых металлургов двух братских республик Алтынбек Дарибаев сказал:

— Мы молоды с вами, товарищи, как молоды оба наших завода. А у всякой молодости есть одно золотое качество — будущее. Наше будущее — коммунизм. Мы, вчерашние казахские пастухи, и вы, бывшие узбекские садоводы, научились у русских металлургов большому и почетному искусству — сталелитейному делу. Мы по праву гордимся и дорожим любимой нашей профессией, профессией первых казахских и узбекских сталеваров. Можно смело сказать, что наша учеба на металлургических гигантах Урала и Сибири пошла нам впрок; и нам не придется краснеть при встрече перед нашими замечательными русскими учителями — мастерами плавки высокосортных сталей и богатырями проката Магнитки и Кузнецкого комбината. За это говорят высокие производственные показатели в социалистическом соревновании наших двух молодых заводов — Казахского и Узбекского. За это говорят наши скоростные тяжеловесные плавки. За это говорят доблестные успехи наших прокатчиков. Но нам еще многому надо учиться у русских мастеров-сталеваров. И я верю: мы научимся, не посраим чести родных нам заводов! Русская отечественная металлургия знавала в прошлом и знает сейчас немало славных династий прославленных мастеров сталеварного дела. Мы, молодые металлурги первенцев черной металлургии Казахстана и Узбекистана, являемся родоначальниками будущих и наших фамильных

династий мастеров черной металлургии коммунизма! — заключил Алтынбек Дарибаев свою речь под дружные, горячие аплодисменты металлургов двух братских народов.

Прощаясь с металлургами Темир-Тау, узбекский сталевар Гафур Гилязетдинов спросил у Алтынбека:

— А как насчет одновременного обслуживания одной сменой двух мартенов?

— Не беспокойся, Гафур, этим вашим опытом мы, конечно, воспользуемся. Об этом у меня уже был душевный разговор с ребятами моей смены. Все за, — ответил Алтынбек Дарибаев.

Нахреддин Убайдуллаев, в свою очередь, напомнил узбекским друзьям о внедрении скоростных плавков.

— Здесь вы продолжаете пока от нас отставать, дорогие товарищи. Скоростные плавки на нашем заводе стали теперь уже правилом. А у вас они пока — исключение.

— Это правильно. Тут нам придется держать равнение на вас, — согласился первый узбекский сталевар с самым молодым сталеваром Казахского металлургического завода.

А спустя две недели после отъезда узбекских металлургов в Темир-Тау получено было коллективное письмо сталеваров смены Гафура Гилязетдинова, адресованное Нахреддину Убайдуллаеву. В этом письме узбекские сталевары писали:

«Дорогие друзья!

Рады сообщить вам, что после возвращения нашей делегации из Темир-Тау большинство сталеваров Узбекского металлургического завода перешло на скоростные тяжеловесные плавки. Мы широко воспользовались опытом ваших передовых сталеваров и добились уже неплохих результатов. Путем наращивания разливного ковша мы теперь, как правило, увеличиваем вес каждой плавки от пятнадцати до двадцати процентов. Наши сталевары Гафур Гилязетдинов и Максим Харченко варят сталь за 7 часов при большой экономии мазута. Пишите нам, дорогие товарищи, о своем житье-бытье, про свои дела и про свой завод. А мы с ответами не задержимся».

В ответ на это письмо узбекских друзей темиртауские сталевары в своем письме писали металлургам Беговата:

«Очень порадовали вы всех нас своими успехами, дорогие соседи. Похоже на то, что если кто-нибудь из наших ребят чуть зазевается, вы, пожалуй, и обставить можете нас по скоростным и тяжеловесным плавкам. Ну что же, это хорошо. Придется тогда поздравить вас, как победителей в нашем соревновании».

В этой замечательной переписке молодых металлургов двух первенцев черной металлургии Казахской и Узбекской республик раскрываются новые черты и душевные качества рядовых советских людей — строителей коммунизма. В этой творческой дружбе казахских и узбекских сталеваров, прошедших отличную школу на крупнейших металлургических гигантах нашей отечественной металлургии, отражается наша сегодняшняя социалистическая действительность и завтрашний день коммунистических отношений людей к своему благородному, светлому, радостному труду. В строках этих писем, написанных трудолюбивыми руками вчерашних пастухов и мирабов, ныне мастеров высокого класса по выплавке и прокату стали, ощущается взволнованное, горячее дыхание подлинных советских патриотов, кристальная чистота изумительных их душ, трепетный, теплый свет их крылатых сердец, преданных Родине, партии и всегда готовых на новые трудовые подвиги во имя прославления социалистического отечества, во имя торжества коммунизма в нашей стране.

Алтынбек Дарибаев, Афанасий Соснин, Нахреддин Убайдуллаев, Еркен Марашев, Петр Чекалов и десятки, сотни других металлургов Темир-Тау — все они своим творческим отношением к труду являют яркий пример высокой сознательности. Своим трудом у бушующих мартенов и у грохочущих прокатных агрегатов они учат дерзать и творить в работе. Это герои нашей социалистической промышленности. Это богатыри молодой казахской металлургии. Это бойцы послевоенной пятилетки. Это новаторы, смело ломающие давно устаревшие технические нормы и прокладывающие новые пути в технологии производства.

Чувство нового и чувство товарищеского локтя объединяет с передовыми рабочими металлургического завода и его техническую интеллигенцию — талантливых инженеров и одаренных техников, командиров производства. В любое время дня и ночи можно увидеть в жарком мартеновском цехе подвижную фигуру начальника цеха инженера Евгения Ивановича Шевцова. Впрочем, он меньше всего похож здесь на начальника в обычном понимании этого слова. По внешнему облику, по повадкам, по разговору, по манере держаться среди окружающих его людей так же просто и непринужденно, как просты и непринужденны эти люди. Евгений Иванович ничем как будто не отличается от рядовых сталеваров. Не отличается он от этих людей и по своей внутренней сущности. Он живет одними интересами со всем этим новаторским, творческим коллективом мастеров сталелитейного дела. И сила этой глубокой производственной дружбы между начальником цеха и сталеварами кроется как раз в общности их интересов, в их стремлении к новому, к творчеству, к созиданию.

— Как бы блестяще ни был образован в техническом отношении инженер-металлург, но если он утратит кровную связь с рабочим коллективом, грош цена его блестящему техническому образованию! — резонно замечает Евгений Иванович.

И это неоспоримо. Только опираясь на трудовую практику передового рабочего коллектива, сможет талантливый инженер с наибольшей полнотой раскрыть техническое дарование.

В завязавшемся между нами разговоре на эту тему главный инженер завода тов. Орлов сказал:

— Мы не столько учим таких сталеваров, как Алтынбек Дарибаев или Искандер Валшев, сколько сами учимся у них.

И тут же главный инженер припомнил к слову такой случай. Однажды — это было в канун открытия IV съезда Коммунистической партии Казахстана, в марте 1949 года, — начальник мартеновского цеха

Е. И. Шевцов доложил главному инженеру о затруднительном положении с шихтой. Мартеновский цех взял обязательство выполнить двухмесячную программу 1950 года к открытию съезда партии. Между тем габаритного лома для загрузки мартенов хватало не более чем на три дня. Допускать же неполную загрузку печей было, разумеется, невозможно. Обо всем этом, как всегда, начальник цеха поделился со сталеварами. И тут все стали ломать головы: как найти выход? Откуда добыть шихту? Ведь немыслимо же было мартеновцам вдруг оказаться не хозяевами своего слова! О срыве принятых обязательств не могло быть и речи. Все это твердо знали. И потому весь коллектив сталеваров крепко задумался.

В просторном кабинете директора завода тов. Бакста собрались коммунисты. Директор коротко доложил обстановку, спросил, как быть.

Первым взял слово Е. И. Шевцов.

— Выход из положения имеется. Его мне сегодня подсказали сталевары, — сказал Евгений Иванович.

— А именно? — нетерпеливо перебил начальника цеха директор.

— Ребята правильно заметили, что на заводской площадке замуровано под снегом несколько тысяч тонн стального скрапа. Мы, стало быть, можем с успехом использовать этот скрап и мартеновские «козлы». Вот вам простой выход из положения.

— Да, выход более или менее вероятный, — сказал директор. — Скрапа на заводской территории мы, конечно, можем собрать немало. Но как быть с габаритом?

— И тут есть выход, — живо отозвался главный механик тов. Арешкович. — Если смонтировать радиально-сверлильный станок, то все будет в порядке. Просверлив в «козлах» шурфы и заложив в них взрывчатку, мы, таким образом, можем взорвать негабаритные куски на части, которые можно будет затем пустить на завалку в мартеновскую печь.

— Это — дело, товарищи! Это действительно выход! — заключил директор.

— Правильное предложение.

— Иного не придумаешь...

— Задачу можно считать решенной! — откликнулось несколько ободряющих голосов участников этого летучего совещания.

Тут же кто-то напомнил и о том, что на заводской площадке под снегом, кроме того, найдется немало и габаритного лома. Его только следует откопать — и заваливай сразу в печь.

— Тоже дельное предложение! — сказал директор.

А на другой день, несмотря на разыгравшуюся пургу, сотни заводских рабочих вышли на заводскую площадку и, вооружившись лопатами, горячо принялись за раскопку стального и чугунного лома.

Работа была не из легких. Шквальная снежная буря буквально сбивала с ног. Мороз свирепел. Но народ Темир-Тау тертый, каленый, его ни огнем, ни лютотой стужей не проймешь. Работали ребята зло и весело. К концу дня восемь вагонов вырытого из-под снега драгоценного габаритного лома были разгружены в шихтарнике мартеновского цеха. Победа была одержана. Мартены получили, как обычно, полную загрузку. И сталевары, вставшие на предсъездовскую вахту, сдержали слово.

Эпизод, рассказанный главным инженером завода тов. Орловым, весьма характерен как яркий пример тесного творческого содружества между рабочим коллективом завода и инженерно-техническими силами. Это один из многих примеров, свидетельствующих о том, что наша советская техническая интеллигенция, вышедшая из народа, плечом к плечу, локоть в локоть с рабочим классом творит великое дело строительства коммунистического общества.

Так живет и работает многотысячный дружный талантливый коллектив молодого Казахского металлургического завода в таком же молодом и так же бурно растущем городе с железным именем — Темир-Тау.

Таковы цифры и факты. Таков непрерывный рост производственных показателей по всем основным цехам Казахского металлургического завода.

Но ведь эти цифры убеждают железной логикой расчета не только в росте производственных показателей, но и в стремительном техническом прогрессе молодых казахских металлургов, и в этом главное, если учесть, что среди рабочих ведущих профессий завода девяносто пять процентов казахской молодежи. Эти девятнадцатилетние молодые люди, сталевары и разлившники, прокатчики и вальцовщики, электромеханики и машинисты внутрицеховых агрегатов,— основная движущая сила завода. И только благодаря самоотверженному труду, мастерскому освоению своих профессий и высокому уровню технической зрелости этих молодых людей завод достиг таких высоких показателей в производстве проката и стали.

В мартеновском и прокатном, в механическом и литейном цехах и на шихтовом дворе завода работают сотни таких молодых людей — пионеров казахстанской металлургии. Это люди одного возраста и одной судьбы. Несмотря на творческие индивидуальности и различия профессий, все это поколение молодых казахских металлургов роднит почти одинаковая у всех их биография. И достаточно рассказать о любом из них, чтобы вынести обобщенное представление о характере, производственном и патриотическом облике многих.

Облик же первого казахского сталевара, комсомольца Алтынбека Дарибаева, воплощает в себе лучшие качества молодого советского поколения. Вот он, скромно, опрятно, со вкусом одетый юноша, сидит в кабинете парторга завода и без позы, рисовки и хвастовства, спокойно и просто рассказывает о себе, о мастерской работе своих сверстников. Он влюблен в свою сложную, творческую профессию, влюблен в свой завод. В сияющих глазах его горит огонек здорового и хорошего юношеского задора. Он почтительно встает, когда в кабинет входит директор завода тов. Бакст с инженером Е. И. Шевцовым. Он многим интересуется: атомной энергией и принципом устройства ракетных двигателей, новинками казахской и русской литературы и итогами футбольного сезона в Алма-Ате. Он спрашивает о том, как можно ему заочно изучать английский язык и как пишутся книги...

Но совсем другим человеком выглядит Алтынбек Дарибаев в рабочей спецовке, на своем рабочем месте в цехе. Тут уж ему не до разговоров. Весь внутренне собранный, строгий и сосредоточенный, стоит он около мартена и, не спуская глаз, наблюдает сквозь небольшое окошечко в стене за кипящей в его утробе сталью. Чуть позади него в тех же напряженных и сосредоточенных позах стоят его дублеры и подручные. А вокруг печи, подобно часовым на торжественном карауле, выстроились разлившики, канавщики, сифонщики. Все внимание этих молодых металлургов сосредоточено сейчас на их непосредственном начальнике — комсомольце Баймане Турганове, мастере разливочного потока. Сам мастер не спускает глаз со сталевара Алтынбека Дарибаева.

В цехе стоит глухой, напряженно вибрирующий гул. Это гудит мартеновская печь. Это поет закипающая сталь. Веселые, злые, ослепительно яркие пузырьки начинают все выше и выше подпрыгивать над расплавленной, грозно и бурно колеблющейся внутри печи массой металла.

Приближается самая волнующая, самая ответственная минута, когда сталевар взлетом своей руки подаст безмолвную команду дублерам, подручным, канавщикам и разлищикам приготовиться к выпуску плавки.

Напряжение нарастает с каждой секундой. Глухой вибрирующий гул мартена начинает стремительно возрастать, достигая предельной силы.

И вот рука сталевара взлетает вверх. И по одному этому призывному и властному жесту Алтынбека Дарибаева мгновенно приходят в движение десятки людей.

Вооруженный огромной металлической штангой, мастер разливочного цеха Байман Турганов стремительно бросается к мартену и прямым, сильным ударом штанги пробивает «летку» — окошко над огнеупорным желобом.

Этот удар требует от мастера не только большой физической силы, но и огромного профессионального навыка, стремительной, почти автоматической реакции в тот момент, когда расплавленная лава металла, про-

рвавшись сквозь пробитое в мартене отверстие, хлынет наружу. Мастеру надо успеть с артистической ловкостью увернуться из-под огненного фонтана лавы.

Байман Турганов проделывает эту операцию классически. Нельзя не залюбоваться в эту минуту атлетической силой этого юноши, его решимостью и отвагой.

Пробив дорогу металлу, Байман Турганов отскакивает в сторону. Он делает это на какую-то, быть может, долю секунды прежде мгновения, когда мощная струя стали начинает бить из мартена, осыпая его каскадом ослепительных искр.

Поэма огня!

Кипящая лава металла растекается по изложницам и затем, со временем остывшая в них, превращается в готовые для проката болванки.

Разлив стали по изложницам продолжается всего несколько минут.

И пока бригада разливщиков Баймана Турганова хозяйничает с изложницами, сталевар Алтынбек Дарибаев стоит у открытого люка печи и внимательно приглядывается к ее обнаженной подине, нет ли в ней изъяна. Но все в полном порядке! Сталь выдана высокого качества и вовремя. Печь не нуждается в заправке порогов. Можно дать команду дублеру о подготовке завалочной машины к новой заправке.

И Алтынбек Дарибаев дает такую команду.

Когда дублеры и подручные приступают к загрузке мартена железным ломом, Алтынбек отходит в сторону и наблюдает.

14

Зимним вечером, собравшись на квартире Алтынбека Дарибаева, молодые сталевары горячо и взволнованно обсуждают жгучий вопрос о снижении себестоимости тонны стали. Всем им известно, что пятилетний план предусматривает это снижение на семнадцать с половиной процентов. Но не всем еще ясно, что нужно сделать для того, чтобы добиться такого производственного эффекта.

И парторг Искандер Исаканов, мимоходом загля-

нув на квартиру знатного сталевара, незаметно включается в беседу. Отлично разбираясь в технологии производства, он обстоятельно, толково и просто рассказывает молодым металлургам о том, что снижение себестоимости стали может быть достигнуто только благодаря повышению производительности труда и уменьшению расхода мазута — этого драгоценнейшего в металлургии топлива.

И вот в итоге этой товарищеской встречи сталеваров в гостеприимном доме Алтынбека Дарибаева молодые металлурги начинают понимать, какую роль играют они в достижениях всего заводского коллектива.

Мастер разливочного цеха Байман Турганов и формовщик Аслыккан Каликов, как и все остальные их друзья и товарищи по работе, знают теперь, что, помимо выполнения производственной программы по выплавке стали, на них лежит забота о наименьшей затрате труда и материала на единицу готовой продукции. Таким образом, проблемы производительности труда и себестоимости волновали уже не только дирекцию и партийную организацию металлургического завода, но и рабочих ведущих профессий.

Партийные работники и инженеры, учителя городских школ и директора промышленных предприятий — все культурные силы молодого города Темир-Тау принимают активное участие в пропаганде политического значения пятой пятилетки. Директор завода тов. Бакст, секретарь Темир-Тауского горкома партии Василий Васильевич Шепелев и другие выступают перед металлургами с докладами и лекциями о пятилетке.

Партийная организация завода росла и крепла в процессе строительства. Коммунисты занимали и занимают ведущую роль на самых трудных и самых ответственных участках строительства и эксплуатации завода. Члены партии — знаменитый рекордсмен бетоноукладки Даку Абдиев и инструктор передовых методов труда Укен Турмагамбетов воспитали сотни каменщиков, арматурщиков и бетоноукладчиков — мастеров высокого класса. Эти прославленные бригадиры-коммунисты личным примером самоотверженного и высоко-

квалифицированного труда вдохновляли строителей на героические подвиги в суровые дни войны.

А успешным выполнением и перевыполнением плановых заданий по выплавке стали молодые казахские сталевары во многом обязаны членам партии — начальнику мартеновского цеха Евгению Ивановичу Шевцову и начальнику смены Николаю Ивановичу Безотосному. Эти два глубоко образованных инженера-металлурга, возглавив соревнование сталеваров за досрочное выполнение программы пятилетнего плана, помогают молодым казахским металлургам в повышении их технической зрелости и в освоении профессионального мастерства в технологии производственного процесса.

Коммунисты занимают ведущие роли среди металлургов.

Большую помощь в благородной и многогранной работе по идейному воспитанию заводских рабочих оказывают партийной организации комсомольцы. На заводе около семидесяти комсомольско-молодежных бригад, и все они перевыполняют производственные задания.

— Важным резервом увеличения выпуска стали являются скоростные плавки, — рассказывает бригадир сталеваров И. Голубев. — Коллектив третьей мартеновской печи, на которой я работаю, накопил некоторый опыт скоростного сталеварения. За последнее время восемьдесят процентов плавков у нас скоростные.

Борьба за скоростную плавку начинается с приема смены. Успех плавки определяется прежде всего строгой производственной дисциплиной и слаженностью в работе бригады. Еще до начала смены я знакомлюсь с обстановкой: как работает печь, каково состояние свода, стен, насадок. Выясняю, на каком этапе находится плавка, какова марка стали, достаточно ли материалов. Затем решаю, как вести плавку, расставляю подручных. Каждый член бригады получает задание.

У мартенов сталевары производят целую цепь последовательных операций: выпускают готовую сталь, направляют печь, заваливают в нее металлолом и дру-

гне материалы, плавят и доводят металл до нужного состояния, когда анализы показывают его готовность к выдаче.

Есть много возможностей сократить сроки этих процессов. Мы стараемся совмещать операции, — говорит И. Голубев, — не допускать перерывов между ними. Не ожидая, пока весь металл выйдет из печи, уже во время пуска стали производим заправку откосов и задней стенки. Дробленый доломит набрасываем тонким слоем, так как толстослойная наброска затягивает заправку и приводит к перерасходу материалов. Заканчивается этот процесс к тому времени, когда металл и шлак сойдут с ванны. Благодаря совмещению выпуска и заправки обе эти операции занимают у нас немного времени, экономим до восьми и больше минут. Стараемся, чтобы печь не успела остыть к завалке. Всегда помним важное правило работы скоростников: не упускать тепло, не остужать печь. В начале загрузки руды и известняка поддерживаем интенсивную тепловую нагрузку. Это способствует ускорению плавки. Известняк заваливаем на прогретый железный лом, располагая его ближе к задней стенке и откосам печи, в самых горячих местах ровным слоем; от этого он лучше прогревается и раньше разлагается. Специального же прогрева известняка и металлической шихты не проводим. При завалке легковесного лома особое внимание обращаем на то, чтобы он не прикрывал тяжеловесный лом, не затруднял его плавление.

Строго следим за тепловым режимом печи. Всякие нарушения в этом деле неизбежно сокращают срок ее службы. Завалочной машиной разравниваем шихту, что обеспечивает более свободный проход пламени. Причиной преждевременного износа свода печи зачастую является «вихрастый» факел, который «лижет» и разрушает свод. Поэтому мы стараемся держать плоский, настильный факел, не достигающий свода. Чтобы обеспечить быструю доводку, добиваемся хорошего нагрева металла к концу плавления. Доводку начинаем только на горячем металле. Это обеспечивает хороший сход шлака и интенсивность кипения.

Показатели у нашей бригады неплохие. Большинство

во плавок выдается на пятнадцать — сорок минут раньше установленного графика.

Работая по-новому, коллектив мартеновского цеха выдал в ноябре 1954 года тысячи тонн сверхпланового металла. Столько стали сверх месячного задания металлурги не выдавали на протяжении всей истории завода. Успешно завершены производственные задания декабря, января и февраля. Мартеновцы дают около ста тяжеловесных плавков в месяц, причем из каждых десяти плавков шесть — скоростные. Половину всех скоростных плавков на заводе дает коллектив третьей мартеновской печи. Съем стали против задания здесь превышен на 900—1 000 килограммов с одного квадратного метра пода.

В целях широкого распространения передового опыта в мартеновском цехе обобщены приемы работы мастеров скоростного сталеварения. На этой основе совершенствуются методы работы всех металлургов.

Заслуженной и громкой славой овеваны многие имена молодых бригадиров и членов этих бригад. Имя знаменитой комсомолки Зои Дурницыной знает многотысячный заводской коллектив Темир-Тау. Эта юная и отважная девушка, в совершенстве овладев тремя профессиями, выполняет производственное задание на триста процентов за смену. Молодые рабочие из бригады комсомольца Феди Степурина заняли третье место во всесоюзном соревновании комсомольско-молодежных бригад и за самоотверженную работу получили Почетную грамоту Центрального Комитета ВЛКСМ. А каждый из членов бригады, которой руководит комсомолец Иван Диордиев, дает, как правило, свыше двух норм за смену, и в надежных руках держат эти ребята переходящее Красное знамя, завоеванное ими.

И не только в самом Темир-Тау, но и далеко за пределами его шумит слава о знаменитой мотористке металлургического завода Валентине Шелест и станочнице Анне Рожковой, об арматурщице Николае Полякове и сварщике Иване Никитине. В ногу с жизнью, в ногу с передовыми людьми завода — коммунистами идут эти юноши и девушки.

— В личном примере коммуниста, в его самоотверженном труде,— говорит Искандер Исаканов,— кроется сила и действенность воспитания. За годы строительства нашего завода здесь воспитали несколько тысяч строителей и эксплуатационников высшей квалификации. И большая роль в этом воспитании принадлежит коммунистам.

Впереди — решение технических задач бытового строительства самого юного индустриального города республики. Вольно и молодо раскинулись строгие кварталы Темир-Тау на берегу гигантского Нуринского водохранилища.

Сейчас уже металлурги получили свыше сорока тысяч квадратных метров жилой площади в новых, отлично оборудованных коттеджах и многоквартирных домах. Превосходный летний кинотеатр, построенный в городском парке Темир-Тау, мог бы быть украшением любого столичного парка. Четыре великолепные школы-десятилетки подарили строители детям юного города. Свыше четырех тысяч школьников начинают теперь каждый учебный год в новых, полных света, тепла и воздуха классах, где пахнет мелом и масляной краской и солнечные блики отражаются в полированных крышах парт.

Черты этого нового города металлургов сказываются во многом. Их видишь в строгой планировке асфальтирующихся улиц, в ослепительной белизне домов, в свежей зелени молодого городского парка, в простоте и изяществе многоэтажных жилых домов и в изобилии электрического света, щедро залившего заводские цехи, жилые дома и улицы. И в трубных звуках заводских сирен, в грохоте прокатных станов, в ровном и мощном гуле турбогенераторов и мартеновских печей звучит над карагандинской степью великая индустриальная симфония нового промышленного очага Казахстана.

По вечерам в просторной, четырехкомнатной квартире Алтынбека Дарибаева нередко собираются теперь друзья — сталевары и прокатчики, электрики и литейщики с родного завода. Большинство из них — сверстники Алтынбека, товарищи не только по совместной работе в цехах, но и по совместной учебе на старейших

металлургических заводах Южного Урала. Частые гости Алтынбека Дарибаева — сталевары Искандер Валиев, Нахреддин Убайдуллаев и Еркен Марашев, прокатчики Нурбек Телебаев и Жакан Сатыбалдиев. Это люди одного поколения, одной судьбы, воспитанники комсомола, а теперь члены Коммунистической партии.

Собираясь вместе в часы досуга, эти по-юношески озорные молодые люди представляют довольно шумную, веселую компанию.

Народу в квартире Алтынбека собирается иной раз немало. Но у гостеприимного хозяина и приветливой, расторопной молодой его хозяйки места хватает для всех, и ни один из зашедших на огонек друзей не скучает в этой уютной квартире без дела. Одни играют в шашки и шахматы. Другие развлекаются состязанием в виртуозной игре на домбре. Третьи возятся с превосходным девятиламповым радиоприемником Алтынбека.

А чаще всего молодые друзья, собравшись в кружок в одной из уютных комнат хозяина, коротают время за душевным разговором о родном заводе. Стоит только одному из них заикнуться о технологии выплавки стали или проката, как тотчас же, слово за слово, в беседу включаются все присутствующие.

Так было и в этот праздничный вечер, когда мы, приглашенные Алтынбеком, сидели в кругу его друзей за чашкой чая и мирно болтали о том, о сем.

Яркий электрический свет, смягченный голубым шелковым абажуром, озарял большой круглый стол, накрытый ослепительно белой скатертью и в изобилии заставленный угощениями. Весело пофыркивал кипящий никелированный самовар. Из настроенного на алма-атинскую волну радиоприемника лилась негромкая трепетная и светлая мелодия «Казахского вальса»; пела народная артистка Союза ССР Куляш Байкентова.

Разговор между молодыми сталеварами на этот раз зашел о книге академика Павлова «Воспоминания металлурга».

— Замечательный старик! Замечательная книга! — сказал Алтынбек Дарибаев. — Я всю ночь просидел — читал, не отрываясь.

— Очень интересная книга! Мы все ее должны прочитать,— оживленно откликнулся Искандер Валиев.

— Правильно пишет старик, что сталеварение — это искусство,— продолжает Алтынбек Дарибаев — А всякое искусство, кроме трудовых навыков и профессионального мастерства, требует творчества, вдохновения. Вот почему знаменитые русские сталевары, как пишет Павлов, умели и умеют «слушать» мартены и домны — по звукам кипящей стали определять качество и время плавки.

— Это правильно сказано — «слушать печь»! — сказал Нахреддин Убайдуллаев. — Я не читал книги академика Павлова, но сам давно замечаю, что можно по слуху определить, когда «доходит» металл и как начинает петь каждая плавка в печи мартена.

Кто-то из ребят не зло пошутил по адресу Нахреддина Убайдуллаева, припомнив об одной неудавшейся его плавке:

— Теперь все ясно, Нахреддин. Выходит, что слух у тебя неважный. Помнишь, как ты запоролся на двадцать второй твоей плавке?

— Да, был грех...— признался со смущенной улыбкой самый молодой сталевар Темир-Тау.— Запоролся. «Сыграл в козла». Мне, конечно, еще далеко до таких мастеров, как, скажем, глава знаменитой династии русских металлургов почтенный Иван Григорьевич Коробов. Это же бог, а не мастер! Но не помучишься — ничему не научишься, как говорится в одной хорошей русской поговорке. Придет время, и я, может быть, научусь так же слушать мартен, как слушает его знаменитый русский сталевар.

— Правильно, Нахреддин. Придет время, и мы заслужим право называть себя обер-мастерами! — поддержал бывшего своего подручного Алтынбек Дарибаев.

До глубокой ночи засиделись мы в этот вечер с друзьями Алтынбека Дарибаева. Много говорили здесь о высоком уровне материальной и духовной жизни обитателей этой квартиры: и строгий порядок со вкусом обставленных комнат и этажерка, битком набитая книгами, где рядом с объемистыми трудами по технологии стали стояли сочинения классиков марксизма-лениниз-

ма, однотомники Пушкина и Чехова, Горького и Льва Толстого и новинки советской художественной литературы — произведения современных русских и казахских писателей.

Когда между друзьями Алтынбека зашла речь о благоустройстве родного города, сталевар Еркен Маркаев сказал:

— Наш город растет, как в сказке,— не по дням, а по часам. Теперь уже даже как-то не верится, что всего четыре года тому назад здесь еще не было ни улиц, ни тротуаров, ни асфальтированных мостовых, ни красивых многоэтажных домов. А сейчас и городской парк культуры разросся — залюбуешься. И десять новых школьных зданий — одно краше другого. И свету на городских площадях и улицах — море.

— Город красив — сейчас не похачешь. Но еще краше и лучше он будет,— сказал Алтынбек Дарибаев.— Недавно мне довелось принять участие в обсуждении генерального проекта города Темир-Тау. Не город будет — сказка, дорогие друзья! Один Дворец культуры металлургов чего стоит! А Дом Советов! А Дом техники! А здание Центральной городской библиотеки! А стадион! А трамвайные и троллейбусные линии!

— Тоже нашел, чем восхищаться — трамваем! — полушутя, полусерьезно заметил Искандер Валиев.

— А почему бы не восхищаться? Трамвай для нашего города — большое дело.

— Может быть... Но я предпочитаю собственный автомобиль. На первый случай — «Москвич», а потом — «Победа».

— Против собственного автомобиля никто из нас возражать, конечно, не станет. Мы с вами будем, допустим, ездить на завод на собственных машинах. Но найдутся и такие скромные люди у нас в Темир-Тау, которых пока вполне будет устраивать и трамвай, — рассудительно заключил Алтынбек Дарибаев.

Разговор о приобретении собственных автомобилей увлек всех гостей Алтынбека, и они со свойственным юности пылким воображением вновь хором заговорили, заспорили об экономичности «Москвича» и о комфортабельности «Победы». Искандер Валиев тут же поднял

вопрос о строительстве гаражей для индивидуального автомобильного парка заводских рабочих.

— Давайте напишем коллективное заявление председателю городского Совета товарищу Мухамедьярову,— предложил Искандер.— В самом деле, пора поднять и такой важный вопрос, как постройка общественных гаражей. Ведь в таком гараже легче будет организовать профилактический уход за автомобилями индивидуального пользования.

— Это правильно, Искандер,— согласился с ним Алтынбек Дарибаев.— Вопрос очень актуальный. Но, по-моему, нам надо поставить его в первую очередь перед дирекцией нашего завода.

— Конечно, перед дирекцией, Алтынбек! Пусть товарищ Бакст позаботится о своих рабочих — владельцах персональных автомобилей,— с живостью отозвалось несколько соучастников этой беседы.

Нурбек Тюлебаев усомнился: не рановато ли говорить об общественных гаражах, если машина еще далеко не у каждого? Но на него ополчились все хором:

— Мы живем не только сегодняшним днем.

— Правильно! Никогда не следует забывать и о завтра.

— Вот именно. Главное — думать о будущем.

...Было уже около трех часов ночи, когда мы с друзьями Алтынбека Дарибаева покинули его, полную тепла и света гостеприимную квартиру. В сопровождении хозяина мы вышли на залитую электрическим светом, пустынную и непривычно тихую в этот глухой полуночный час городскую улицу.

Город спал. Тихо было на его площадях, на проспектах, скверах, бульварах и улицах. Только где-то поодаль слышался глухой вибрирующий грохот и гул. Это гудела кипящая сталь в огнеупорных утробах мартенов и лязгали циклопические челюсти прокатных агрегатов. Сжимая стальными зубами раскаленные слитки металла, прокатные станы выбрасывали огненные жгуты готовой стали самых разнообразных профилей.

Нет, ни днем, ни глубокой ночью ни на минуту не замирает звонкий, четкий пульс напряженной трудовой

жизни этого молодого промышленного очага Казахской республики — первенца ее черной металлургии.

Мириады ярко мерцающих в ночи золотых электрических огней, сливаясь со звездами, озаряют многоэтажные жилые дома и гигантские заводские корпуса, просторные городские площади и аллеи молодых парков и скверов Темир-Тау.

Мы шли с друзьями Алтынбека Дарибаева по центральной городской улице, любясь монументальными фасадами многоэтажных жилых домов и общественных зданий, строгой планировкой городских кварталов и чистотой залитых асфальтом и обсаженных молодыми деревцами улиц.

Вдруг один из наших спутников — это был сталевар Искандер Валиев — крикнул:

— Смотрите, смотрите, какое зарево! Это смена Соснина жизни дает. Плавку начали.

— Рановато начали,— заметил кто-то из спутников.

— Скоростная! — сказал с гордостью Искандер и, взглянув на ручные часы, добавил:— Как всегда, жмут на час сорок пять минут раньше срока. Молодцы соснинцы! Джигиты! Орлы! Орлы!

Мы остановились среди улицы, заглядевшись на голубоватые вспышки огня, запылавшего над корпусом мартеновского цеха. Мерцающая в ночном небе то нежно-золотистыми, то багрово-пурпурными, то аметистовыми отблесками и брызгами искр, гигантское огненное зарево, стремительно разрастаясь, вдруг забушевало над заводом, ярко озарив его дымящиеся трубы и корпуса. Было что-то победное, торжествующее в этой озорной игре огненных красок, в неистовом их сиянии в ночи; и мы, стоя с нашими спутниками среди пустынной ночной улицы, не в силах были оторвать восхищенных взоров от этого волшебного ослепительного блеска хлынувшей по изложницам кипящей стали, отраженным огнем которой светилось над ночным городом металлургов высокое звездное небо.

КЛАДОВЫЕ ДЖЕЗКАЗГАНА

1

Прямая, как стрела, железнодорожная линия уходит в великий степной простор. И наш поезд, ритмично гроыхая на рельсовых стыках, с огромной скоростью мчится туда, в настезь распахнутый перед нами голубой простор. И только в окнах вагона однообразные картины несложного пейзажа этой глухой степной стороны. Иногда мелькнет перед вами стайка быстрых сайгаков. Вспугнутые с лежбища гудком паровоза, легкие и грациозные козы мчатся в глубинную степь.

Не отрываясь, смотрю на покрытые скупой растительностью степные просторы. Вижу сверкающую на солнце ленту реки Сары-Су. Точно соревнуясь в стремительной скорости с нашим поездом, она мчится вдоль железнодорожного полотна. Но вот наконец, сделав крутой вольт в сторону, река уходит на запад, постепенно теряясь и угасая в далекой, подернутой легким маревом знойной степи.

И снова эта похожая на библейскую пустыню степная равнина... Но вот наконец показались высокие, словно нарисованные синеватой тушью, сопки. Не отрывая глаз, я смотрю на гряду этих сопок и с удивлением замечаю, что по мере приближения к ним они меня-

ют свой акварельный оттенок на иной, желтовато-золотистый цвет. Да и сама степь постепенно начинает менять свой облик. Она переходит из плоской равнины в небольшие холмистые перевалы, покрытые густой и жесткой, равнодушной к влаге травой.

Когда поезд остановился на одной из небольших затерявшихся в степи станций, я вышел из вагона и увидел перед собой огромную сопку, поразительно похожую на гигантскую юрту, накрытую пожелтевшим от времени войлоком. Иду к этой сопке и вскоре замечаю на вершине ее неподвижную человеческую фигуру. Издали эта фигура кажется изваянием, искусно высеченным из белого мрамора. Однако, приблизившись к сопке вплотную, убеждаюсь, что фигура эта не изваяние, а живое человеческое существо. Да, сомнений не было. На сопке неподвижно сидел задумавшийся о чем-то старик. И тогда я, охваченный острым, все возрастающим любопытством, поднимаюсь на вершину этой сопки и приветствую старика.

— Приветствую вас, старина! — почтительно кланяясь старцу, говорю я и в знак особого уважения к нему пожимаю обеими руками его худую, морщинистую руку.

— Здравствуй, джигит, — отвечает мне глуховатым голосом старец. Затем он долго и испытующе смотрит на меня своими необыкновенно зоркими для его возраста, пытливыми и пронзительными глазами.

А я, в свою очередь, не спускаю глаз с его живописно-древнего облика. Есть нечто величественное и прекрасное в образе такой чистой, здоровой и сильной старости, которая была воплощена в этом старике. И я невольно залюбовался его сверкающей на солнце серебряной бородой, густыми, дремуче-сомкнутыми бровями и его широким пробковым от загара лбом, густо испещренным глубокими морщинами.

По тому, как старик время от времени озирался по сторонам, зорко приглядываясь к окрестности, по тому, как он то и дело, весь внутренне напрягившись, чутко прислушивался к чему-то, я начал понимать, что старик здесь сидит неспроста. Было похоже, что он нахо-

дился на посту и, должно быть, нес караул, неподвижно вросшая на вершине этой сопки.

Оглядевшись вокруг, я увидел, что внизу, чуть поодаль от сопки, лежал большой рабочий поселок. Отлично видны были отсюда прямые поселковые улицы и аккуратные, похожие один на другой беленькие домики. А дальше, на заднем плане поселка, перед моим взором раскрывалась грандиозная панорама индустриальной рудничной территории с ее шахтными эстакадами и густой сетью узкоколейных дорог. Гигантские лоботы экскаваторов, находясь в беспрестанном движении, поднимали с карьеров породу; и густое облако пыли клубилось над рудничной территорией. «Так вот он каков, Джекказган!» — подумалось мне. Но для того, чтобы завести разговор с молчаливым, пытливо озирающимся вокруг стариком, я тут же спросил его:

— Это что же, рудник, отец?

— Да, он самый, джигит.

— Джекказган?

— Да, Джекказган, джигит, — сухо и кратко ответил старик. Затем, немного помолчав и опять пытливо присмотревшись к окрестности, мой собеседник, в свою очередь, осведомился у меня: — А разве ты не узнаешь нашего Джекказгана?

— Откуда же мне узнать его, отец, когда я вижу его впервые?!

— Ты впервые, джигит, а я здесь родился и вырос. Родился и вырос, но и то не узнаю теперь своего Джекказгана, — проговорил старик после некоторого молчания.

— Вот как? Значит, ты, отец, старожил? Значит, ты мне можешь рассказать всю историю Джекказгана? — глубоко заинтересованный ответами старика, сказал я, усаживаясь рядом с моим собеседником на вершине сопки.

— Да, я могу рассказать всю историю, — опять немного помедлив, проговорил своим глухим, грудным голосом седобородый старец. — Да, я могу рассказать тебе, мой сын, про все, что пришлось мне увидеть на своем веку на этом месте. А видел я многое...

— Значит, ты помнишь, отец, и про хозяйничанье в этих местах англичан?— допрашивал я старика.

— Англичан?— переспросил старик, оживляясь.— Ну, а как же не помнить? Помню и англичан. Я помню самого высокого, надменного и гордого господина. Его звали Нобель. Сорок лет тому назад он приехал сюда в сопровождении своих подручных. Я помню белый шатер этих господ, раскинутый ими на месте вот этого самого рабочего поселка. В те времена это было глухое, необжитое место. Только стан степных сайгаков резвились вокруг да кружились над степью хищные птицы. А теперь ты видишь, мой сын, что здесь творится!— взволнованно проговорил старик, жестом указывая мне на окрестности рудника и поселка.

Затем мой собеседник умолк. Он долго молчал, заглядевшись куда-то вдаль своими слегка прищуренными и пронизательными глазами степного человека. Но я, уже сгорая от нетерпения и любопытства, начал упрашивать его рассказать мне все, что он помнил, видел и знал из истории Джекказгана.

Старик долго отмалчивался. По его напряженным морщинам на лбу, по всему его сосредоточенному на мысли облику было видно, что он пытается вспомнить нечто интересное и значительное. И вот, наконец, видимо, припомнив то, о чем ему хотелось мне рассказать, он откашлялся и повел глуховатым, похожим на звук кобзы, гортанным голосом повесть о прошлом Джекказгана.

Я сидел бок о бок с моим собеседником и, не переводя дыхания, прислушивался к его спокойному, мелодичному голосу. И вставала в моем воображении та глухая, великая пустынная степь Центрального Казахстана, что лежала полвека тому назад в окружении этих угрюмых сопок. Я слушал рассказ моего собеседника, видел перед собой его древний, как эта степь, облик, и мое воображение рисовало в эти мгновения образ гордого и сухого, высокомерного и скучного англичанина по имени Нобель. Временами мне даже казалось, что я ощущал стальной, холодный блеск его равнодушных остекленелых глаз и характерный для англичанина булькающий говор. Я слушал скорбную повесть моего

престарелого собеседника, и воскресало передо мной горькое прошлое моего народа, много испытавшего и много пережившего за недолгие годы владычества чужестранца в этих местах.

Не отрывая своих глаз от библейского облика старика, я жадно всматривался в его черты и чутко прислушивался к его увлекательному рассказу — живой истории Джекказгана.

А когда после длительной нашей беседы я, простившись со стариком, остался наедине со своим раздумьем, захотелось творчески осмыслив повесть моего собеседника, донести один из ее эпизодов до моего читателя.

2

...Над степью бушует злая пурга. С чудовищным воем кружится метель над потонувшей в снежном дыму безбрежной равниной. Увязли в сугробах обветшалые, закопченные юрты, прижавшиеся к одной из сопок.

Несмотря на эту небывалую пургу, мороз с каждым часом становится все ожесточеннее, все свирепее. Двое джигитов, обхватив голыми руками железный трос, через силу тянут кверху из скважины огромную, наполненную рудой деревянную бадью.

— Руки окоченели. Не могу больше работать без рукавиц,— жалуется слабым голосом один из джигитов. Ему, как и другому его товарищу, трудно дышать на морозе и трудно говорить. Едва шевеля застывшими губами, он пытается еще сказать что-то. Но морозный воздух перехватывает его дыхание, и джигит только безнадежно машет рукой.

Но вот бадья показывается из скважины, и джигиты, выгрузив руду, решают наконец бросить эту непосильную в такую погоду работу.

— Сколько мы подняли сегодня бадей?— спрашивает один рослый джигит другого.

— По моим подсчетам, восемьдесят пять.

— Тогда пора и в аул. Ты видишь, что делается вокруг? Метель все усиливается, и замешкайся мы — не доберемся нам до аула.

И вот трое джигитов, один из которых только что

выкарабкался на поверхность со дна скважины, по-детски взявшись за руки, направляются в сторону невидимого отсюда аула. Они идут наугад, ориентируясь в этой свистящей и воющей вьюжной полумгле только чутьем. Они идут против свирепеющего с каждой секундой встречного ветра. Пурга с бешеным воем кружится вокруг них, и люди, ослепленные и оглушенные ею, вскоре теряют всякую ориентировку. Они уже не двигаются вперед. Им это только кажется, что они идут. Но на самом деле кружатся на одном и том же месте, кружатся, потеряв всякое представление о направлении, о времени, о пространстве. Ни один из них уже не знает, в какой стороне их аул и далеко ли осталось идти до ближайшей юрты.

— Эх, какой только черт дернул нас сегодня идти на эту работу!— с горечью восклицает один из джигитов.

— А что было делать? Не с голоду же нам подыхать! Хочешь не хочешь — иди и работай,— зло замечает другой.

— А какая разница, умереть ли с голоду в юрте или подохнуть на шахте у Нобеля? Как хотите, у меня нет сил двигаться дальше...— задыхаясь от гнева, пурги и обиды, говорит слабым голосом один из одетых в жалкие лохмотья джигитов и при этих словах покорно опускается в глубокий снег.

— Что ты, что ты! Нельзя оставаться... Пойдем!— испуганно схватив его за руки, бормочет рослый и, по-видимому, самый выносливый и сильный из них, джигит Кошекпай.

— Оставь меня, Кошекпай. Оставь... Дальше двигаться я не могу. Я хочу спать. Я засыпаю. Я засыпаю...— чуть слышно, точно в бреду, бормочет и в самом деле как полусонный уже джигит, не желая подниматься из глубокого снега.

— Да оставь нас здесь, Кошекпай. Дальше идти мы не в силах. Мы зароемся в этот сугроб и переждем метель. А ты же сильнее нас. Ты можешь добраться в конце концов до аула,— уговаривает Кошекпая таким же полусонным голосом замерзающего человека и другой джигит.

— Ой-бой! Что вы, что вы, дорогие друзья! Да разве можно остаться в такую погоду в степи! Ведь вы остаетесь на верную гибель! Давайте как-нибудь добираться все вместе,— пробует уговорить своих ослабевших товарищей Кошекпай.

Однако оба его друга никак уже не реагируют на все настойчивые просьбы Кошекпая. Не действуют ни угрозы, ни протесты, ни уговоры. Сиротливо прижавшись друг к другу и кутаясь в жалкие свои рубища, они сидят в снегу, и метель начинает уже мало-помалу за- сыпать их.

Тогда Кошекпаю становится ясно, что все его попытки образумить выбившихся из сил джигитов ни к чему не приведут и что не в их уже воле подняться теперь и тронуться с места. И вот Кошекпай принимает решение: оставить товарищей, захоронив их в снежной пещере. По рассказам, по опыту многих бывалых степных людей, Кошекпай знал, что такая мера иногда спасала застигнутых пургою людей от верной, казалось, гибели.

Раздумывать было некогда. И Кошекпай проворным и быстрым движением привычных к работе рук, вырыв в сугробе глубокую нишу, усадил в нее ослабевших товарищей.

— Ну что ж, ничего не поделасшь, оставайтесь! А я попробую все же добраться до аула и затем выручить вас,— взволнованно проговорил Кошекпай на прощание своим заживо замурованным в снежную пещеру джигитам.

И вот, как ни было горько ему покидать близких друзей среди открытой степи в такую пору, Кошекпай все же оставил их и упорно зашагал навстречу беснующемуся урагану. Здоровый, еще молодой, большой и сильный, он шел против ветра. Он шагал, временами по пояс утопая в снегу, упрямо склонив свою разгоряченную тревожными мыслями голову. Его едва прикрытое лохмотьями тело горело от стужи. В ушах стоял непрерывный шум. Иногда ему казалось, что где-то поодаль громыхали пушечные залпы и бил большой колокол, удары которого были знакомы Кошекпаю с детства, когда он батрачил в соседнем русском селе-

нии. Он шел сквозь ночь, сквозь снег, сквозь пургу, без дороги, без ориентиров. Он шел, руководствуясь только одним своим внутренним наитием, и он был почему-то уверен, что идет именно туда, куда нужно.

«Неужели я пропаду, сгину в этой снежной сумятице? Неужели так бесславно закончится моя недолгая, двадцатипятилетняя жизнь? Ах, скупа же была для меня эта жизнь на счастье, на радости, на удачу! Нет, не баловала она меня ни теплом, ни достатком, ни покоем. Неужели же так и не суждено мне увидеть ничего хорошего в этой жизни, кроме злобной морды англичанина? Неужели же я рожден для того, чтобы голодать, холодать и изнемогать на работе в угоду этому чужестранному господину?!» — так или приблизительно так рассуждал тогда Кошекпай, продолжая тем временем с каким-то озлобленным упрямством и нечеловеческой настойчивостью продвигаться по колено в снегу по степи, объятай метелью.

Временами он впадал в состояние мгновенного забвения. И тогда окрестный мир угасал в его воображении, и Кошекпай уже не слышал воя пурги и не ощущал обжигающего лицо мороза. Однако природная сильная воля помогала ему тотчас же брать себя в руки и отстраняться от этого забвения, грозящего в такую пору каждому путнику неминуемой гибелью.

И вот в ту минуту, когда силы Кошекпая, казалось, уже окончательно начинали покидать его и он стал все чаще и чаще впадать в состояние предательского забвения и покоя,— в эту самую минуту его уха коснулся какой-то необычайно резкий, отчего-то встревоживший его душу звук. Тогда, весь внутренне встрепенувшись от этого звука, Кошекпай прислушался, но понять ничего не мог. Однако он чувствовал, что это был звук человеческой речи, похожий на призыв, на оклик.

Может быть, это кричали в поле его товарищи? Однако Кошекпай вдруг оторопел от мысли о том, что это долетели до него последние, предсмертные крики о помощи покинутых им в степи джигитов.

И Кошекпай, собрав последние силы, снова все с тем же злобным упрямством стал продвигаться вперед. Но не сделал он, казалось, и пяти шагов, как уха его

коснулся вновь возникший откуда-то, но теперь уже явно человеческий окрик:

— Эй-эй-эй!

И Кошекпай, весь уйдя в напряженное внимание, вновь прислушался. Оклик опять повторился. Он был глухим и протяжным, точно идущим откуда-то из под-земелья. Чей-то высокий гортанный голос зывал к кому-то, звал и кликал кого-то к себе. Теперь он звучал, этот голос, где-то совсем вот тут, по соседству, рядом. Тем не менее Кошекпай, растерянно кружась на месте, никак не мог наткнуться на этого незримого, казалось, совсем рядом кричащего человека.

Вдруг нога Кошекпая, поскользнувшись, провалилась в какое-то глубокое отверстие, и тогда на Кошекпая пахнуло запахом теплого жилища — непередаваемо волнующим запахом горького кизячного дымка, запахом костра, очага, жилища. И Кошекпая все стало ясно. Он понимал, что находился теперь на макушке замурованной в снежный сугроб юрты и провалился одной ногой в чанырак — верхний ее дымоход.

А спустя несколько минут старый отец Кошекпая Отарбай уже хлопотал около растянувшегося внутри юрты на войлоке едва не погибшего в степи сына. Старик, собрав всю имеющуюся в юрте одежду — от куска белой кошмы до поношенного домотканого халата на цветной подкладке, — старательно укрыл всем этим немудреным тряпьем продрогшего до костей сына.

— О аллах! — восклицал, захлебываясь слезами, Отарбай. — О аллах, как я благодарен тебе за спасение сына!

— Спасибо тебе, отец, — говорил слабым голосом приходивший в себя Кошекпай. — Это хорошо, что я услышал твой оклик. Не позови ты меня, не оклики — я бы погиб.

Между тем в юрте скоро забушевал веселый и яркий костер из сухого степного кустарника — тобылги и баялыша. Огонь, обогрев это неприветливое с виду, бедное жилище кочевника, украсил его, наполнил теплом и покоем. И от этого благодатного тепла, наполнившего юрту, очнулся даже престарелый дед Кошекпая. Это был совсем глубокий старик, с испытанным лицом,

обрамленным слегка пожелтевшей от старости седой бородой. Долгие годы необычайно тяжелого, изнурительного труда на примитивном медеплавильном Дебейском заводе наложили резкий отпечаток на весь его внешний облик и на всю фигуру. Обрадованный весело запыхавшим в юрте костром и взволнованный вестью о благополучном возвращении внука Кошекпай дед спросил Отарбай:

— Хорошо ли ты его укутал, Отарбай? Тепло ли ему? Не ознобился ли он в такую непогоду?

— Нет, слава аллаху. Кошекпай вернулся домой невредимым,— успокоил своего престарелого отца Отарбай.

— Ну, то-то же...— назидательным тоном проговорил дед.— Уж кто там кто, а я-то на своем веку испытал горькую участь рабочего человека. Когда мы работали на Дебейском медеплавильном заводе, мы, бывало, поднимались из рудника в морозы, лютую стужу до нитки промокшими. А пока ты бежишь, не помня себя, от завода к аулу, весь твой жалкий чапан превратится в ледяную корку. Было и хуже. Нередко многие из нас ходили в ту пору на работу на зиму глядя без шапок и босиком. Как сейчас помню, бывало, везешь на верблюдах добытую ломом руду и застигнет тебя между Джекказганом и Дебейским заводом буран. Куда ты тут денешься? Одно спасение — лечь в снежную берлогу. Скоронишься заживо в снежном сумете и отсиживаешься целые сутки. А бывало, что и за двое суток не выберешься... Да, многое я испытал на своем веку, много горя принял. А теперь вот, на старости лет, вижу, что и внуку моему суждена такая же участь. Ох-хо-хо! Дождется ли наш народ когда-нибудь светлого дня? Придет ли когда-нибудь, хоть для наших правнуков, другое, счастливое время? — с непередаваемой горечью в голосе спрашивал кого-то старик.

Но ему никто не ответил. Только глухой и надсадный шум беспующейся за юртой пурги продолжал звучать и терзать своей скорбной музыкой стариковскую душу.

И один Кошекпай, услышав голос старого деда, чуть слышно спросил отца:

— Как ты думаешь, не погибнут мои товарищи, укрывшиеся под снежным сугробом? Я слышу, что дед говорит, будто с ним не раз в его молодости такая беда бывала?

— Да, с ним случалось такое. Дед твой многое пережил,— ответил Отарбай сыну.— А о судьбе джигитов не беспокойся. Утихнет буря, и мы отправимся на розыски их всем аулом.

И Кошекпай, согретый вниманием родителя и костром родимого очага, внутренне просветлел. Его железное здоровье и молодость позволили ему пока выдерживать самые тяжчайшие испытания, какими без числа и без меры награждала его не очень ласковая к нему судьба, судьба бесправного и обездоленного рабочего на примитивном руднике английского концессионера. Вот и теперь огонь родительского очага и пиала с немудреной горячей похлебкой тотчас же вернули Кошекпаю присущее его характеру жизнерадостное настроение. Заметно повеселев и окрепнув, он уже сидел спустя несколько минут на войлоке вблизи пылавшего костра и хлебал с явным наслаждением горячее варево, утоляя голод утомленного трудом и борьбою с метелью здорового и сильного человека.

А повеселевшие, в свою очередь, старики с любовью и надеждой смотрели теперь на своего единственного кормильца, чудом уцелевшего после блужданий среди степи, объятый метелью

3

Выслушав рассказ моего старого собеседника, я с изумлением посмотрел на его обрамленное серебрищейся сединой лицо. И мне трудно было поверить, что передо мной сейчас сидел тот самый Кошекпай, из уст которого я только что слушал скорбную повесть о его юности.

Между тем, закончив повествование о невеселой своей молодости и о прошлом Джекказгана, старик совсем по-юношески, лукаво подмигнул мне и сказал, показывая рукой на работавшие внизу экскаваторы:

— Посмотри, джигит, как ловко работают эти машины! А кто их выдумал, это ты знаешь?

— Знаю. Умные люди.

— Нет. Ты не совсем точно ответил,— горячо возразил мне старик.— Их выдумала наша Советская власть. Вот как надо было тебе ответить.

Присмотревшись к окрестности, я заметил вблизи нашей сопки множество глубоких траншей, в каждой из которых торчали какие-то железные балки, крепко зацементированные у основания. А по соседству с траншеями там и сям виднелись заросшие степной травой, жесткой травой, какие-то впадины, углубления, балки и ямы.

— Что это такое, отец? — спросил я старика, указывая на окрестные траншеи.

— Следы древних разработок руды,— ответил старик тоном знающего человека.— Ведь наши деды и прадеды добывали здесь в старину своим способом медь. Слово «джез» — медь — давным-давно знакомо было нашим прадедам. Недаром же и рудник теперь называется Джезказганом.

— А что значат эти железные шесты, зацементированные в траншеях? — снова обратился я с вопросом к всезнающему собеседнику.

— А это следы новых разведок. Здесь нашли наши советские инженеры богатые залежи меди и поставили эти самые знаки. Там, внизу, глубоко под землей, хранятся богатые клады медной руды. Их открыл Капыш Сатпаев. А если тебе угодно полюбоваться ими, спустись в подземелье,— посоветовал мне мудрый старик и в знак окончания нашей беседы протянул мне свою худую, морщинистую руку.

И вот, крепко пожав с чувством глубокой благодарности руку моего собеседника, я распрощался с ним и, спустившись с сопки, направился на рудник.

4

В сопровождении молодого казахского инженера Анвара я, сев в железную клеть, спустился, точно в лифте, по стволу шахты в кладовую подземных сокровищ. Когда мы с моим новым спутником оказались на

так называемом третьем подземном горизонте, Анвар сказал мне:

— Вот мы и достигли с вами кладовой величайших подземных сокровищ Джезказгана, открытых в свое время Канышем Сатпаевым. Здесь, под сопками Джезказгана, таятся громаднейшие запасы меденосной руды. Обратите внимание на кровлю горизонта, — проговорил инженер, жестом указывая мне на крышу.

И я, взглянув вверх, увидел, как оттуда скатываются по деревянным желобам комья руды в бункера стоявших внизу вагонеток.

Но вот длиннейший состав вагонеток, доверху наполненных рудой, трогается с места и стремительно уходит по штреку с драгоценным грузом по направлению к рудничному двору.

За первым, только что исчезнувшим вдали составом вагонеток, к деревянным желобам, по которым с грохотом скатывается из кровли второго горизонта руда, подкатывается новый состав узкоколейного поезда. И я вижу, что электровозом управляет молодая милостивая казашка. Уже с первого взгляда видно, что девушка отлично владеет своей профессией. Это чувствуешь, глядя на нее, по ее решительным, расчетливым и точным движениям, по тому, как она легко, непринужденно и просто управляет доверенной ей машиной.

В эти часы напряженного труда рудокопов ты, с непривычки оглушенный грохотом падающей по желобам руды, стремительным и юрким движением вагонеток, снующих туда и сюда людей, на первых порах теряешься и не сразу можешь разобраться в сложном комплексе всех этих строго рассчитанных здесь трудовых процессов. Но постепенно ты привыкаешь к этому, показавшемуся тебе сначала как будто беспорядочным и суетливым движению людей и машин и мало-помалу начинаешь вникать в строгий смысл всех этих трудовых процессов и ощущать тот единый ритм, которому подчинена сложная работа рудодобычи.

Руда добывается так. В скважины, пробуренные в забое, закладывается взрывчатое вещество, и затем производится отпалка. Но самый трудный процесс — бурение. Руду бурят победитовым буром. Однако сей-

час уже применяются на Джекказгане перфораторы — автоподатчики, при помощи которых значительно облегчается труд бурильщика и увеличивается его производительность. Металлическая штанга с пневматическим устройством распирается между кровлей и почвой. Затем к этой штанге прикрепляется перфоратор, который во время работы подается особым механизмом вперед. Тогда бурильщику остается лишь внимательно следить за работой механизмов и только своевременно менять буры.

Наблюдая за сложным трудовым процессом, я попытался было заговорить с одним из бурильщиков. Но он, отмахнувшись от моих вопросов, ответил:

— Сейчас не до разговоров, товарищ. Вот поднимемся на-гора, тогда и поговорим. Там мы к вашим услугам.

И мне ничего не оставалось делать больше, как, смущенно отойдя в сторону, только наблюдать за этой удивительно четкой, напряженной и трудоемкой работой людей.

Инженер Анвар знакомит меня с прославленными рабочими рудника, знаменитыми здесь бурщиками Балмуканом и Арыстанбековым и двумя заведующими шахтами — Искаком и Зейнуллой. Позднее, встретившись с этими замечательными людьми Джекказгана в часы их отдыха, мы долго беседовали с ними по душам.

Я смотрю на этих двух прославленных новаторов рудника и думаю о том, как эти простые советские люди облагорожены стремлением к глубокому освоению техники. Они хотят выжать из этой техники все, что только возможно. А ведь таких людей, как Зейнулла и Балмукан, в Джекказгане сотни!

Из третьего горизонта поднимаюсь во второй. Здесь происходит добыча руды. Огромные столбы, так называемые целики, невыбранной руды поддерживают кровлю, и мы с Анваром бродим по этому подземному дворцу, огибая гигантские его колонны.

— Как бы техника стремительно ни двигалась вперед, она все же остается позади вечно прогрессирующей творческой мысли человека, — говорит мне

Анвар.— Ведь всего несколько десятков лет тому назад рудокопы не знали иной техники, кроме кирки и лопаты. А теперь блеск технической мысли наших советских людей с каждым днем все больше и больше облегчает нелегкий труд наших шахтеров. Обратите внимание на Балмукана,— сказал мне Анвар, показывая на стоящего на одной из ступенек рудной скалы рудокопа.

И я невольно залюбовался Балмуканом. Спокойный, уверенный в себе, он стоял высоко над нами на крошечном выступе скалы. Достаточно было одного его неосторожного, неосмотрительного движения, и он мог сорваться. Но по всему было видно, что Балмукан не испытывал чувства страха. Он целиком был поглощен в эту минуту своим трудом. Над ним ярко горит карбидовая лампочка, освещающая монолитные своды выработки. Балмукан, тяжело поддерживая всем корпусом перфоратор, давит им на породу. И мы видим, как длинный бур уходит все глубже и глубже в тело рудного массива, а широкая сильная спина знатного рудокопа слегка подрагивает от детонирующего в руках бура.

Затем Анвар, познакомив меня с подошедшим к нам тоже молодым казахским инженером Амирханом, оставляет нас наедине и, извинившись передо мной, уходит в глубь штрека. Из беглого разговора я узнал, что Амирхан руководит несколькими шахтами, что он большую часть суток проводит здесь, под землей. Это широко, всесторонне образованный человек. Он не только превосходно знает технологию производства, но в разговоре со мной обнаруживает блестящие познания в области современной казахской литературы. Он очень тонко, умно и остро критикует современных казахских писателей. Но в его критике чувствуется огромная любовь этого человека к искусству, и большая радость за успехи, и глубокая горечь за срывы в работе отдельных писателей.

Увлеченный беседой с новым моим знакомым, я не замечаю, как мы, минуя штрек, выходим на просторный рудничный двор. И я поражаюсь здесь красоте и неповторимому великолепию ярких красок стен этого подземелья, освещенных электрическими лампочками.

Колоннады гигантских целиков, упирающихся в кровлю, горят здесь целой гаммой цветов. Удивительно затейливые узоры золотистого, голубого, желтого и палевого цвета украшают столбы породы. И все это придает подземелью какой-то волшебный, сказочный вид, точно мы очутились в самом роскошном дворце подземного царства — этого богатейшего в мире месторождения медной руды.

Когда мы с Амирханом, покинув шахту, поднимаемся на-гора, у эстакады нас встречает заведующий шахтой Искак. Он стоит, самодовольно улыбающийся, явно возбужденный чем-то, веселый, и крутит свои большие выхолщенные усы.

— По твоим усам вижу, что дела у тебя на шахте нынче неплохие,— говорит с улыбкой ему Амирхан.— Наверное, ты выполнил сегодня норму добычи?

— Не выполнил, а перевыполнил на 120 процентов,— отвечает Искак.

— Поздравляю, поздравляю, дорогой товарищ завшахтой, с таким успехом,— говорит Амирхан, горячо пожимая Искаку руку.

А затем, когда мы, познакомившись ближе с Искаком, разговорились все на ту же, глубоко волнующую всех нас производственную тему, он мне сказал:

— Кадры, кадры — вот что сейчас дорого для нас. В моей шахте сейчас работает восемнадцать молодых казахских лебедчиков. В течение восьми месяцев мы обучили свыше полутора тысяч молодых людей сложной и трудоемкой профессии рудокопов. Должен вам сказать, что ни на одном руднике в Казахстане вы не найдете столько казахских инженеров и техников по цветной металлургии, сколько имеется их у нас в Джезказгане. Но, несмотря на все это, нам не хватает квалифицированных людей. Сами подумайте: сейчас у нас работает шестнадцать шахт. Вот почему мы испытываем большую нужду в квалифицированных кадрах. Но мы знаем, что кадры будут. Ведь партия и правительство не забывают о нашем Большом Джезказгане! — с гордостью заключил Искак, жестом указывая мне на величественную индустриальную панораму знаменитого рудника.

Едва мы сели в плетеный кузов легковой рессорной тележки, как сытые, резвые кони вихрем помчали нас по степной дороге.

Я вижу одетый в строительные леса громадный корпус нового городского клуба, строительство которого заканчивается в Дзезказгане в этом году. Мы едем по рабочему поселку. И то тут, то там среди неуклюжих хибарок выступают новые корпуса жилых домов. На фоне внушительной индустриальной панорамы рудника встают строгие очертания нового, вырастающего из лесов социалистического города. Рядом с двухэтажными домами железнодорожного поселка вырастают кварталы города Дзезказгана. Они встают вдоль красиво и четко распланированных улиц — квартиры металлургов и рудокопов Дзезказгана, оборудованные водопроводом и центральным отоплением.

И с необычайным волнением слушаешь здесь в тихий предвечерний час летнего вечера звуки радио.

Я слушаю голос диктора, и в моем воображении встают прямые, залитые асфальтом, купающиеся в электрическом свете улицы этого города. Слышу шум его роскошных зеленых парков и мирное журчание его многочисленных фонтанов, которыми украсятся скверы и парки, площади и сады.

Мечтая о будущем этого города, я вхожу незаметно для себя в реальный, ныне уже существующий городской парк. Стаи здоровых, веселых, загорелых детей резвятся под тенью деревьев. В летнем театре, недавно построенном в центре парка, звучит духовой оркестр. Войдя в театр, долго смотрю на веселящуюся в нем молодежь. В одном из залов танцуют, в другом — идут репетиции драматического кружка, в третьем — собрались любители хорового пения. Городской сад — это пока единственное место отдыха в Дзезказгане.

Войдя в одно из самых больших городских зданий, я обнаружил здесь громадное собрание рудных коллекций. Здесь же о каждой из этих коллекций можно было

прочитать увлекательную и яркую, глубоко волнующую книгу. И вот, раскрыв одну из этих книг, читаю: «Еще в XVIII веке барон фон Трумберг проведаль о Джезказганском месторождении меди. Но местные кочевники-казахи уже задолго до фон Трумберга умели, оказывается, добывать здесь драгоценную медь. Еще в 1771 году один русский солдат-лазутчик обнаружил в Карсакпайском урочище богатое медное месторождение. Однако царское правительство не осмелилось построить в этой безлюдной и безводной степи медеплавильный завод. Во второй половине XIX века русский купец Ушаков покупает за 100 рублей у местного казахского бая нынешнюю территорию Джезказгана. Купец Ушаков не собирался здесь добывать медь. Верный своим профессиональным привычкам, он просто хотел подзаработать на Джезказгане путем перепродажи его за хорошую цену в другие руки. И Ушаков перепродает Джезказган другому дельцу — Резанову. А Резанов спустя некоторое время сбывает за 260 рублей золотом Джезказган англичанам. Англичане потирали от удовольствия руки. Им была выгодна эта сделка. Руда была у них под ногами. Бери ее голыми руками, наживайся и богатей! Но за двенадцать лет хозяйничанья в Джезказгане иностранные концессионеры успели прорубить всего-навсего 15 тысяч метров и извлекли из богатейшего месторождения всего около 60 тысяч тонн меди. Нажиться на богатейшей руде помешала англичанам Великая Октябрьская социалистическая революция. Джезказган перешел тогда в руки советского трудового народа, а британским хищникам пришлось поспешно убраться восвояси.

Между тем наши советские люди только за годы первой пятилетки пробурили здесь около 50 тысяч метров и построили несколько превосходно оснащенных новейшей техникой шахт. Сейчас Джезказган оспаривает мировое первенство по запасам меди».

Пока читал эти строки, в моем воображении встал образ человека. И человек этот был Каныш Имантаевич Сатпаев.

Рядом со мной сидел скромный инженер-геолог Сагит Сайфуллин. Это был один из пионеров советского

Джезказгана, отдавший немало своего вдохновенного, творческого труда изыскательским работам в этих степях. Он охотно и обстоятельно, с большой любовью и заметным волнением говорит в эту минуту о Каныше Сатпаеве.

— Да, это большой человек! — говорит Сагит Сайфуллин. — Заслуга его не только в том, что он открыл эти одни из величайших в мире месторождений меди.

г. Джезказган, 1950 год.

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ТРУД

Около дюжины шустрых и озорных ребяташек, лихо размахивая ученическими сумками и портфелями, шли развернутым строем по сельской улице. Все они были, видать, погодками — не ахти какими великанами на двенадцатом году! И как во всей детской артели, среди этой неробкой ватаги тотчас же можно было узнать вожака. Ростом он был даже чуть меньше сверстников, но держался в центре своей дружины солидней, строже и собранней остальных. Шел он, придерживая свою сумку, набитую книжками, походкой хозяйственной и мужиковатой — вразвалку. Бо́йко шагая в центре развернутого отряда, он то и дело кивками и взглядами сдерживал рвавшихся вперед и ломавших строй ребяташек. Он знал — торопиться им, собственно, было некуда. Шел всего только седьмой час утра. Между тем солнышко припекало не по-осеннему, и день намечался светлый и звонкий, как серебряный колокольчик. Покосившись на бирюзовое небо, главарь сверстников оценил погоду — хороша, ничего не скажешь! В такой день только стоял да стоял бы себе на штурвальном мостике комбайна и поглядывал в оба, как и положено штурвальному, за зубчаткой и мотовилом, за молотильным аппаратом и хедером...

Заметив впереди председателя Троицкого сельисполкома, ветерана Сталинградской битвы Ивана Никитовича Придворного, ребяташки притихли и сбавили шаг. Затем, взяв нечто вроде равнения направо, они все враз, как по команде, смахнули с голов картузы и, почтительно кланяясь председателю, хором приветствовали его:

— Здравствуйте, Иван Никитович!

— Здоровы были, орлы! С праздником вас, выходит. С новым учебным годом,— сказал председатель.

— Выходит — так. Спасибо, Иван Никитович,— прозвучал рассудительный басок.

— Ах, и ты здесь, Иван Михалыч?! — удивленно воскликнул председатель. Он и в самом деле не сразу заметил в толпе ребяташек этого невеликого ростом парнишку.

Ребяташки, переглянувшись, пегромко хихикнули. Хотя и знали они, что знаменитого в их колхозе «Жизнь» тринадцатилетнего штурвального Ваню Семениюка величают взрослые люди, как равного, по имени и отчеству, но все же непривычно им было слышать, как сам председатель сельисполкома всерьез называл их друга и сверстника Иваном Михалычем.

— Так. Так, Михалыч. Так, Ваня... Значит, и ты — в школу? Правильно. Хорошее дело. Порядок. А как же теперь твой комбайн? — спросил председатель.

— Все в порядке, Иван Никитович. Работает по-прежнему — как часы. Сегодня мой батя на нем пятую сотню гектаров без меня косить начинаст.

— Один? Без штурвального?

— Зачем один? Одному комбайнеру несподручно. Нет, по закону... На пару с новым штурвальным.

— Да где ж его взяли?

— Не знаю. Говорят, где-то в радиусе энтээса наших...

— И каков штурвальный? Не ровесник?

— Нет. В годах. Говорят, толковый.

— Стало быть, смена надежная, Ваня?

— Наверно...

— Ну, тогда другой разговор... А штурвальным ты был у нас, Михалыч,— не похачешь. Да и вас, орлы, есть

за что похвалить,— сказал председатель, обращаясь к притихшим вокруг него ребяташкам.— Поработали все вы пынче в нашем колхозе на славу. Хвалили вас за труд по заслугам. А вот если в школе вас так же станут хвалить за вашу учебу, будет еще лучше,— заключил на прощание Иван Никитович Придворный.

— Постараемся — похвалят и в школе,— все тем же рассудительным тоном ответил за всех своих сверстников тринадцатилетний штурвальный Ваня Семенюк.

И дети, почтительно расступившись перед председателем, дали ему дорогу. Затем, сразу же присмирев и утомившись, они, уже более серьезные и подтянутые, направились к школе.

2

Вечером, в канун нового учебного года, все пятнадцать учителей Троицкой семилетки собрались в своей школе. Снова каждый из них заглянул еще раз украдкой во все классные комнаты, присмотрелся ревнивым, придирчивым глазом к каждому уголку этого просторного, светлого здания. Все здесь было проникнуто в эту минуту особой, свойственной только школам торжественной тишиной, безупречной опрятностью, строгим уютом. Капитально отремонтированное за лето здание выглядело помолодевшим, выпрямившимся, раздавшимся вширь и в рост. Пахло мелом, охрой и вымытыми полами. Веселые полевые и комнатные цветы, украсившие вместительный школьный зал, придавали праздничный вид всей скромно принарядившейся сельской школе.

За огромными чисто промытыми окнами лежала такая же тихая и неяркая в предосеннюю пору степь. Таким же тихим и скромным был ничем не примечательный погожий вечер, обнаживший над сельскими крышами трепетные мечи заката. Притихли в этот час и учителя, собравшиеся в учительской. Один сидел, задумавшись, над раскрытой книгой. Другой без нужды пересчитывал десятки раз уже считанные ученические тетрадки. Третий как бы прислушивался к священной школьной тишине, заглядевшись в окошко. Разговор не клеился. Песня, запетая вполголоса, оборвалась на по-

душное; она не подхватывалась, как водилось, на лету даже самыми отзывчивыми, светлыми голосами. Охваченные глубоким душевным волнением, сидели учителя, стараясь не выдать его друг перед другом.

Нет, почти ни один из пятнадцати учителей этой рядовой сельской школы не в силах был скрыть в такую минуту той благородной душевной тревоги, которая хорошо знакома людям творческого труда — композиторам и конструкторам, художникам и артистам. Как писатель, начиная новую повесть, всегда чувствует себя некоторое время новичком в литературе, впервые взявшимся за перо, так и учитель начинает каждый новый учебный год, как новую книгу, за которую он в ответе перед партией и народом. Все как будто есть налицо: врожденное дарование и жизненный опыт, профессиональная подготовка и известное мастерство. Но всегда для начала не хватает главного — полного душевного спокойствия, без которого немыслимо никакое творческое дело. А труд учителя — творческий труд. Он требует вечных поисков и дерзаний, смелости и упорства. Передовой советский учитель, вооруженный марксистско-ленинской теорией, всегда является новатором, выразителем передовых педагогических идей нашего времени. Он воплощает эти идеи в практике своей повседневной, нелегкой и будничной работы в школе.

Про директора Троицкой семилетки Ивана Гавриловича Разгоняева один из недалеких районных работников сказал мне так:

— У этого — полный порядок. Школа — на все сто. Крышу даже покрасили... Дров — завались... Ему нечего волноваться...

Приехав в село Троицкое, я увидел отличное здание школы. Правильно. Здесь был полный порядок. С первого взгляда чувствовалось — хозяин у этой школы есть! Хочется назвать его сразу. Это местный сельский совет и его председатель Иван Никитович Придворный. И если зашла речь о Троицкой школе, то нельзя не сказать об этом человеке, к которому с большим уважением относятся и старый и матый в селе. Лишившись в битве под Сталинградом левой руки, рядовой русский солдат, коммунист Иван Придворный

вернулся с фронта в родное Троицкое село все тем же волевым, энергичным, деятельным и инициативным, как и ушел на фронт. И односельчане не ошиблись, избрав его своим депутатом в Пресновский районный Совет и председателем Троицкого сельсовета. Сейчас об Иване Никитовиче Придворном все в голос здесь уважительно говорят: «Хозяин. Любит порядок. Школу отремонтировал — загляденье. Умеет он поднимать на такие дела народ. Одним словом — с головой парень!»

Между тем сам председатель при разговоре со мной о школе без всякой ложной скромности и притворства сказал мне:

— Ну, это же наша прямая обязанность — привести школу в божеский вид. О чем же тут говорить! Правда, туговато иногда приходилось. То того не хватает, то этого недостает. Но выкрутились. Навели порядок... Меня другое беспокоит — учителя. Был я на педсовете. Присмотрелся, прислушался. Народ подобрался там в основном молодой. Толковый народ. Чувствую, есть у нас шансы вывести школу в передовые по району. А выведут ли — вот в чем вопрос. Вот где забота!

Учителя! Вот в чем вопрос был для председателя Троицкого сельсовета. Вот где была его забота. Оправдают ли они чаяния и надежды односельчан, доверивших молодым педагогам не только обучать, но и воспитывать своих детей? Вот о чем думал теперь Иван Никитович Придворный, поглядывая на великолепное здание школы — подлинное украшение родного села. Об этом же самом думал в канун нового учебного года, сидя в кругу учителей, и молодой директор школы Иван Гаврилович Разгоняев. Эти же думы занимали в такую минуту и завуча школы Анну Ивановну Сурнину. Об этом же думали, в сущности, все учителя. Внутренне собранные и притихшие, долго молча сидели они в этот вечер в учительской в ожидании первого учебного дня.

3

И день этот наступил.

Золотые потоки тепла и света хлынули ярким сентябрьским утром в огромные окна и в настесь распах-

нутые школьные двери. Они залили не только просторные классные комнаты, но и сердца необыкновенно возбужденных, просветлевших и радостных учителей. Все звенело и пело в этот ранний утренний час от прозрачной, чистой и хрупкой музыки детского смеха, от высоких, гибких и неустойчивых хоровых ребяческих голосов. Все смешалось в этом нарядном, праздничном зале — степные цветы и дети, озорные вопли мальчишек и восторженные вскрики и нестройные хоровые запевы девочек. Пушкин, празднично скрестивший непраздные свои руки, как всегда, тревожно, лукаво и грустно смотрел со стены на эту милую сердцу детскую кутерьму. И казалось, вот-вот сорвется крылатая фраза с пылающих его губ:

— Здравствуй, племя молодое, незнакомое!

Но прозвучал звонок. И все было кончено. Еще несколько мгновений ребяческой суеты, замешательства, неразберихи. И зал опустел от присмиревших детей — они разошлись по классам.

В абсолютной тишине, при которой проходили уроки, в строгих позах ушедших во внимание детей, в их манере держать себя при ответах на вопросы учителя — во всем этом уже ощутимы и зримы были здесь следы многолетней и сложной учебно-воспитательной работы всего педагогического коллектива с питомцами этой школы.

Талантливый, опытный педагог, воспитанница Ленинградского педагогического института Дарья Тихоновна Семенова, рассказывая семиклассникам на уроке биологии о семействе злаковых, умело и тонко вовлекает весь класс в размышление о том, какие сорта пшеницы выращивает местный колхоз. В ответ на поставленный вопрос поднимаются над партами десятки ученических рук. Отвечая на этот вопрос учительницы, Маша Шиховцева не только перечисляет сорта пшеницы, но и рассказывает, на каких колхозных участках и на какой почве выращены эти сорта драгоценного хлеба. Прополов своими руками за время летних каникул десятки гектаров колхозных посевов, Маша Шиховцева отлично изучила все зерновые массивы и может безошибочно определить, к какому сорту относится пер-

вый попавшийся под руки колосок. И не только одна Маша Шиховцева. Не хуже ее мог бы ответить на этот вопрос и Ваня Семенюк, вчерашний штурвальный с комбайна, скошивший с отцом около четырехсот гектаров колхозного хлеба и заработавший за каникулы свыше двухсот трудовней!

Стремясь проследить и осмыслить систему педагогического процесса и комплекс воспитательных методов этой школы, я побывал на многих уроках, во всех классах и почти у всех учителей. Скажу прямо. Можно было бы написать самостоятельный очерк почти о каждом уроке и почти о каждом из учителей — так много увлекательного, неожиданного и интересного вносил каждый из педагогов в творческий процесс обучения и воспитания детей.

Хорошее стремление к обогащению учебного материала широкими жизненными наблюдениями и живыми примерами, взятыми из близкой детям колхозной действительности, характерно не только для одной Дарьи Тихоновны Семеновой. Все это с полным основанием можно сказать и о таких молодых и одаренных учителях этой школы, как Варвара Васильевна Терехова и Прасковья Васильевна Алексюк, Прасковья Родионовна Шмакова и Наталья Григорьевна Дитюк, Анна Ивановна Сурнина и Александра Никифоровна Сурженкова. Все они разные люди. У каждого из них свой стиль подачи учебного материала, свои методы воспитания, свои способы владеть классом. Но всех их роднит и объединяет одно золотое качество — любовь к своей профессии, к своему труду. Это люди с душой и сердцем, полным благородных и светлых порывов...

4

Новый учебный год в Троицкой школе совпал со скромной юбилейной датой Ольги Дмитриевны Носовой, непрерывно проработавшей в селе Троицком в течение двадцати лет. От ребятишек школьного возраста до среднего поколения троичан здесь не встретишь ни одного человека, который бы не учился у Ольги Дмитриевны. Среди ее бывших воспитанников есть летчики

и врачи, педагоги и партийные работники, директора школ и комбайнеры. Бывшие ее ученики, ныне пилоты военно-воздушных сил Советской Армии Василий Тарадий и Иван Терешенко — кавалеры нескольких боевых орденов. Ольга Дмитриевна учила азбуке Наташу Дитюк и Сашу Сурженкову, работающих теперь учителями в этой же школе.

Понятно, что и педагогический коллектив школы и вся сельская общественность Троицкого не могли не отметить по-своему этой значительной юбилейной даты в жизни глубоко уважаемой всеми учительницы. В скромной и непритязательной обстановке сельской школы прошел этот памятный, волнующий праздник. Еще скромнее обычного сидела в окружении бывших своих учеников смущенная и несколько растерянная Ольга Дмитриевна. С удивлением, с затаенной радостью смотрела она на этих людей, пожелавших отметить круглую дату ее работы, как праздник. Всех их помнила она детьми, впервые севшими в ее классе за парты. А теперь вокруг нее сидели возмужавшие, волевые люди. Это были колхозные бригадиры и трактористы, звеньевые и агрономы, сельские фельдшеры и чабаны. По правую руку от нее сидел председатель сельсовета Иван Никитович Придворный, по левую — председатель колхоза Андрей Федосеевич Лабода — тоже оба ее ученики. Было странно вспомнить теперь о том, как, оказывается, много народу обучила и воспитала она за это минувшее двадцатилетие. А что было бы тут теперь, если бы скликать сюда всех ее бывших питомцев со всех концов великой нашей страны?!

Поднимая свой тост, Иван Никитович Придворный сказал:

— С удовольствием поднимаю тост за здоровье Ольги Дмитриевны, за здоровье всех учителей и за здоровье четырехсот наших школьников, которых доверили мы им учить и воспитывать. Хороший народ наши учителя. Ничего не скажешь. А дети — еще лучше. И грех вам будет, товарищи педагоги, выпускать из таких мировых ребят недоучек... — И, смущенно улыбнувшись при этом в сторону Ольги Дмитриевны, он добавил: — Может быть, это не совсем юбилейная речь у ме-

ня получилась. Извиняюсь. Я привык по существу говорить. Словом, выпьем, товарищи! — заключил председатель под одобрительные возгласы гостей и дружные аплодисменты.

А позднее, когда зазвучала в застолье тревожная и грустная украинская песня о трех зажурившихся вербах, Ольга Дмитриевна сидела среди своих бывших воспитанников по-прежнему скромная, тихая и смущенная. О чем она думала, слушая эту чудесную, красочную, душевную песню? О прошедшей ли молодости или о запечатленном благородном труде рядовой сельской учительницы? Об этом я не берусь судить. Этого я не знаю.

Село Троицкое, Пресновского района,
Северо-Казахстанской области.

ПУТИ-ДОРОГИ

I

Есть такие небольшие села в родной моей стороне, не отмеченные ни на одной географической карте. Приютившись где-нибудь под боком у нехитрой березовой рощицы или вблизи тихих и светлых озер, возникают они неожиданно на пути и радуют строгой своей опрятностью, домовитостью, обжитым уютом.

Таким выглядит Орталык — не ахти как великое, но на редкость опрятное и уютное колхозное селение. Бывшие кочевники пяти окрестных аулов, организовавшись в сельхозартель, осели в начале тридцатых годов на этом живописном, приветливом месте.

Поглядишь на дома и на усадьбы колхозников, на отличное школьное здание, на беленые корпуса скотобаз, молочнотоварных ферм или на вместительные колхозные склады — и сразу увидишь: хозяева здесь живут рачительные, трудолюбивые советские люди. На прямых и просторных сельских улицах ни одной земляной избы, ни одной перяшливой, нечистоплотной усадьбы. Дома один к одному — деревянные, местами крытые жестью. Мелькают в окошках белоснежные кружевные занавески. Комнатные цветы здесь не редкость.

Они, видать, вошли в быт, стали привычным украшением жилища.

В самом центре села красуется монументальное, строгое здание; это колхозная неполная средняя школа. Между школьными зданиями разбита физкультурная площадка с турником и брусьями, с ровными, точно по шнуру отбитыми беговыми дорожками.

Школа! С ней тесно связана жизнь многих колхозников Орталыка. Здесь они провели свое детство и юность. В стенах этих зданий формировался их характер, накапливались первые знания для большой творческой работы. Более двухсот колхозников получили в стенах этой школы семилетнее образование. Большинство из них продолжают теперь учебу в высших и средних учебных заведениях Советского Союза.

Орталык — образцовое колхозное селение; селение, в котором решительно ничего не осталось от бывшего облика дореволюционного казахского аула, и не только дореволюционного, а и от осевшего на землю в прошлом кочевого аула более поздних лет. Здесь нет ни убогих и сырых лачуг из земли, ни навоза на улицах, ни полуразваленных подобий дворов, наглухо заросших бурьяном. Признаться по совести, я никак не ожидал встретить здесь такое великое изобилие разнообразной домашней птицы: от мирных будничных куриц до высокомерных и самоуверенных индюков. Никак не вязались с былым представлением о затерявшемся в степных просторах казахском ауле и эти любовно, со вкусом и мастерством возделанные огороды. Я уже не стану говорить об огромном табуне превосходных свиней, сладко блаженствующих на берегу предназначенного для них искусственного водоема, ибо уж этакая-то «художественная» подробность отнюдь не была типична и характерна для пейзажа бывшего казахского аула. Если современный советский художник, взявшись за кисть или перо, захочет дать строго реалистический, глубоко правдивый, обобщающий образ сегодняшнего колхозного аула, то он, художник, призванный, согласно формуле Энгельса, к изображению «типического в типичных обстоятельствах», не должен уже будет забыть ни голубых наличников, ни тюлевых занавесок в

окошках, пи гордо поднявшихся над крышами радио-антенных мачт, пи электрических проводов, повиснувших на позах, недавно поставленных столбах.

По всему видно: иная, новая здесь жизнь. Иные порядки. Иные живут здесь люди, чем те, что жили в этих окрестных степях,— их недавние предки.

Конец августа.

Золотой, погожий день на исходе. Притих над селом нежаркий задумчивый вечер. Притихли ласточки, прилестившись на телефонных и электрических проводах, повиснувших над сельской улицей. Золотые кроны подсолнухов выглядывают из-за приусадебных изгородей; и бурные, озорные стебли хмеля извиваются вокруг шестов. На фоне сочной зелени приусадебных огородов розовеют и багровеют лепестки рано распустившихся хризантем. И острый, пряный запах аниса, укропа и мяты доносится с больших, любовно заправленных огородных гряд.

Вечереет.

Смуглая, похожая на присмирившую птицу, юная Дариха Сексенбаева сидит на школьном крылечке в окружении своих озорных, непоседливых сверстниц. Перебирая тонкими, гибкими пальцами стебли неярких поздних степных цветов, Дариха говорит подругам:

— Хороший букет. Увезу с собой.

— В Алма-Ату? С такими цветами?! — не без удивления и легкой насмешки спрашивает ее Жумаш Рамазапова.

— В Алма-Ату. С такими цветами,— строго повторяет Дариха.

— Вот уж тоже мне невидаль! Да там, говорят, на каждом шагу пионы и розы...

— Розы на каждом углу, а такой прелести ни за какие деньги там не сыщешь. Скромнее и краше вот этого шоколадника, по-моему, нет ничего на свете. А какой запах! Закроешь глаза — и сразу в комнате степью запахнет...

Между тем девушек собиралось около школы все больше и больше. А чуть попозднее стали приходить к девочкам один за другим и казахские юноши. Зазвучали глухие ритмы домбры. Поднялась над вечерней

степью крылатая светлая песня. И далеко-далеко, наверное, слышен был в этот тихий и мгlistый час высокий, прозрачный и трепетный девичий голос...

Но вперемену с песней и шутками звучал в этот вечер среди молодежи колхозного Орталыка и строгий деловой разговор.

— Ну как, друг, дела? Ты куда едешь? — спрашивает Сейтака Сембаева его одноклассник, комсомолец Джасулан Кудабаяев.

— А разве ты не слышал? Я принят в школу колхозных кадров. Через два дня в дорогу. А ты?

— А я завтра. Вместе со всеми студентами колхоза. Одни — в Алма-Ату, другие — в Омск, третьи — в Петропавловск. Словом, вышло, Сейтак, все по-нашему, как мы мечтали. Оба будем с тобой мастерами по агро-технике...

Дариха Сексенбаева, обращаясь к студенту Казахского государственного университета Орызымбету Нурсейтову, спросила:

— Расскажи, почему ты избрал историко-филологический факультет.

— Потому что я люблю литературу, — отвечает Орызымбет. — Эту любовь привила мне наша школа. После окончания десятилетки я решил стать литературоведом и поэтому поступил на историко-филологический факультет Казахского государственного университета. С тех пор, как вы знаете, прошло уже три года. Третий курс я закончил успешно. За эти годы я прочел много замечательных книг. В университете я впервые широко ознакомился с богатством классической и современной советской литературы.

— А каковы твои планы после университета? — спрашивает Дариха.

— По окончании университета я думаю продолжить образование в аспирантуре. За это лето я хорошо отдохнул в Орталыке. В новом учебном году буду стремиться углублять и расширять свои знания.

В разговор вмешивается Айтынбыл Наурызбаев.

— Когда-то на одном из уроков вот в этой нашей Орталыкской школе, — говорит Айтынбыл, — преподаватель географии рассказывал нам о великих морепла-

вателях и путешественниках. Помню, как показывал он нам на глобусе маршруты далеких походов знаменитых русских землепроходцев — Пржевальского и Козлова, Ребровского и Потанина. Я на всю жизнь запомнил этот увлекательный, глубоко взволновавший меня урок. И с тех пор география стала моим любимым предметом. И вот теперь, заканчивая среднюю школу, я хочу поступить в будущем году на естественно-географическое отделение педагогического института.

Слово за слово в эту задушевную, дружескую беседу включаются один за другим все юноши, студенты различных вузов. Здесь собрались в канун отъезда на учебу молодые люди — жители Орталыка. Самый старший из этих юношей, Каирке Буркутов, — студент второго курса Казахского педагогического института имени Абая. Ему 24 года. Он участник Великой Отечественной войны, награжден двумя орденами и медалями. После демобилизации Каирке поступил на факультет языка и литературы. Двадцатилетние Магаз Нуртазин и Орызымбет Нурсентов — студенты историко-филологического факультета Казахского государственного университета имени С. М. Кирова. Их ровесник Кахар Канапин учится на агрофаке Алма-Атинского сельскохозяйственного института. А две девушки — Нуруш Кайдаулова и Дариха Сексенбаева — заканчивают в 1950 году педагогическое училище имени Маншук Маметовой.

Родители этих земляков-студентов работают в колхозе Орталык. Отец Каирке — кузнец. Отец Орызымбета — сторож колхозных зернохранилищ. Отец Дарихи — сапожник. Отец Нуруш — колхозный животновод. И с понятной горячей любовью следят жители этого колхозного аула за успехами своих питомцев, по праву гордясь ими.

Гордость колхозников Орталыка понятна. За исключением пяти глубоких стариков, в этом ауле нет сейчас неграмотных. Двадцать пять колхозников имеют полное среднее образование. Свыше ста человек закончили курс местной семилетней школы. В этом ауле нет такой семьи, где бы не учились и дети и взрослые. Около трехсот детей и подростков обучаются сейчас в местной

школе. А свыше сорока колхозников являются студентами институтов и техникумов. Вчерашние рядовые колхозники стали теперь врачами и педагогами, агрономами и зоотехниками, бригадирами и трактористами.

Неполная средняя школа в Орталыке окружена душевной народной любовью и заботой. Здесь свято соблюдается закон о всеобщем обязательном обучении. Газеты и книги стали друзьями колхозников. А полновесный трудовой день дал возможность членам этой сельхозартели осуществить свою давнюю мечту: перейти из убогих землянок в новые, просторные, уютные дома. Эти будничные факты — зримые приметы вошедшего в быт социализма. И теперь, когда под руководством нашей партии осуществляется переход от социализма к коммунизму, задача переделки сознания людей, повышения их идейного и культурного уровня имеет особенно важное значение. Вот почему так дорого нам каждое зерно народной творческой инициативы, которая дает новые ростки на ниве культуры и просвещения.

Орталык — образец нового, передового колхозного аула. Этот аул помогает крепить могущество нашей Родины не только честным патриотическим выполнением своих обязательств перед государством, не только борьбой за высокий урожай, но и борьбой за повышение культуры родного аула, борьбой за воспитание глубоко образованного молодого поколения, получившего все возможности для наиболее полного раскрытия своих творческих возможностей.

На примере этого колхозного аула видно, что вместе с былой нищетой навсегда уходит в прошлое страшное наследие байской эксплуатации — темнота и невежество кочевого байского аула. Все ярче и ярче горят огни социалистической культуры в преображенной казахской степи.

2

В день нашего приезда в Орталык мы были свидетелями небольшого, но радостного события: четыре колхозные семьи переселились в этот день в новые, по-

строенные для них колхозом дома. Два из этих деревянных крытых железом домов были двухкомнатными пятистенниками, а два — крестовыми четырехкомнатными. Мы побывали в одном из таких домов на повоселье у колхозника Аю Кайдаулова.

Дом Аю Кайдаулова произвел отличное впечатление по своей наружной отделке. Но еще приятнее было в его светлых, уютных, со вкусом обставленных комнатах.

В одной из комнат мы увидели этажерку, плотно забитую книгами, и небольшой письменный стол.

— Это рабочее место моих учеников, а у меня их пятеро, — сказал Аю, смущенно улыбаясь и поглядывая при этом на старшую свою дочь Нуруш, студентку Алма-Атинского педагогического училища.

В 1950 году Нуруш Кайдаулова заканчивает училище, и отец Нуруш уверен, что дочь его вернется работать в родной аул, в родную школу.

— Разумеется, папа, приеду работать в свою школу. Ведь я уже не раз говорила тебе об этом. Похоже, что ты не веришь мне? — говорит с улыбкой Нуруш, отвечая на вопрос отца.

— Нет, я верю тебе, Нуруш. Я просто хотел, чтобы ты подтвердила это при наших гостях.

Помолчав, старик затем говорит, обращая внимание гостей на смущенного десятилетнего своего сына Егимбая:

— Он у меня в четвертый класс перешел. Учится на одних пятерках. Собирается быть инженером.

— Не инженером, а геологом, — строго поправляет отца Егимбай и тут же охотно рассказывает о том, как зародилась у него мечта стать геологом. — Однажды наш избач Аубакир Джакупов прочитал мне замечательный рассказ о геологе, — говорит Егимбай. — И с тех пор я очень полюбил людей, которые странствуют по степям и горам и отыскивают в земле разные драгоценные камни и металлы.

— А я буду обязательно летчиком, — перебив старшего брата, заявил второклассник Амангельды Кайдаулов.

И только младшая дочка Аю, ученица пятого клас-

са Нурке, скромно опустив глаза, молчала, ни словом не обмолвившись о своей будущей профессии.

— Она у нас скромница. Но учится так же, как и братья, отлично,— сказал о меньшей дочке Аю.

Мы попросили Аю Кайдаулова рассказать о себе.

— О чем же рассказывать? Моя жизнь как две капли воды похожа на жизнь людей моего поколения,— сказал после некоторого раздумья Аю.— Я уже взрослым выучил азбуку в нашем колхозном ликбесе и научился писать. В колхозе мне поручили ответственное дело — животноводство. Хвалиться не стану, но работаю на совесть. За четыре года я вырастил больше семи тысяч овец, когда работал чабаном. А сейчас заведу всем животноводством. Управлять таким большим хозяйством нелегко, конечно. Я понимаю, что человеком надо быть тут культурным и грамотным. И я стремлюсь к этому в меру моих сил и возможностей. Спасибо старшей дочке,— говорит Аю, кивая в сторону Нуруш,— она мне во многом помогает. Раздобыла мне немало книг по ветеринарии и зоотехнике. Книги я эти изучаю. Бываю нередко в районе, слушаю там лекции. Ничего не поделаешь, если в молодости было нашему брату не до учения, то теперь приходится наверстывать упущенное.

Допоздна затянулась задушевная наша беседа со старым животноводом в новом его опрятном и чистом доме. А когда вспыхнул яркий электрический свет, заливший еще более похорошевшие комнаты, в дверях появился шустрый и озорной Егимбай.

— Папа, вас там ждут в колхозной конторе. Собрание сейчас начинается. Просили не опаздывать,— протараторил скороговоркой Егимбай.

— Какое собрание? — удивленно спросил Аю.

— Как какое? Разве ты забыл, что сегодня проводы наших студентов,— напомнила отцу Нуруш.

— Да, я и в самом деле запамятовал. А на такое собрание опаздывать не годится,— сказал старик, поднявшись с несвойственной его возрасту легкостью из-за круглого стола и пригласив нас навестить с ним это не совсем обычное собрание.

Уже совсем смеркалось, когда у здания колхозной конторы остановилась вынырнувшая из переулка легковая машина. Все знали: приехал на традиционные проводы орталыкских студентов председатель Пресновского районного Совета депутатов трудящихся Хамид Бейсембаев.

И молодежь, завидев машину председателя, тотчас же повалила веселой, шумной гурьбой от школы к колхозной конторе. Здесь уже были в сборе все члены правления сельхозартели, многие матери и отцы студентов, старейшие люди колхозного аула — почетные седобородые аксакалы. Многие из них пришли прямо с поля, где только что погас горячий августовский день колхозной страды — жатвы и обмолота богатого урожая.

Престарелые люди, кому и не грех бы уже отдыхать в столь раннюю пору, собрались сюда, чтобы напутствовать собравшихся в дальний путь внуков и сыновей своим житейским мудрым советом, теплым родительским словом.

И первое слово по праву предоставлено было председателем колхоза Куандыком Абдильдиным шестидесятилетнему звеньевому Сагандыку Байбакову. С почтительным вниманием слушали юноши и девушки мудрые слова этого высокого, крепко сбитого, казалось, еще не подвластного старости аксакала. Тридцать два года подряд пробатрачил Сагандык Байбаков у баев и кулаков. Над неласковым огнем чужих очагов грел он в лютую стужу крепкие, железные свои руки. Шутка сказать, полжизни отдал этот степной богатырь каторжному труду на чужих людей, так и не заработав за три десятилетия ни коня, о котором мечтал с юных лет, как мечтал в прошлом каждый кочевник, ни собственной юрты!

— В пяти аулах, которые вошли потом в наш колхоз, грамотным в прежние времена был один мулла, — неторопливо рассказывает Сагандык Байбаков. — Он брался учить казахских детей читать и писать по-арабски. А плата была такой, какую ему вздумается взять,

не считая «жумалыка» — недельника, когда каждую пятницу ученик должен был приносить мулле по серебряному рублю. Вот и скажите, дети мои, могли ли мы, ваши отцы и деды, даже подумать о грамоте в прежние времена?!

Помолчав от волнения, Сагандык присел на услужливо придвинутый ему стул. Но затем, тотчас же встав, он заключил свое слово скупым, простым и ясным напутственным отъезжающей в вузы и техникумы аульной молодежи:

— Счастливой дороги вам, дети! Я, старый человек, в одном могу позавидовать вам — вашей молодости. В золотое время живете вы. В золотую пору входите в жизнь. Перед вами много дорог; выбирайте умом и сердцем любую из них. Но не ошибайтесь только при выборе. Это теперь от вас зависит... Я на старости лет на свою теперешнюю судьбу не в обиде. Колхоз не старый аул. У меня есть все: и собственный дом, в котором не стыдно принять любых гостей, и двор, полный скота, и сила вот в этих руках, которыми я могу и умею еще работать! — не без гордости заключил аксакал, и все с уважением посмотрели в это мгновение на его протянутые к свету, бронзовые от векового загара сильные руки.

Аксакал умолк.

И все тридцать пять юношей и девушек, бывших воспитанников колхозной семилетки Орталыка, разъезжающихся завтра в различные высшие и средние заведения страны, долго и горячо аплодировали старому мастеру колхозного земледелия, растроганные и глубоко взволнованные его задушевным, рассудительным словом.

Председатель сельхозартели Куандык Абдильдин, сам окончивший в недавнем прошлом местную семилетку, напомнил участникам этого не совсем обычного собрания о том, какой немалый отряд новой сельской интеллигенции вырос из колхозников Орталыка за последние годы.

— Питомцы нашей Орталыкской школы, — сказал Куандык Абдильдин, — окончившие теперь специальные учебные заведения, работают врачами, учителями, агро-

помами и зоотехниками, трактористами и комбайнерами. Только в одном Пресновском районе работают сейчас тридцать пять учителей и девять агрономов, закончивших когда-то нашу Орталыкскую школу. А сколько молодых людей, вчерашних наших школьников, вернулось снова в родной наш колхоз к большому труду! Вот, например, Каирке Бельгибаев преподает сейчас в нашей школе биологию, Ильяс Жаков — казахский язык, Капапи Тасбулатов ведет четвертый класс. А бывший воспитанник нашей школы товарищ Рамазанов — теперь всеми уважаемый в Орталыке председатель сельского Совета. Да мало ли тут можно назвать всем вам знакомых имен бывших учеников нашей школы, работающих сейчас в нашей сельхозартели комбайнерами, трактористами, бригадирами!

Около ста колхозных юношей и девушек Орталыка, получив дипломы высших и средних педагогических учебных заведений, работают сейчас учителями в неполных средних и средних школах Северо-Казахстанской, Акмолинской, Кокчетавской и Кустанайской областей. Двадцать с лишним бывших колхозников Орталыка теперь агрономы. Восемь человек работают зоотехниками. Одиннадцать человек — водителями автотранспорта. Все десять учителей, получивших в 1949 году назначение в местную школу, — жители Орталыка; они воспитались и выросли в этом колхозе. Здесь свои педагоги и ветеринары, агрономы и медицинские работники.

— Мы ни за трактористами, ни за комбайнерами к соседям не ездим, — говорит заместитель председателя сельхозартели Сеимбет Сембаев.

Прощаясь с аульной молодежью, уезжающей на учебу, председатель сельхозартели сказал:

— У меня вам, друзья, одно пожелание — учитесь на совесть. Ваше дело — радовать нас пятерками и дипломами, наше — по-прежнему болеть душой за хозяйство артели. А хозяйство у нас, сами знаете, немалое. К концу послевоенной пятилетки мы планивали раздаться пошире — и раздалось. И посев почти вдвое увеличили по сравнению с довоенным сороковым годом. И скота на фермах втрое прибавилось. И электро-

станцию нынче построили. И на травопольный севооборот перешли. И уже десять гектаров полезащитных лесных полос на колхозной земле посадили. Словом, не дремали мы и раньше, не будем дремать и впредь. Работать мы привыкли, как всегда, засучив рукава. Это вы знаете. Иначе ваши отцы и братья работать не умеют...

О постоянном общении и кровной связи студентов с родным колхозом и районом говорил в своем напутственном слове и председатель Пресновского районного Совета депутатов трудящихся Хамид Бейсембаев. Он рассказал орталыкской молодежи, уезжающей в высшие и средние учебные заведения, о том, какую большую помощь оказывает советская интеллигенция районным советским и партийным организациям в идейном воспитании тружеников колхозной земли. Сотни агитаторов и пропагандистов из числа учителей и съехавшихся со всех концов страны на летние каникулы студентов работали летом 1949 года в колхозах и совхозах Пресновского района.

— Прошу не забывать, товарищи, что наш район — один из крупнейших зерновых районов в республике, — напомнил председатель райсовета. — У нас в районе четыре машинно-тракторных станции и три совхоза. В до-революционное время на нынешней территории нашего района было всего-навсего девять начальных церковно-приходских школ, а сейчас — шестьдесят две неполные средние и две средние школы, русская и казахская. В этих школах работает около четырехсот учителей. Подавляющее большинство из них — коренные жители нашего района.

...Была уже глубокая почва, когда отзвучали взволнованные прощальные речи и теплые напутственные слова на этом необычном собрании. Но молодежь, высыпав из конторы на улицу, долго не расходилась. Примостившись на штабелях строительного леса кто и где как сумел, юноши и девушки вели задушевный разговор на самые сокровенные темы. Им было о чем поговорить в такую минуту. Ведь у каждого из них была впереди большая жизнь и каждому из них давала Родина великое право на труд, образование. И о многом

переговорили за эту ночь они — будущие врачи и филологи, агрономы и металлурги.

— Через два года закончу я сельскохозяйственный институт и обязательно вернусь в наш колхоз,— сказал Ахмет Маликов.

— В будущем году в нашем колхозе запланировано строительство больницы. И я по окончании мединститута, конечно, приеду в Орталык. Только в Орталык, никуда больше,— заявила смуглолицая Салиха Нурсентова.

— Ну, а я, как вы думаете, могу не вернуться на работу в родную школу? — спросила друзей Дариха Сексенбаева. И тут же сама ответила: — Разумеется, не смогу не вернуться. Подумайте, какое счастье работать учительницей в той же самой школе, где ты когда-то впервые села за азбуку!

— Да, друзья. Это — большое счастье. И счастье это в наших руках,— прозвучал взволнованный грудной голос Жасуыма Есмуратова, студента Свердловского горнометаллургического института.

Усевшись в тесный кружок на штабелях строительного леса, юноши и девушки долго проговорили в эту звездную, ароматную и теплую августовскую ночь. Но говорили не все. Многие сидели, не проронив ни слова. Приятно было и помолчать в этот глухой полуночный час. Приятно было полюбоваться родным небом в алмазах и его стремительно падающими в бездну мироздания голубыми звездами...

А утро выдалось как по заказу: яркое, теплое, тихое. В природе было столько покоя, тепла и света, что, несмотря на расставание с родными местами, у отъезжающих орталыкских студентов было необыкновенно тепло и светло на душе.

Букет неярких, запоздалых степных цветов был не только у студентки Алма-Атинского педагогического училища Дарихи Сексенбаевой. Такие же скромные полевые цветы с родных степей были в руках у многих девушек и в том числе у присмирившей Жумаш Рамазановой, сидевшей к Дарихе боком.

Спустя несколько минут две автомашины, битком набитые счастливой, сияющей молодежью, тронулись

под напутственные возгласы провожающих колхозников в далекий путь. Все пришло в движение. Матери долго махали руками своим дочерям и сынам. Мальчишки сломя голову долго мчались вперегонки за грузовыми «ЗИСами», пока машины не скрылись из глаз, оставив на широкой степной дороге призрачно колеблющийся вдали шлейф пыли.

И только одни присмирившие ласточки по-прежнему неподвижно сидели на проводах. Но скоро и им придется сниматься с насиженных мест и отправляться в близкую дорогу.

Колхоз «Орталык», 1953 год.

ЗОЛОТОЕ ДНО

Казахстан!

Страна неприступных горных вершин и дремучих таежных дебрей; царство безмолвных шафранных пустынь и безбрежных ковыльных просторов; золотое дно плодороднейших черноземных равнин севера и мир залитых теплом и светом хлопковых и рисовых плантаций юга; зоны среднерусских пейзажей — холмистых лесостепей, тихих озер и березовых перелесков — и места полуденного солнца, виноградников и садов. Таков географический облик этой обширной, богатой республики — края резких климатических контрастов. Тут увидишь вечные снега на вершинах высоких гор и субтропические растения в долинах, испытаешь арктические снежные бури и песчаные самумы. В конце февраля под Кустанаем и Петропавловском с грохотом рвутся в морозные ночи метровые льды на озерах, а в степях за Тургаем бушует седая пурга; в то же время на пригретых вешним теплом нижних уступах Заилийского Ала-Тау уже красуются нежные, робкие подснежники. В одних районах республики по утрам не надышишься в эту пору ароматом густого, стойкого, как сотовый мед, морозного воздуха, а в других — уже слегка кружит голову бражный запах пригретой солнцем яблоневой коры.

Богатейшее зерновое хозяйство Казахской республики, и в частности основной житницы ее — Северного Казахстана, имеет свою давнюю, поучительную и увлекательную историю.

До конца XVIII столетия этот издревле обжитой кочевыми народами бывший Киргиз-Кайсацкий край земледельческой культуры не знал. Кочевники не занимались хлебопашеством. Они довольствовались теми благами, которые давало животноводство. История земледелия на этих бескрайних просторах прочно связана с историей России.

Проникновение первых русских людей в степные владения кочевников отмечено почти за два столетия до того, как сквозь первый взрыленный пласт благодатной земли пробился первый пшеничный колос. По горячим следам Ермака в 80-х годах XVI века пошли по диким степям те боевые дружины служилых русских людей, коим доверено было, согласно царевой грамоте, окончательно «подвести новые земли под высокую царскую руку». В решающей битве на Иртыше Ермак разгромил Кучума, но не добил его. Как свидетельствует знаменитый сибирский летописец Михаил Ремезов, некогда грозный хан с остатками потрепанного своего войска «утече на калмыцкий рубеж Ишима». Этим рубежом и являлись плодороднейшие пространства нынешних Северо-Казахстанской, Кокчетавской, Акмолинской и частично Кустанайской областей. В 1598 году боевые дружины русских воевод окончательно разгромили кучумские орды и земли эти присоединили к России. Сам Кучум, бежав в южную глубь ногайских степей, погиб.

Но кровопролитные битвы продолжались тут и позже — на протяжении почти двух столетий. Вскоре после бесславной гибели Кучума русским воинам пришлось сражаться с ногайцами, у которых нашли себе приют сыновья грозного татарского властителя. Затем на степные рубежи хлынули с юга несметные полчища джунгар. Они стали грабить местное население и опустошать вошедские остроги, охранявшие завоеванные

владения. Но полудикие племена джунгар, конечно, не могли противостоять России, тем более, что их ненавидело и местное население. Когда же в долинах Иртыша и Ишима был открыт алебастр (ошибочно принятый за слюду), Петр I повелел воздвигнуть в присоединенном крае несколько новых военных укреплений и откомандировал сюда три тысячи конного и пешего войска. Прибыв на место, эти люди и заложили сначала Омскую, а затем Семипалатинскую и Усть-Каменогорскую крепости.

В 1752 году на правом берегу Ишима построена крепость Петра и Павла — нынешний Петропавловск — и воздвигнута цепь укреплений, земляных городищ, маяков и редутов, что пролегли близ горько-соленых озер от Яика до Иртыша. От обилия горько-соленых вод линия эта и была названа Горькой. В 1808 году на этой-то линии и было образовано линейное Сибирское казачье войско. Правительство наделило казаков землей, жалованьем, а на первое время — фуражом и продовольствием. Спустя лет пятнадцать после того линейные казаки уже были хозяевами всех окрестных степей от Петропавловска до Кокшетау, от Акмолинска до Каркаралов.

Так завершен был первый этап освоения Россией Северного Казахстана.

Но землю возделывать тут начали значительно прежде, чем появились казаки. Первые военные были и первыми земледельцами.

В 1745 году командир всех сибирских пограничных линий генерал Киндерман, желая удешевить продовольствование подчиненных войск, приказал ввести казенное хлебопашество, а через год после этого приказа на Горькой Линии были уже организованы так называемые казенные пашни. Из шестисот линейных солдат, снабженных из казны земледельческими орудиями и волами, каждый обязан был засеять ежегодно по три десятины ржи и по три ярицы. Однако казенное, или, как его называли позднее, «палочное», хлебопашество большой пользы не принесло. От посеянных казаками в 1747 году 1759 четвертей ржи, ячменя и ярицы было получено только 6174 четверти, то есть урожай был

менее чем сам-пятый. Следующий год был еще менее урожайным. Почти ежегодно командиры линейных крепостей доносили, что «во многих местах был великий недород за жарами и морозами, а в некоторых крепостях и семена едва возвратились». Таким образом, казенный хлеб обходился значительно дороже привозного. В 1770 году «палочное» хлебопашество было отменено сенатом как не оправдавшее себя.

Пятьдесят лет спустя на Горькую Линию прибыл генерал Капцевич и узнал, что казаки довольно успешно занимаются земледелием.

Боевая жизнь линейных казаков, разумеется, затрудняла земледелие. Своими силами казаки не могли освоить сколько-нибудь значительных площадей, но они положили начало освоению и доказали выгоду земледелия в этом необъятном крае.

Восемьдесят лет назад акмолинский почтмейстер заштемпелевал в присутствии губернаторского письмоводителя и отправил в далекий Петербург особо важное, за сургучной печатью, строго секретное письмо. Это был увесистый, казенного образца пакет, адресованный лично императору. Вот что писал тогда степной генерал-губернатор Казнаков царю:

«Положение степных областей требует особого внимания. Со времени приятия киргизами русского подданства успехи, сделанные оными в гражданственности, весьма ничтожны. Попытки же перехода сих инородцев к земледелию также не заслуживают внимания. Между тем, доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевок, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям. Сопредельные с ними по Линии казаки, по малочисленности своей, не могут принести одному делу большей пользы, но сами поголовно обучались киргизскому наречию и переняли некоторые, впрочем, безвредные привычки кочевого народа...»

Генерал Казнаков поднял перед императором вопрос об отмене запрета на доступ к казахским землям для крестьян из центральных губерний России. Получив

губернаторское донесение, император размышлял четырнадцать лет и лишь в июле 1889 года обнародовал «высочайшее уведомление» о том, что отныне акмолинские и все западносибирские степи объявляются открытыми для вольного крестьянского переселения.

Подходил к концу XIX век. За неполное столетие Россия уже успела насчитать сорок голодных лет. Со страшной закономерностью каждые два—три года страна терпела неурожай, за которым следовал голод. Если в начале столетия в центральной полосе империи одновременно голодали по 6 и по 8 губерний, то в сороковых годах их число достигало уже 18, а в девяностых—60. Однако эти страшные цифры не очень тревожили романовскую династию. Императоры, ревностно поддерживаемые помещиками, боролись не с голодом, а с... голодающими. Так, например, когда в 1840 году голод одолел около двух десятков губерний, Николай I, образовав секретный комитет, благоволил дать ему для руководства следующую директиву: «Надлежит помнить, что от достаточной помощи в крестьянах возбудится леность и тунеядство, и правительство, ограждая народ от физического бедствия, может сделаться невольной причиной распространения нравственных недугов, в существе своем несравненно вреднейших и опаснейших».

Естественно, что когда был открыт доступ в доселе наглухо замкнутые на двенадцать засовов ворота в далекую хлебородную степь, десятки тысяч изголодавшихся на родине, отчаявшихся мужиков тотчас снялись с насиженных мест и, не раздумывая, тронулись в неведомые акмолинские места.

По терновому, каторжному пути шли в те годы переселенцы. История дореволюционного переселения российских крестьян на пустынные восточные земли — это целая эпопея страшных, почти неправдоподобных бедствий, чудовищных лишений и неисповедимого народного горя. Перенести все это способен был только русский мужик.

Писатель Н. Д. Телешов рассказывает в своих воспоминаниях, как однажды в пору своей литературной юности он случайно встретился в вагоне пригородного

подмосковного поезда с А. П. Чеховым. Телешов ехал на одну из пригородных станций с намерением снять там для себя дачу на летний сезон. Разговорившись с Чеховым, молодой писатель пожаловался ему на отсутствие тем для творчества. Внимательно выслушав юного литератора, Антон Павлович, мягко улыбнувшись, сказал ему:

— Послушайте, а зачем вам эта самая дача? Знаете, что я вам посоветую? Если хотите стать серьезным писателем, плюньте-ка, батенька, на все эти дачные затеи. Я бы на вашем месте сию же секунду вернулся в Москву, купил бы билет и завтра же выехал бы третьим классом куда-нибудь подальше... ну, скажем, на Урал. Уверяю вас, там вы встретите немало интересного, и вам будет потом о чем рассказать...

Телешов так и сделал. Распрощавшись на первой же дачной остановке с Чеховым и горячо поблагодарив его за полезный совет, он вернулся с первым же встречным поездом в Москву, немедленно выправил билет на вокзале и на другой день уехал в вагоне третьего класса в далекую зауральскую степь. А через два года в Петербурге вышла в свет книга, сразу же обратившая на себя внимание критики и доставившая автору ее широкую популярность в читательских и литературных кругах. Это были телешовские «Переселенцы» — правдивая, глубоко волнующая повесть о русском мужике, рискнувшем попытаться счастья в пустынных акмолинских степях. Именно Телешов первым из писателей рассказал языком художника горькую правду об этой переселенческой голгофе, где столько было страданий, народного горя, гнева и слез, что далеко не у каждого из читателей хватало тогда мужества и решимости дочитать эту книгу до конца.

Как Н. Д. Телешов в литературе, так другой значительный русский художник, С. В. Иванов, в живописи оставил нам яркие, художественные документы, свидетельствующие о трагической судьбе дореволюционного русского переселенца. Все мы помним и по Третьяковской галерее и по многочисленным репродукциям широко известную картину «Переселенцы». И тот из

нас, кто хотя бы раз в жизни видел это полотно, никогда не забудет ни жалкой переселенческой повозки, одиноко торчащей среди дороги в глухой степи, ни страшного в своей неподвижности, прикрытого грубой холстиной труп кормильца осиротевшей семьи, ни этих обреченно опущенных под тяжестью невыплаканного горя, страдальчески выразительных женских плеч.

И книга Н. Д. Телешова, и картина С. В. Иванова, и превосходный, как всегда, предельно выразительный и яркий рассказ «На край света» Ивана Бунина — все это документы одного плана, где путем обобщений и изобразительных средств художники раскрыли нам с потрясающей психологической глубиной внутренний мир русского мужика, вынужденно покинувшего свою родину и отправившегося на поиски некоей обетованной страны.

Но существуют документы и другого плана, где скупой и точный язык фактов и цифр, пожалуй, не уступает по своей выразительности ни объективному телешовскому слову, ни остроумному бунинскому перу, ни строгой и смелой ивановской кисти. Так, например, в XVIII томе полного географического описания России, изданном в С.-Петербурге в 1903 году, читаем:

«С девяностых годов начался усиленный наплыв переселенцев в Акмолинскую область, с которыми администрация первое время не знала, что и делать и куда их размещать. Так, летом 1890 года в области скопилось свыше 17 тысяч никуда не причисленных переселенцев. Они буквально наводнили все казачьи поселения. Но так как везде все было переполнено, то они целыми месяцами бесцельно блуждали из поселка в поселок в тщетных поисках пристанища. Уездные власти, не видя возможности как-нибудь устроить всех этих несчастных и опасаясь волнений и развития различных эпидемий, употребляли все меры, чтобы удалить переселенцев из пределов области».

Вот как встретили акмолинские власти в лице так называемой особой комиссии по делам переселения прибывших сюда россиян. А на покинутой пришельца-

ми родине, когда они только еще собирались переселяться, им были обещаны и свободный выбор земельных участков, и льготы по податным платежам и натуральным повинностям, и бесплатные 100 лесин на каждый двор для обзаведения постройками, и даже 20 рублей наличными на каждую семью «на предмет обзаведения скотом», как гозорилось в «переселенческой инструкции». Но это были обещания. Действительность оказалась иной.

Наступила грозная, до сих пор многим памятная в Северном Казахстане осень 1890 года. 915 семьям из 17 тысяч, мечтавших найти в акмолинских степях обетованную землю, наконец, повезло: их кое-как, с грехом пополам все же «устроили» на прирезанных межевиками участках. Но что это были за участки! Межевые партии землеустроителей меньше всего заботились о благополучии новоселов и в спешке селили их где попало. Вот почему через год многие из вновь возникших в степи переселенческих сел, хуторов и отрубов исчезли. Крестьяне вынуждены были сняться с обжитых за зиму мест и тронуться на поиски новых, более пригодных земельных угодий. Причины к тому были веские: то близ поселков воды не оказалось, то почва была солончаковой, то новоселам межевники «забыли» прирезать сенокосные угодья. «Забывчивость» землеустроителей объяснялась очень просто: землеустраиваемые ими мужики, как потом оказалось, недостаточно щедро «позолотили господам землеустроителям ручку» и вот теперь вынуждены были расплачиваться за свою недогадливость более крупной монетой, разоряясь вчистую, вконец...

Судьба же нигде не приписанных переселенцев была еще ужасней. Очутившись к зиме без крова, без куска хлеба, без гроша за душой, тысячами отупело кружились они по степи, бродили по линейным казачьим станицам «в тщетных поисках пристанища». Но казаки не очень-то радушно привечали пришельцев из далекой «лапотной Расеи». Видя в новоселах своих врагов, посягающих на священную казачью землю, и по наитию чувствуя в них опаснейших своих конкурентов в земледелии, линейные старожилы не только

не давали приюта обездоленным мужикам, но с молчаливого согласия начальства (а нередко и подстрекаемые им) гнали переселенцев из своих станц прочь, не позволяя даже укрываться от дождей и непогоды под крышами пустующих войсковых амбаров. Прогнанные из станц, злорадно освищенные и осмеянные злыми на язык старожилами, измученные бесконечными скитаниями, отчаявшиеся, изголодавшиеся и почти уже утратившие человеческий облик переселенцы вынуждены были искать защиты в пустынных степях или у редких зимовок кочевников. Но казахи-кочевники, сами вытесненные с прежних богатых пастбищ, не могли сочувственно отнестись к русским новоселам. Аткаминеры, влиятельные степные князьки и бан, натравливали казахскую бедноту на блуждающих по степи бездомных русских крестьян. Сложнейший переплет национальных и классовых отношений обретал самые злые, острые формы.

Нет, некуда было приклонить головы в этом просторном краю затравленным, попавшим под перекрестный огонь национальной, сословной и классовой ненависти переселенцам. На суровом чужестранном ветру, под проливными дождями ютились они в жалких шалашах и, простужаясь и голодая, умирали близ глухих дорог, беспомощно цепляясь цепенеющими пальцами за жестокую, неласковую к ним землю...

Употребив все меры к удалению переселенцев из пределов области, акмолинское степное генерал-губернаторство разогнало чудом уцелевших от голодной смерти людей куда попало. Часть из них была выпровожена на Алтай, иные уехали в соседнюю Семипалатинскую область, иные — таких, правда, было немного — рискнули вернуться на родину.

Но могучий переселенческий поток, хлынувший к прославленным берегам Ишима, не затих и после пережитой первыми переселенцами катастрофы. К 1896 году здесь уже осело свыше 80 тысяч курских, орловских, пензенских и тамбовских мужиков. Потом появились белые, крытые золотистой соломой хаты с молодыми вишневыми садиками прикочевавших сюда киевлян, херсонцев, полтавцев и черниговцев. Задумчивый

и уютный украинский пейзаж смягчил библейскую суровость этих равнин. Вскоре приветливо замахали могучими крыльями высокие, со стрелчатыми шипами на макушках украинские ветряки. Приятно было смотреть издали на неустойчивую работу этих тружеников усталому степному путнику, завидевшему вдалеке новое, прочно обжитое трудовым народом селение.

Эти гордо поднимавшиеся над степью ветряки были первыми маяками зародившегося в степном краю и стремительно разрастающегося торгового земледелия. И зоркие, наметанные глаза екатеринбургских, ирбитских и шадринских зерноторговцев сразу же заметили обширную зону для хищных своих промыслов и спекуляций. Вот почему все чаще и чаще стали кружиться окрест незнакомых переселенческих сел бойкие на язык, расторопные и всегда как будто полухмельные заезжие с Урала хлеботорговцы.

А в канун 1917 года чиновники Акмолинского губернского статистического управления доносили по начальству, что, «согласно последним статистическим данным, собранным по степному краю, на территории Акмолинской губернии числится уже свыше одного миллиона двухсот тысяч осевших на землю переселенцев».

Так был завершен второй этап заселения бывшего Киргиз-Кайсацкого края. По тропе Ермака, по следам русских служивых людей, за полками пехоты и лихими эскадронами казачьей конницы пришла в эту степную окраину Российской империи великая армия земледельцев, армия будущих мастеров земли.

Сокровенная мечта Ермака — завоевателя и первого земледельца края — сбывалась. Зерно, некогда брошенное во взрыхленную боевым мечом землю, дало ростки. И напрасно тревожился вдруг затосковавший по пашням полководец: пригоршня золотых искр, оброненная им на поле брани, не была вытоптана потомками. Но до урожая, о котором часто мечтал в бессонные ночи задумавшийся под шатром Ермак, было еще далеко.

Наступал только 1917 год.

Редкий, пожалуй, из наших современников знает о том, что еще совсем недавно, всего каких-нибудь лет шестьдесят назад, в Северном Казахстане существовало поливное земледелие. Как и на юге Казахстана, здесь весело журчали арыки, орошая пашни и омывая луга. Глуховатый, дремотный говор арычной воды можно было услышать тогда в самых северных районах нынешней Акмолинской области, под Атбасаром и близ Петропавловского менового двора. И там, где ныне тяжело клонятся долу золотовесные колосья вызревших колхозных хлебов, где шумят на ветру голубые волны овсов и смыкаются с далеким степным горизонтом шафранно-желтые массивы пшеницы, там в недалеком прошлом ютились близ безыменных степных речушек и ручейков жалкие клочки искусственно орошаемых человеком пашен.

Это были пашни кочевников-казахов.

Именно казахи занесли сюда от ворот Ташкента и Бухары древнюю культуру поливного земледелия. Не имея под руками более совершенных сельскохозяйственных орудий, чем ручной кетмень, кочевники были не в силах одолеть залежи спрессованной столетиями земли. Появление в этих местах испытанной и многострадальной русской матушки-сохи сыграло огромную роль. Теперь, при наличии мощных тракторов и многолемешных плугов, смешно говорить о сохе, а в ту пору по сравнению с ручным кетменем она была дельным сельскохозяйственным орудием. И естественно, что соха очень скоро вытеснила ручной кетмень, а с ним вместе и примитивное поливное земледелие.

До первой половины прошлого столетия казахи почти не занимались хлебопашеством. Потом, отчасти под влиянием русских земледельцев, отчасти из-за набегов враждебных племен, угонявших гурты скота, разорявших кочевников, они волей-неволей приобщались к земледельческому труду. Одной из причин этого были также массовые падежи скота, возникавшие то в одном, то в другом месте. Так, например, в 1789 году у казахов бывшего Казалинского уезда погибло свыше

двух третей скота. Десять тысяч кибиток из 25 тысяч вынуждены были перейти от скотоводства к земледелию. Еще раньше казалинцев взялись за посевы пшеницы и овса кочевники с берегов Или и из Каратальской долины. Причем, по свидетельству пристава Большой Орды, как илийские, так и каратальские кочевники, согласно особому договору с тогдашним военным управлением Заилийского края, уже поставляли продовольствие и фураж для казачьих войск, сосредоточенных в 1855 году в укреплении Верном.

Приблизительно в эти же годы земледелие получило довольно широкое распространение и в северных районах нынешнего Казахстана. А перед Октябрьской революцией казахи Актюбинского уезда занимались посевами уже почти поголовно. Около 80 процентов полукочевого казахского населения имело к этому времени свои посевы в Кустанайском и свыше 60 процентов в Лбищенском уездах. Это были районы наиболее развитого казахского земледелия, где, по данным бюджетного обследования, годовой расход хлеба на одно хозяйство составлял в среднем уже 119 пудов. Казахи же бывшей Акмолинской губернии, по сравнению с кустанайцами и актюбинцами, сеяли меньше и доход от своих посевов имели незначительный. Объясняется это тем, что крупные скотоводческие хозяйства акмолинских полufeодалов земледелием не занимались: им еще пока было выгоднее гонять по кулундинским и каркаралинским ярмаркам тысячные гурты своего скота и вступать в привычные торговые сделки с российскими скотопромышленниками, чем пускаться в весьма рискованную конкуренцию с местными «зерновыми королями», набившими руку на хлебных спекуляциях. И если годовой денежный доход казахских земледельцев Кустанайского и Актюбинского уездов выражался к концу 1913 года в 24 рублях, то казахи Акмолинского уезда получали от своих посевов не более 3 рублей в год, а среди казахских земледельческих хозяйств Петропавловского уезда годовой доход не превышал и... 5 копеек.

В эти предвоенные годы среди казахского населения бывшей Акмолинской губернии хлебопашеством зани-

мались почти исключительно бедняки. В основном это были люди, близкие к полному разорению. Чудом удержавшись за последнюю лошадь и не имея иных источников существования, они брались за поручни сохи и начинали ковырять жалкий клочок земли, надеясь таким образом поддержать угасавший огонь семейного очага и спасти свою семью от голодной смерти. Нам теперь трудно даже представить, как это могло держаться такое хозяйство с... пятикопеечным доходом в год. А между тем это было так. Это было так потому, что выбора у казахского бедняка, в сущности, не было: или ковыряться с грехом пополам в земле и хоть впроголодь, но кормить до половины зимы свою семью хлебом, или, бросив эту семью на произвол судьбы, отправляться к линейному казаку или степному баю в батраки, откуда возврата не было.

Развитие торгового земледелия в дореволюционном Казахстане шло за счет линейных казачьих и главным образом переселенческих хозяйств. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 года свидетельствуют, что около 80 процентов всех посевных площадей бывшего Киргиз-Кайсацкого края было сконцентрировано в переселенческих хозяйствах. Посевная площадь переселенцев, осевших в границах нынешнего Казахстана, исчислялась в канун первой мировой войны в 2 миллиона 864 тысячи десятин из 4 миллионов 259 тысяч десятин всей посевной площади края. Остальная посевная площадь в количестве 1 миллиона 395 тысяч десятин падала на казачество и на хозяйства бывших козачников.

Классовая дифференциация среди новоселов началась в первые же годы освоения новых земель и особенно обострилась в канун первой мировой войны. Из обследования переселенческих хозяйств, произведенного профессором Румянцевым в Лепсинском, Копальском, Сергиопольском и Верненском уездах, видно, что 35 процентов из проживавших здесь в 1912 году переселенцев считаются «неприписными», то есть не имели ни своей земли, ни клочка своих собственных посевов. Эти русские и украинские люди, наравне с казахской беднотой, терпели такую беспросветную нужду, такие

нечеловеческие бедствия и лишения, о которых знаем мы теперь только по просторным, как степи, по горьким, полным тревоги, тоски и гнева русским народным песням да по вдохновенным и непосредственным творениям степных акынов, воспевших в своих стихах скупую на счастье и радости жизнь казахской кочевнической бедноты.

По свидетельству того же профессора Румянцева, только 15 процентов из обследованных им в упомянутых уездах переселенческих хозяйств жило в достатке и довольстве. В руках этих 15 процентов было сосредоточено около 70 процентов всего имевшегося в переселенческих хозяйствах скота и свыше половины всей посеваемой площади. Это были кулаки — типичные представители тех самых капиталистическо-фермерских хозяйств, на которые возлагал в свое время все надежды земледельческой России известный «реформатор» Столыпин. По хвастливым и самоуверенным заявлениям этого реакционнейшего царского министра, именно таким «крепким хозяйствам» суждено было открыть новую эру технического прогресса в русском земледелии. Однако история показала, что никакой такой новой эры столыпинские отрубные кулаки не открыли и никакого прогресса в земледелии не произвели.

Особенно яркие, предельно выразительные примеры, обнажавшие сущность столыпинской реформы, можно было наблюдать в дореволюционном Казахстане. О каком техническом прогрессе могла идти речь, если акмолинские, кокчетавские, кустанайские и прочие кулаки не нуждались в механизированном земледелии! Не нужна была им механизация. Куда дешевле было и выгодней эксплуатировать русско-казахскую бедноту! Батраки обходились столыпинскому фермеру дешевле любой простейшей сельскохозяйственной машины.

Можно смело сказать, что такой варварской, хищнической обработки земли, какую практиковали кулаки в казахских степях, не знала ни одна губерния Российской империи. Арендую у казахской бедноты землю на срок в пять лет, кулаки совершенно ее обескровливали и бросали, потом переключались на новые целинные

массивы. Ни о каких, разумеется, агротехнических мероприятиях тут не могло быть и речи: кулак не нуждался в них. Он сеял до тех пор, пока земля давала богатый урожай, а затем арендовал у казахов новый участок: земли-то окрест было много.

Столыпинское «Особое степное положение» установило такой порядок, согласно которому казахи могли сдавать в аренду принадлежащую им землю только «состоятельным русским людям», то есть кулакам. Причем вопрос о сдаче земли в аренду мог решаться только съездом выборных волостных — крупнейших степных князьков-феодалов. Этим «положением» широко воспользовались влиятельные верхи дореволюционного казахского аула — аткаминеры, тотчас же занявшиеся от имени таких фиктивных съездов самой бессовестной распродажей не принадлежащих им земель. Сдавая в аренду русским кулакам земельные наделы казахской бедноты, они клали львиную долю арендной платы в собственный карман.

Идеологи столыпинской аграрной политики в живых, ханжеских своих выступлениях болтали о том, что якобы к началу первой мировой войны, за шесть лет реакции, подавляющее большинство земледельческих хозяйств России экономически окрепло, поднялось и обогатилось. Однако В. И. Ленин доказал обратное. Опираясь взятыми из помещичьего журнала «Русская мысль» цифрами и фактами, Владимир Ильич, в ответ на неумную болтовню реакционных писак, заявил, что ежели одна пятая часть земледельческих хозяйств действительно окрепла, то две пятых за это время дошли до полного разорения, а две пятых остались на прежнем уровне. В замечательной речи, подготовленной для думских большевиков к произнесению 10 апреля 1914 года в Государственной думе, Ленин писал:

«И помещик, дающий зимой под работу хлеб или деньги, вовсе не похож ни на «европейского» хозяина, ни на капиталиста-предпринимателя вообще... Усовершенствования производства не только не нужны при такой «системе хозяйства», а прямо нежелательны с ее точки зрения, ненужны и вредны для нее. Разоренный, нищий, голодный мужик с голодным

скотом и убогими орудиями — вот что н у ж н о для подобного помещичьего хозяйства, которое увековечивает отсталость России и забитость крестьян»¹.

3

Ранним утром лета 1954 года наш серебрянокрылый красавец «ИЛ», стартовав после бешеного разгона со взлетной площадки Алма-атинского аэродрома, лег курсом на север. Позади осталась зубчатая гряда обрамленного тянь-шаньскими елями и увенчанного вечными снегами хребта Заилийского Ала-Тау и потонувшая в садах и парках столица Казахской ССР Алма-Ата.

Впереди простирались уходящие в бесконечность, подернутые сиреневой дымкой полустепи-полупустыни Центрального Казахстана. И долгое время затем неприметно текла под плоскостями нашего самолета одна и та же, то темно-серая, то шафранно-желтоватая равнина — край редких караванных троп, песчаных бурь и древних колодцев. Неживой и безмолвной казалась эта кремнистая и песчаная степь с высоты двух тысяч метров. И что-то первобытное и извечное было в суровом и строгом ее безмолвии и в той веселой пляске песчаных смерчей, которую долго наблюдали мы с борта самолета в мгlistом от зноя великом земном просторе.

Но вот впереди ослепительно блеснул изумрудно-зеленоватым своим оперением красавец Балхаш, и через несколько минут самолет шел, уже отражаясь в голубой бездне воды. Потому жаркого солнечного света, хлынув в кабину, слепили глаза. Там, внизу, на застывшей зеркальной поверхности огромного озера, угадывались смутные очертания кильватерной колонны рыбацких шхун, а вдали чуть маячил, как в сновидении, полупрозрачный, зыбкий лермонтовский парус...

А через четверть часа, заходя на посадку, мы уже шли, разворачиваясь, над бухтой Бертыс, в купоросно-зеленоватой воде которой отражались и редкие, раскиданные ветром кучевые облака и циклопические дымящиеся трубы раскинувшегося на южном ее побережье

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 292.

Балхашского медеплавильного завода — крупнейшего в Европе гиганта цветной металлургии. Огромные голубоватые шлейфы дыма, стлавшегося из труб, плыли над бухтой, пропадая и растворяясь в такой же зыбкой и голубой, сливающейся с небом морской дали озера.

Снизившись до двухсот метров, мы прошли над заводом и городом, любуясь из окна самолета величественной панорамой заводских корпусов, строгой планировкой городских кварталов, красотой многоэтажных, монументальных жилых и общественных зданий, светлым оживлением на улицах, бульварах и скверах города. И трудно было представить, что всего каких-то полтора — два десятилетия тому назад на месте этого крупнейшего промышленного центра республики лежала такая же бесприютная полупустыня-полустепь, какой выглядит, впрочем, она и теперь на подступах к южному берегу Балхаша, за чертой этого большого и шумного города.

Приземлившись на четверть часа на Балхашском аэродроме, мы ощутили знойное, сухое дыхание пустыни. Бурье, выжженные немилосердным солнцем и поросшие редкой нехитрой пылкой пески лежали вокруг. Ни завода, ни города, заслоненного голыми сопками, с аэродрома не было видно. И если бы не верхушки дымящихся заводских труб да чуть приметная цепочка длиннейшего железнодорожного состава, медленно удаляющегося в стрекочущий от зноя степной простор, то можно было бы почувствовать здесь себя пассажиром с самолета, совершившего вынужденную посадку в каком-то необитаемом, забытом людьми и богом краю.

Пролетая над Балхашем, я вспомнил чудесную песню заслуженного деятеля искусств Казахской ССР народного акына Шашубая, которую однажды слышал, сидя в доме гостеприимного певца казахской степи. Яркие, вдохновенные строки посвятил этот мастер народной поэзии прибалхашской пустыне и горячо любимому Балхашу:

Дремали берега твои,
Упылые всегда,
Не зная, что такое гул

Чудесного труда.
 Он, этот гул, вокруг меня,
 Куда ни погляжу —
 Везде следы великих дел
 Я тут же нахожу.
 Взгляну направо — медьзавоя
 Бросает в небо дым.
 Поднялся он в седой степи
 Гигантом молодым.
 Налево, за моей спиной,
 Грохочет Коунрад.
 Тяжелой медною рудой
 Навеки он богат.
 Фабричные гудки теперь
 Я слышу ночью, днем.
 Все это наше, все мое,
 Все — мой родимый дом.
 О люди новых, ярких дней!
 Сыны мои, творцы!
 В краю пустынном смело вы
 Возводите дворцы.
 Вдохнули жизнь мы в эту степь,
 Где беркуг лишь порой
 Летал, как призрак, чтоб затем
 Исчезнуть за горой.
 Ты, партия большевиков,
 Народ советский, ты
 Преобразили степь мою
 Ее лица черты.
 О родина моя, Балхаш,—
 Богатств священных клад.
 Далекий парус на ветру,
 Листвой звенящий сад!
 Пою!.. И слезы на глазах,
 И песня хороша.
 В ней отблеск меди и волны,
 В ней слава Балхаша!

В буфете аэропорта нам предлагают салат из свежих помидоров, огурцов, зеленого лука. За стеклянной витриной на буфетной стойке красуются огромные арбузы и дыни. Кто-то из пассажиров изумляется этому изобилию овощей.

— Неужели все это доставляется самолетом из Алма-Аты?

— С какой стати! — обидчиво откликается юная официантка в накрахмаленном кружевном чепчике.— У нас, будьте покойны, своих овощей вдоволь!

— С каких это пор?

— А вы что, с неба упали? — замечает, смеясь, официантка.

— Фактически — да. Только что приземлились...

— А вы бы съездили в город да полюбовались, какие чудеса в заводском подсобном хозяйстве у нас творятся, не так бы еще удивились, — решительно вмешивается в разговор тучный, но необыкновенно подвижной человек в синей спецовке. — Да что там говорить о подсобном хозяйстве, когда теперь у нас, в Балхаше, и индивидуальные огороды не редкость. А вы извольте отведать, какие отменные помидоры мы тут выращиваем — объединение!

К разговору горячо подключается еще один пассажир:

— Я по профессии инженер-металлург, а по душевному складу — огородник. В земле, доложу вам, люблю ковыряться с не меньшим азартом и увлечением, чем ломать голову над новыми методами в технологии сплавов цветных металлов... В Балхаше живу и работаю пятнадцатый год. Можно сказать, абориген, старожил. На моих глазах каждое деревцо здесь принялось, и бульвары, и скверы в городе разрослись — сердце радуется. А ведь были и тут малoverы и нытики. Мы — за огород, а они безнадежно руками машут: ничего, дескать, у вас из этой затеи не выйдет, зря, мол, любезные, трудитесь. А теперь многие из них и сами отпетыми садоводами и огородниками стали. И такие помидоры, арбузы и дыни на своих участках выращивают, что и сами иной раз глазам своим не верят.

— Трудно и поверить.

— Мичуринская биология — мать плодородия. В этом я убедился, батенька, на личном опыте, — продолжал инженер, разделявая ножом на тарелке сочный, кроваво-красный арбуз. — Если бы мы не научились здесь с боем брать от природы все, что она может дать, то и по сей день смотрели бы на эти вот арбузы, дыни и помидоры, как на редкое заморское лакомство. А теперь впору самим экспортировать наши овощи в любую сторону. Да мы, в сущности, и экспортируем их. Снабжаем из подсобного хозяйства горняков Джекказ-

гана и Коунрада. Не в обиде на нас за эти овощи и странствующие вокруг геологи и строители новой железнодорожной линии Моннты — Чу.

Смуглолицая юная девушка в накрахмаленном чепчике, провожая нас к самолету, сказала, весело махнув рукой:

— Счастливого полета, друзья! Бывайте у нас почаще. Сегодня мы угощаем своих пассажиров собственными овощами, а скоро станем потчевать и собственными фруктами.

И мне невольно припомнилось, как, неоднократно пролетая в прошлые годы через Балхаш, я обычно выслушивал здесь одни и те же жалобы на бесплодие песчаной земли, на отсутствие собственных овощей и фруктов. И теперь было приятно услышать тут совсем другой разговор от людей, сумевших за последние годы подчинить своей беспокойной творческой мысли и воле не ахти как отзывчивую в этих широтах, не избалованную ни дождями, ни почвенной влагой, скупую на растительный мир природу. И напутственные слова юной балхашской патриотки прозвучали теперь для нас далеко не наивной шуткой. Что же, сумели же вырастить здесь чудесные овощи, сумеют со временем вырастить и не менее чудесные фрукты.

...Снова неистовый рев моторов, снова легкий, едва ощутимый толчок при взлете, и самолет опять в воздухе. В последний раз блеснуло на солнце и тотчас погасло под плоскостями самолета жемчужное крыло Бертысской бухты. Исчезли вдали, как корабельные мачты в морском просторе, трубы балхашского гиганта. И опять неприметно текла вниз, на глубине двух тысяч метров под нами, подернутая легкой голубоватой дымкой, изрезанная теперь глубокими впадинами, холмами и сопками, похожая на огромную рельефную карту земля Центрального Казахстана. Слева заметны поблескивающие под солнцем стальные нити железнодорожной магистрали, связывающей город меди с его промышленными сверстниками и собратьями, с городами руды и угля — Коунрадом и Карагандой, справа долго маячил в знойной, мерцающей дымке своими островерхими грифельными сопками Джекказган —

величайшая из подземных кладовых драгоценных цветных руд.

Мы пролетали теперь над теми самыми местами, которые имел в виду небезызвестный хищник английского империализма сэр Лесли Уркварт, нагло писавший Главному концессионному комитету Советской России в 1920 году о том, чтобы дали ему «возможность поковыряться в киргизской степи около Балхаша и дальше. Раньше чем через пятьдесят, а может быть, и все сто лет,— цинично заявлял Уркварт,— вы этими местами все равно не займетесь».

История показала, как жестоко просчитался этот иностранец, норовивший пробраться в подземные кладовые казахской земли для того, чтобы поживиться несметными ее сокровищами. Нет, не сто и не пятьдесят, а всего-навсего одно десятилетие потребовалось большевикам, чтобы превратить этот некогда пустынный и дикий край в цветущую индустриально-промышленную зону советского Казахстана!

...Второй час полета. Прорвав фронт сплошной облачности, мы вдруг оказались над Карагандой.

Один из наших спутников — это был инженер-геолог Иван Иванович Фролов — сказал, любуясь панорамой большого города из окна кабины:

— Я подсчитал однажды и ахнул: оказывается, за одни только сутки карагандинские шахтеры выдают теперь на-гора в несколько сот раз больше угля, чем здесь добыли его за все время эксплуататоры Карагандинских угольных копей—английские концессионеры! Я хорошо помню Караганду начала тридцатых годов. На месте этого города в то время было несколько жалких землянок да пять или шесть ветхих барачков. А теперь полюбуйтесь — огромный индустриальный город! Разве это не чудо?

Не успели мы налюбоваться панорамой Караганды, как самолет шел уже над другим крупным промышленным центром Казахстана — над городом металлургов и энергетиков, раскинувшимся на берегу гигантского водохранилища,— Темир-Тау.

— К Караганде мы уже попривыкли,— заговорил опять инженер Фролов. — А вот это, я вам должен

заметить, товарищи, воистину настоящее чудо! Пять или шесть лет тому назад здесь ютился один неприметный с воздуха поселок. Ни заводов, ни вот этого озера, ни города и в помине не было.

Самолет уносил нас все дальше и дальше на север. За Темир-Тау, по ту сторону невеликой, перехваченной железобетонной плотиной степной речки Нуры, начинались вековые ковыльные степи. И чем ближе мы были к Акмолинску, тем чаще степь обретала золотисто-шафранную окраску. Это от обилия сплошных массивов созревшего хлеба и воскового отблеска обнаженной стерни на убранных нивах. Там, внизу, на колхозных полях была сейчас ключом напряженная трудовая жизнь; уборка была в разгаре. То и дело попадали теперь в поле нашего зрения многочисленные тракторы и комбайны, едва приметные с высоты среди необозримых пашен и нив; и колонны грузовых автомашин пылили по окрестным степным дорогам.

Это был уже Северный Казахстан — золотое дно Казахской республики.

4

В Акмолинске, пересев с самолета на автомашину, мы выехали по старому скотогонному тракту на Атбасар. Хотелось проехать по тому же маршруту, по которому проезжал я не раз в прошлом, лет десять — пятнадцать назад. Маршрут этот лежал через районы вековых целинных земель Акмолинской, Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей.

И вот, покинув шумный и пыльный, оглушивший нас ревом паровозных гудков, неузнаваемо выросший за последние годы Акмолинск, мы, как в море с попутным ветром, ушли на вездеходе в великий степной простор. И снова я видел за дни своих странствий и розовые от утренних и вечерних зорь ковыли степей Атбасара, и легендарные сопки прославленного на всю страну Борового, и скромные березовые перелески североказахстанских равнин.

Как и в прошлые мои поездки по этим близким сердцу северным местам, был я и ныне свидетелем

многих великих перемен, совершившихся в колхозных аулах и селах за последние годы. Снова я встретил в пути немало интересных, глубоко взволновавших меня людей, о которых хотелось бы написать столь же скромно и просто, сколь предельно скромны, непринужденно просты и идейно ясны эти рядовые советские люди — труженики колхозных полей: руководители сельхозартелей и полеводы, комбайнеры и трактористы, агрономы — мастера и новаторы социалистического земледелия. Никогда не забудутся эти встретившиеся мне на полевых станах и на колхозных токах загорелые, трудолюбивые, веселые люди, как не забудется и милый сердцу сухой медовый запах тяжеловесного золотого зерна и густой бражный аромат свежей пшеничной соломы. Не забыть мне бронзовых степных закатов над золотящимися в вечерней мгле нивами, как не забыть и мирных бесед наших с колхозными хлеборобами у ночных костров, как не забыть и тех веселых или тревожных русских песен, которые певали девчата по вечерам, вглядываясь в степную даль...

Первое, что поражает при выезде из Акмолинска, — это иной, новый, непривычный облик здешней степи, который обрела она в Северном Казахстане за лето 1954 года. Навсегда здесь исчезло былое царство вековой, не тронутой лемехом, покрытой седым ковылем целины. Куда ни взглянешь, везде и всюду — от Акмолинска до Атбасара и от Атбасара до самого Петропавловска — простираются массивы поднятой целины. Тучные нивы созревшей, но местами еще не убранной пшеницы чередуются с огромными массивами заново поднятой целины, с любовно, по-хозяйски обработанными парами. Кругом пашни, пашни и пашни! А ведь еще минувшей весной здесь шумело открытое море девственных ковылей. От села до села по левобережью Ишима, бывало, и за день не доскачешь. Так, например, на протяжении ста километров, между селами Петровским и Вознесенским, год тому назад можно было встретить всего несколько сот гектаров пашни, принадлежавшей единственному здесь колхозу «Мартук».

Запоздалая, холодная весна 1954 года не помеша-

ла труженикам колхозов и совхозов республики провели весенний сев по парам, зяби и хорошо обработанной целине в предельно сжатые сроки и вырастить богатый урожай пшеницы, проса, овса, ячменя, кормовых и технических культур. В итоге республика досрочно выполнила государственный план сдачи хлеба. В республике было заготовлено и сдано государству в 1954 году 242 миллиона пудов зерна. Это значительно больше того, что обычно заготавливалось в Казахстане прежде. И вот что еще важно: более 70 процентов заготовленного хлеба составляет пшеница. Получила большое развитие и другая важная культура — просо. Его здесь заготовлено в 1954 году больше, чем за последние пять лет, вместе взятых.

В успехе заготовок этого года сыграли огромную роль изменения, внесенные партией и правительством в систему заготовок и закупок. Эти изменения, как известно, были направлены на повышение материальной заинтересованности колхозов и колхозников.

В 1954 году колхозники Казахстана продали государству вдвое больше зерна, чем в 1953 году. Колхозы одной только Павлодарской области получили в том году за сданный в счет обязательных поставок и проданный государству хлеб сотни миллионов рублей дохода. Из 184 колхозов этой области 150 получили доход от одного до семи миллионов рублей, в то время как в 1953 году доход свыше миллиона получили здесь только 17 колхозов. Каждый трудоспособный колхозник получил в среднем более тонны хлеба и по пять — семь рублей деньгами на трудовень.

Больших успехов в 1954 году добились и работники МТС Казахской республики. По сравнению с 1953 годом они вспахали на 15 миллионов гектаров больше. Выработка на трактор увеличилась на 50 с лишним гектаров.

Намного улучшилось использование тракторного парка и в совхозах Казахстана. Достаточно сказать, что в 1954 году выработка на трактор в зерносовхозах республики превысила на 134 гектара выработку предшествующего года.

Все это результат самоотверженного труда хлебо-

робов, работников МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства, рабочих и служащих городов, оказавших большую помощь колхозам в уборке богатого урожая.

Эти успехи являются результатом огромной помощи, оказанной партией и правительством социалистическому сельскому хозяйству Казахстана в оснащении МТС и совхозов тракторами, комбайнами и другими сельскохозяйственными машинами, результатом огромной помощи в укреплении кадров механизаторов и специалистов сельского хозяйства.

Опыт создания в 1954 году в Казахстане 93 зерновых совхозов показал, что организация новых совхозов является наиболее целесообразной формой освоения целинных и залежных земель и увеличения производства зерна. Специализированные зерновые совхозы с большими посевными площадями при той высокой организованности производства, что присуща социалистическому хозяйству, при умелом использовании богатейшей техники — все это даст стране огромное количество наиболее дешевого хлеба. Уже в 1954 году новые совхозы Павлодарского и Акмолинского трестов дали государству хлеб по себестоимости ниже плановой.

Освоение громадных массивов вековой целины в степях Казахстана вызвало огромные, разительные изменения в культуре и экономике республики. В пустынных, вчера еще безлюдных степях возникли и продолжают возникать благоустроенные поселки новых зерновых совхозов и МТС. В сущности, эти поселки превращаются в благоустроенные городки, в культурные центры с их телефонной связью, телеграфом и радио, почтой и школами, больницами и детскими домами.

Развернулось широкое строительство усовершенствованных грейдерных и узкоколейных железных дорог. Здесь уже возникло немало предприятий по производству строительных материалов и заводов сельскохозяйственного машиностроения.

1954 год выдвинул тысячи новых мастеров земледелия в колхозах и совхозах. Массовый трудовой подъем в колхозных деревнях и аулах свидетельствует о том,

что у тружеников социалистических полей нет более важной заботы, чем забота об умножении общественной социалистической собственности и об укреплении могущества Родины. Мастера высоких урожаев есть теперь в каждом колхозном селе и ауле республики.

Полвека тому назад Лев Николаевич Толстой опубликовал весьма любопытную книгу, написанную крестьянином бывшего Минусинского уезда Тимофеем Бондаревым. В этой книге, озаглавленной «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца», автор писал: «Я от имени всех земледельцев пишу и ко всем сколько есть вас на свете, не работающим хлеб на себя. Вся моя история состоит только в двух словах: во-первых, почему вы по первородной заповеди сами для себя, своими руками хлеб не работаете, а чужие труды поедаете? Во-вторых, почему у вас ни в богословских, ни в гражданских, ни в каких писаниях хлебный труд и трудящиеся не ободряются, а донельзя унижаются?»

И далее: «Сколько много на свете уму непостижимых хитростей, на всякое изделие придуманы машины: где бы нужно сто человек работать, там одна машина чище всяких человеческих рук работает, хлебная же работа, как крестьяне сами придумали еще с незапамятных времен, так и мучаются».

В этой простой, правдивой, написанной кровью человеческого сердца крестьянской исповеди запечатлен безрадостный, каторжный труд подавленного беспроектной нуждой и гнетом буржуазно-помещичьего строя русского мужика. Автор этого скорбного и гневного сочинения был, бесспорно, одаренным, талантливым русским земледельцем — это чувствуется в каждой строке его глубоко волнующей, искренней книги. Но не было и не могло быть в ту недавнюю и навсегда ушедшую дореволюционную пору никаких условий для вдохновенного, творческого труда мастеров земли, талантливых и самобытных умельцев земледелия. Ссылаясь на разные «хитрости» и машины, применявшиеся в те времена в капиталистической промышленности, минусинский хлебороб не мог назвать ни одной доступной

ему машины и «хитрости», при помощи которой он мог бы облегчить тяжелый и неблагодарный в то время свой труд. Миллионы русских земледельцев, занятых «хлебной работой», гнули в три погибели спины за древней сохой, единственной «техникой» деревенской бедноты.

Полвека спустя после обнародования Л. Н. Толстым сочинения Тимофея Бондарева казахстанская колхозница лауреат Сталинской премии Ольга Калистратовна Гонаженко тоже опубликовала книжку: «Мой опыт выращивания высоких урожаев сахарной свеклы». Если сочинение минусинского крестьянина Тимофея Бондарева мы называем скорбной, обличительно-гневной исповедью, то скромную книжку Героя Социалистического Труда Ольги Гонаженко можно назвать светлой, волнующей повестью советской крестьянки о радости творчества, о торжестве коллективного труда, о новой, счастливой судьбе советского крестьянина. Эта скромная, простая женщина, вырастившая на колхозных полях небывалый в мире урожай сахарной свеклы, пишет в своей книжке о том, что «теперь крестьянин-колхозник в своем труде не один в поле воин, а член большого дружного коллектива. Он постоянно чувствует локоть своих товарищей, творческую поддержку механизаторов, агрономов и ученых. Труд в коллективе стал для нас, советских крестьян, источником светлой радости».

Если одинокий, задавленный нуждой дореволюционный русский крестьянин Тимофей Бондарев в отчаянии готов был проклясть свою каторжную «хлебную работу», то труд колхозных мастеров земледелия дает людям счастье и радость. У Тимофея Бондарева мало было друзей в дореволюционной деревне. У Ольги Гонаженко их тысячи. Друзья этой талантливой, самоотверженной труженицы везде и всюду: в советской Прибалтике и на Украине, в Узбекистане и на Дальнем Востоке, в солнечной Молдавии и на Дону. Ежедневно Ольга Калистратовна получает письма от своих товарищей и подруг по сельскохозяйственному труду.

— Откуда только не пишут мне советские люди! — рассказывает Ольга Калистратовна.— Приятно созна-

вать, что твой скромный труд приносит пользу Родне. В 1949 году я получила по 1515 центнеров свеклы с гектара и с тех пор ежегодно снимаю такой урожай. А сейчас уже десятки колхозников и колхозниц свекловодов пишут мне со всех концов Советского Союза, что они, добившись на своих полях такого же урожая, обязуются дать еще больше. И мы вырастим такой урожай, потому что любовно обработанная колхозная земля, по-моему, не имеет урожаям предела.

То, о чем мечтал полвека назад автор скорбной и плавной книжки Тимофей Бондарев, достигнуто нашим крестьянством при колхозном строе. Об этом просто и скромно рассказала в своей книжке крестьянка, новатор земледелия Ольга Гонаженко.

Ничто внешне не выделяет эту невеликую ростом, скромную до робости русскую женщину из среды ее подруг по бригаде. Необыкновенно живые, шустрые глаза с искорками лукавства придают ее облику много той юношеской непосредственности, которая застывает иногда более зрелый возраст, и потому такие люди всегда кажутся значительно моложе своих лет. Склонная с виду к робости и смущению в разговоре с не близко знакомыми людьми, она совсем по-иному выглядит в кругу своих веселых, бойких и общительных подруг — ее верных помощниц в нелегком новаторском труде. Ни следа скованности в движениях, ни тени робости и смущения не остается в этой женщине, как только оказывается она в кругу привычных своих дел и забот на свекловичной плантации.

Никогда не засекречивая ни от односельчан, ни от колхозников других артелей своих новаторских методов ухода за посевами, Ольга тем не менее часто, уединившись с девушками, членами своей бригады, подолгу заговорщицки перешептывается все об одном, все о том же: а не рискнуть ли применить некое новое удобрение, о котором вычитала она вчера в попавшейся под руку книжке по агротехнике? Не подкормить ли свеклу новым минеральным составом, который, как ей думается, пойдет впрок? Любая творческая догадка, изобретательность и смекалка этого талантливой организатора свекловодов предварительно горячо обсуж-

стительным, хорошо обставленным клубом, мощным районным и семилетней школой? И не люди ли, взрастившие сад, приумножившие общественное богатство, удерживают собой это преображенное село?

«Работа — она штука долговекая, — сказал уральский художник слова Павел Петрович Бажов. — Человек умрет, а дело его останется. Вот и смекай, как жить-то!» И по всему видно, такие, как Савва Калугин, смекают, как жить. Недаром у нас один за другим вышли в миллионеры к началу этого года такие колхозы, которые в недавнем прошлом слыли за середнячков, а то и за безнадежно «тяжелых». Это колхоз «Путь к социализму» и другие. И вот что важно: по внешнему облику колхозных сел можно судить о том, как хорошо зажили в них люди.

Но есть, к сожалению, и другие села, как, например, районный наш центр станица Пресповская. С некоторых пор она утратила славу благоустроенного села. И если сравнить ее с обжитым домом, то только с таким, в котором нет радивого хозяина, а стало быть, и должного порядка, опрятности и уюта.

Наша станица — одно из самых старейших, так называемых линейных русских поселений не только в Северном Казахстане, но и в Западной Сибири. В 1952 году она могла бы отметить свое двухсотлетие. Могла бы, если бы нынешние хозяева района проявили интерес к ее примечательному прошлому, более деятельно и активно жили бы сегодняшним ее днем и выказывали бы заботу о ее будущем.

В канун Отечественной войны станица за одно лето обогатилась хорошим типовым зданием районного Дома культуры, тепловой электростанцией и отлично оборудованным — с летним театром, спортивным городком, читальней, рестораном, танцевальной площадкой и различными аттракционами — Парком культуры и отдыха. В строительстве всех этих очагов культуры принимало деятельное участие не только все население станицы, но и колхозная молодежь ближних к райцентру сел. Успех дела решали в конечном счете не деньги, которых не ахти как много было сколочено для этих целей,

а люди — их трудовое участие в культурном благоустройстве своего районного центра.

Ключом была тогда творческая энергия в драматических и хоровых, музыкальных и хореографических коллективах художественной самодеятельности станицы. Один за другим шли спектакли классических и современных советских пьес, поставленные на сцене Дома культуры местными артистами во главе с их старейшим руководителем, бесспорно одаренным режиссером, работником связи Иваном Андриановичем Тарановым.

Частые постановки пьес чередовались с не менее яркими концертами, с тематическими вечерами и увлекательными лекциями. И ярко освещенный по вечерам, со вкусом обставленный, уютный и теплый Дом культуры ломился от зрителей. Но еще многолюднее, шумнее и веселее бывало в летнюю пору в чудесном станичном парке, где играл в погожие вечера духовой оркестр и волшебные краски летучих фейерверков порой затевали в ночном небе над парком мятежную свою игру...

Так было... И вот как стало.

Четвертый год печально безмолвствует любовно и бережно возвращенный старожилками брошенный, разгороженный, обреченный на гибель парк. Только и живности в летнюю пору в нем, что телята, мирно пасущиеся по заглохшим аллеям, да лошади, спасающиеся от овода в тени его общипанных кленов. И вот уже поднялась чья-то варварская, злая рука на чету тридцатилетних светлых березок, что некогда встречала у входа в парк толпы веселой, шумной молодежи. Теперь от этих застенчивых северянок остались одни обезображенные ударами топора пеньки с обледенелыми каплями сока в зарубках да несмелыми намеками на побеги у самых корней, прочно уцепившихся за животворную землю... А поодаль от них пока еще красуется ветреный хоровод более юных березок, словно выскочивших из парка к кому-то навстречу. Но похоже, что и перед этими невинными созданиями не дрогнет в разбойничьей руке топор, начавший уже над обреченными деревьями палаческую расправу.

Однако если не дрогнет топор в руках вредителя, безнаказанно разбойничающего в общественном саду, то, может быть, дрогнет сердце при взгляде на гибнущий парк у отцов нашего района? Не знаю, не берусь судить. Но по некоторым признакам, не такое уж слабое у них сердце.

Нам могут заметить, что Парк культуры и отдыха в Пресновке все-таки есть. Так, по крайней мере, имеются тут скромный школьный садик, обнесенный невращающейся изгородью, с незаманчивыми воротцами и оборудованный... пивным ларьком! Впрочем, и пива там не бывает. Но водки — залейся! А так как никаких иных намеков на культурный отдых в этом «парке» нет, — тут и присесть-то не на что, — то одни из посетителей в охотку, другие от смертной скуки, пошатавшись по скучному садiku, становятся в очередь к унылому ларьку...

И не удивительно, что оказанный, превращенный в питейную «забегаловку» школьный сад, став с недавних пор запретным для ребятишек, утратил былую свежесть и чистоту. Без воинственной мальчишеской беготни по полутемным его аллеям, без молодецкого их свиста и таинственных переключек в зарослях старых акаций, без детского смеха и пионерских напевов — без всего того, что красило издавна этот заветный зеленый лагерь станичной детворы, томится он нынче в тихой скуке с весны до осени, отрешенный от детей и не очень-то жалюемый взрослыми...

А по соседству с этим приунывшим «питейным рай-садом» возвышается на центральной станичной площади некогда знаменитый Пресновский дом культуры. Знаменитый без кавычек. О нем частенько упоминалось с похвалою в областной и республиканской печати, и похвала эта была в прошлом вполне заслужена. А в одном из последних киножурналов Алма-Атинской киностудии, посвященном итоговому концерту республиканского смотра сельской художественной самодеятельности, этот, в сущности, довольно-таки скромный наш клуб назван даже Дворцом культуры. Это, видимо, так польстило руководителям Пресновского района, что они, посмотрев киножурнал, незамедлительно при-

няли на бюро райкома партии решение о переименовании скромного клуба в Дворец культуры, попутно предупредив в конце этого же поспешного решения директора «дворца» Петра Федоровича Батырева о том, что ежели он не покончит с пьянством в служебное время, то будет в конце концов отстранен от **высокой** должности...

О Пресновском доме культуры, если угодно, имеется уже и специальная литература. Так, в конце прошлого года Казгосиздат выпустил в свет произведение Е. Ивановой, сотрудницы республиканского Дома народного творчества, написанное автором, как это явствует из текста, со слов все того же директора Дома культуры П. Ф. Батырева. Если поверить на слово авторам этого столь же бойкого, сколь и, мягко говоря, малоправдивого сочинения, то можно подумать, что Пресновский дом культуры — явление и поныне из ряда вон среди всех сельских его собратьев в Казахской республике. Тут и бурная деятельность наших драмкружковцев с их частыми постановками новых спектаклей и с углубленной работой самодеятельных актеров над ролями чуть ли не по системе К. С. Станиславского, тут и еженедельные «четверги» молодежи, и так называемые тематические вечера — встречи с механизаторами МТС и мастерами высоких урожаев, и дни «сельской интеллигенции», и активная деятельность лекторской группы... Не забыты даже кружки кройки и шитья и авто-мотоспорта...

Так картинно выглядит наш Дом культуры в бойком сочинении Е. Ивановой и ее, видать, не скупого на воображение соавтора П. Батырева. Но все это сущие вымыслы. К сожалению, ничего похожего на это досужее сочинение здесь ныне нет. В прошлом — это другой разговор — все или почти все это было. Но это было давно, и мало кто помнит в станице, когда именно это было: десять ли, пятнадцать ли лет назад... Авторы, между прочим, утверждают: «В помещении Дома культуры тепло и уютно». А на самом деле и чудовищно холодно и совсем неуютно. Наоборот, неприятно, неряшливо и постыло, как на каком-нибудь захудалом постоялом дворе, что водились у нас на Руси

в допотопное время... И ни одного спектакля за зиму не увидели ныне станичники, и ни один кружок не работает. Да и работать кружкам, в сущности, негде: предназначенные для них комнаты Дома культуры заняты... аппаратом работников районного отдела культуры.

Цитируя самого себя в вышеупомянутом сочинении, П. Батырев заявляет: «Можно смело сказать, что мы не выполнили бы и десятой доли той работы, если бы не опирались на актив, на людей, которые искренне, горячо заинтересованы в своем Доме культуры». Вот тут-то и зарыта собака! А еще куда бы было смелее признаться, что не только десятой, но и тысячной доли не сделано из того, о чем расписано так отважно и не совсем грамотно в этом коллективном творении. И не сделано только потому, что давным-давно растерян тот самый актив, творческой деятельности которого и обязан был в прошлом своей заслуженной славой Дом культуры. И старый актив растеряли и нового не сколотили.

Так иногда лихо и гладко пишут о сельской жизни иные залетные, не в меру легковверные авторы-верхогляды, сознательно забывая про те овраги, по которым приходится ходить местным жителям. Но во сто крат хуже, когда этих оврагов не замечают хозяева района и сочиняют не менее верхоглядские гладкие решения, в которых за трескучими дежурными фразами с «холодным нарезом» нет ни жизненной правды, ни конкретных задач. Именно к таким формальным отпискам от живой жизни относится, в частности, и решение бюро Пресновского райкома партии о работе местного Дома культуры. И разве только ради злой шутки уместно было заводить речь о переименовании его в дворец...

Недавно приглашенный в гости к одному из колхозников сельхозартеля имени Сталина, я встретил там немало моих земляков — старожилов станицы: механизаторов МТС и колхозных шоферов, бригадиров и рядовых колхозников. В числе прочих были председатель колхоза Михаил Гордеевич Михайлов и председатель сельсовета Сергей Родионович Савинков — оба корен-

ные пресповцы. Ну, слово за слово, зашел разговор и о моей работе. И гости стали наперебой говорить о том, что, по их мнению, я обязан буду «отразить» в новом романе. И весь разговор свелся к судьбе родной станицы.

— Хорошее, слов нет, отражай, — говорили мне товарищи, — только и самокритику не забудь...

Не стало, мол, у нас в Пресновке с некоторой порой былого порядка, не станица, а старорежимный аул с виду — ни улиц теперь в пей, ни переулков не угодаешь... Да разве это дело — восьмерым хозяевам в одном квартале селиться? Кто из нашего брата, старожилы, девятьсот десятого года не помнит? А найдутся и такие, которые и про восемьсот девяносто первый еще не забыли! Такое лихо, как пожар, и до гробовой доски не забудется... И вот похоже, что лихо это многим не впрок... Кварталы позагустили, и даже две полувековые наши площади позастроили...

— Стой, ребята! Как бы мне про главную нашу обиду не забыть! — прозвучал высокий голос старика-хозяина. — Я про наше станичное озеро говорю. Подумать надо, три года кряду рыбу садили, и все прахом. А какой окунь до войны водился, помните? А какая же рыба выживет теперь в нашем озере, если его авторота отработанным автолом травит, баня — помоями, промартель вонючую воду из пимокатного цеха туда же спускает?..

Очень крепко досталось тут председателю сельсовета Сергею Родионовичу Савинкову. Но я почту за долг вступить за него.

Сергей Родионович Савинков — один из лучших председателей сельсоветов нашего района. При деятельном участии депутатов Совета он сделал немало хорошего в прошлом и горячо стремится сделать многое для благоустройства родной станицы в настоящем. Да беда в том, что этот инициативный, распорядительный человек чувствует себя с некоторых пор связанным по рукам и ногам. Такое же ощущение испытывают и деятельные депутаты.

После двух опустошительных пожаров, почти дотла уничтоживших Пресновку в 1891 и 1910 годах, приго-

вором тогдашнего станичного общества был утвержден единый план застройки станицы. Сообразно с этим общественным приговором тогда же были образованы три новые площади — Центральная, Пожарная и Торговая — и в четко распланированных квартальных квадратах дозволено было ставить отныне не более четырех домов. Став в начале тридцатых годов центром крупного зернового района, станица бурно росла и застраивалась, как бурно растет и застраивается она и по сей день. Были построены десятки общественных и сотни жилых домов. Но никогда не нарушался при этом строгий порядок застройки, утвержденный полвека тому назад. Благодаря строгой планировке большая станица выглядела опрятной, собранной, уютной, как тот невеликий северный русский городок, о котором поется в хорошей советской песне...

Но вот с появлением в нашем районе новых руководителей не замедлили сказаться и новые порядки. Так, например, за один год с великодушного дозволения председателя райисполкома Анатолия Арефьевича Макарова были тесно застроены две площади. На одной из них, в центре станицы, были сооружены огромные оптовые склады райпотребсоюза, забитые теперь стронтельными лесоматериалами. Напрасно местный Совет, его председатель и все сельские депутаты бурно протестовали против тесной застройки площадей, да к тому же еще складами огнеопасных материалов, — все их решения и протесты ни к чему не привели.

Такая же чехарда началась в станице и с постройкой новых домов. Селиться стали теперь как бог на душу положит, не признавая никакой планировки.

Много решений за последние три года было принято сельским исполкомом о прекращении сброса промышленных нечистот в станичное озеро. Этот великолепный естественный водоем площадью в несколько десятков гектаров прозрачной, чистой воды изобиловал окунями и карасями. А теперь не осталось в нашем озере, кажется, ни одного малька. Виной всему этому преступное загрязнение озера нечистотами.

Я пишу эти строки в феврале. Еще бывает, лютуют

поутру в наших краях сорокаградусные морозы и трубят в ледяной свой рог, бьет в бубны лихая пурга. Но вот уже совсем не по-зимнему начинают светлеть залитые и слегка пригретые иной раз полуденным солнцем стволы и ветви деревьев в саду. Все светлей, все синей и синей становится с каждым днем высокое безмятежное небо с блуждающими легкими и пышными, как лебяжий пух, незимними облаками. Все отчетливей и резче выступают на фоне голубых снегов и бирюзового неба островки березовых перелесков и дремучие гривы рощ.

Скоро, скоро ударят в колокол веселые вешние ветры, и на смену трубному реву пурги зазвучат озорные свирели бурных весенних ручьев и серебряные песни незримых в бездонном небе жаворонков. И в древних, веками не троганных ни мотыгой, ни лемехом степях наших развернется битва механизированной армии за урожай.

1954 год.

2

ВЕСНА НА ДОРОГАХ

Вскором поезде Караганда — Москва, остановившемся на станции Петропавловск, оказалось всего семь свободных мест, и те мягкие. Суровый старик в дубленой сибирской борчатке, похожий на Льва Толстого, стоявший первым у билетной кассы, рассердился и стал пенять хорошенькой юной кассирше:

— Тридцать пять рублей? Это за сорок-то верст?! Креста на тебе, матушка, нет!

— Странные ваши слова, — отвечала укоризненно-притворно строгая кассирша. — Поезд скорый, вагон, повторяю, мягкий...

— Ну, мы ишо пока не миллионеры — деньгами-то сорить! Я оттуда за семь с полтиной прибыл, барышня!

— Правильно. С семьдесят четвертым. С пассажирским. В бесплацкартном вагоне, в сидячем. Точно, семь пятьдесят.

— Вагон был — куды с добром, чистая горница! И цена божеская, не по целковому с версты!

В нетерпеливой пассажирской очереди, вдруг пришедшей в движение, заворчали на замешкавшегося около кассы строптивного старика. Бравый парень в пельебно-сером ватнике, с вещевым мешком за плечами, стоявший вторым от кассы, сказал, слегка коснувшись рукой плеча старика:

— Ты, отец, не рядись. Вечером же пятьсот веселый идет. Там за тройк со свистом доедешь. Куда торопиться? Тебе вель, небось, не целину подымать!

— Я свое отподымал, сынок...— угрюмо проговорил старик, и из-под дремучих седых бровей его сверкнули на парня глаза, не по возрасту ясные и озорные.

— Тогда посторонись маленько, папаша.

— А у тебя горит?

— Горит, батя.

— Орел! — полуудивленно, полунасмешливо сказал старик и тотчас же посторонился, уступая парню место у кассы.

— Так как, братва, насчет мягкого? Рискнем? — спросил парень стоявших в затылок за ним пятерых спутников.

Те переглянулись. Это были ребята один к одному. Все в одинаковых пепельно-серых стеганках, шегольски перехваченных армейскими ремнями, все в новых кирзовых сапогах, в лихо заломленных набекрень шапках-ушанках. У всех были одинаковые, туго набитые вещевые мешки за плечами. Один держал в руках патефон, другой — самый юный из спутников — красовался со старенькой шестиструнной балалайкой под мышкой.

Парень с патефоном заговорщицки перешепнулся с соседом:

— Может, один-то перегон и на ура проскочим, а?

— Можно бы и на ура, только, если на ревизора напоремся, у меня лично денег при себе на штраф не хватит,— сказал, застенчиво улыбаясь, парень с балалайкой.

Мимолетное колебание, однако, не помешало ребятам тут же всем враз, дружно и весело наказывать парню у кассы:

— Крой ва-банк, бригадир!

— Не пятьсот же веселого ждать!

— Откупай два купе, чего там!

Седьмое свободное место благодаря покупившемуся сердитому старику досталось мне, и через четверть часа мы уже расположились с ребятами в двух комфортабельных смежных купе мягкого вагона, как заправ-

ские пассажиры дальнего следования, хотя и ехать-то нам было всего одну остановку.

Парень, которого называли ребята бригадиром, сказал, оглядывая важно развалившихся на мягких диванах спутников:

— Культурно устроились. Как министры. А ну, Ваня,— обратился он к парню с балалайкой,— выдай по этому случаю твою ту полечку, как бишь она называется?

— С комплиментами!

— Вот, вот, эту самую,— подхватил бригадир.— Оторви.

Поезд неслышно тронулся, и в тот же миг брызнули искрящиеся звуки балалайки — старенькой, неказистой, но неожиданно певучей и удивительно звончатой. Затем на секунду звуки умолкли и снова вырвались, как бурный вешний ручей из-под снега. Струны то заливались жаворонком, купающимся в потоках весеннего тепла и света, то отбивали соловьиную трель, то начинали звенеть, как серебряный девичий смех, полный огненного задора и невинного лукавства.

Тут бригадира словно ветром сорвало с места, и он, картинно придерживая в воздухе невесомую руку воображаемой своей партнерши по танцу, чисто отработал послушными на лихую пляску ногами несколько заковыристых фигур. И положительно невозможно было определить, кто был одареннее: самодеятельный ли, застенчиво улыбающийся музыкант с его старенькой балалайкой или отплясывавший под его игру бригадир с его врожденными задатками самобытного артиста.

После столь мгновенной и яркой вспышки художественной самодеятельности мы — слово за слово — разговорились. Ребята оказались моими попутчиками до конца неблизкого пути. Это были трактористы, прибывшие в наши края на освоение целинных земель с далекой Кубани. Задержавшись в тресте с оформлением путевок, они запоздали на предыдущий поезд, с которым уехали их товарищи, и теперь торопились поскорее добраться следом за земляками до места своего новоселья.

Не успели мы толком перезнакомиться, как проводник предупредил нас: приготовиться к выходу! Путешествие с удобствами завершилось. Далее нам предстояло преодолеть нелегкий двухсотпятидесятикилометровый путь на попутных грузовых автомашинах по неторным местам, затопленным и размывтым полтой внешней водой проселочным дорогам, что пролегали к югу от Великого Сибирского пути, в глубь овечьих зыбкой дымкой североказахстанских степей, в зону строительства новых зерносовхозов. Четверо из моих спутников с комсомольскими путевками рвались подоспеть к началу подъема целины в Джамбулском зерносовхозе, двое остальных спешили в совхоз Украинский. Оба эти совхоза были соседями и базировались пока что в открытой степи на целинных землях Пресновского района.

Невеликая, вчера еще малоприметная на Транссибирской магистрали железнодорожная станция Мамлютка, где мы спешили со скорого поезда, выглядела теперь непривычно многолюдной, шумной и оживленной. Она напоминала сейчас бойкий сортировочный узел на подступах к большому индустриальному городу или же огромную заводскую площадку — такой непрерывный металлический скрежет, грохот и гул царили на станционных ее путях, забитых платформами с уникальной отечественной техникой, и так гудела не раскованная еще припоздавшей весной земля от волнообразного рокота тракторных и автомобильных моторов в просторных степных ее окрестностях.

Напряженно и бурно бился здесь пульс волнующей новизной торжествующей жизни. Всюду, куда ни глянь, дружно и споро работали люди с явной душевной охотой, с веселым сердцем, засучив рукава. В одном месте разгружались платформы с дизельными тракторами, дисковыми боронами, сеялками и пятикорпусными плугами; в другом — представители МТС и экспедиторы новых зерносовхозов принимали по актам только что прибывшие в их адрес бензовозы; в третьем — устанавливали на специальные тракторы-прицепы огромную цистерну емкостью в 50 тонн; в четвертом — гру-

зили на автомашины стандартные детали сборных домов и тюки походных палаток, луженые котлы и армейские кухни, катушки телефонного провода и компактное оборудование полевых раций. Это был драгоценный груз, присланный Родиной пионерам освоения целинных земель. И надо было видеть, как бережно обращались с этим грузом неспящие руки благодарных людей, готовых к подвигам в великой народной битве за превращение древней, седой от вековых ковылей земли в дремучие, как камышовые займища, залитые потоками света и золотым дождем плодородия нивы!..

В расчете на встречу с попутными грузовыми автомашинами мы выбрались с ребятами на грейдированный тракт и, облюбовав на обочине место посуше, расположились на привал походным биваком.

Припекало. Над пестрой от нечастых пока проталин степью текли трепетные, призрачно мерцающие вдали струйки марев. Невесомые, как газовые девичьи шарфы, облака кой-где приметились в синем, пронизанном сквозным светом небе. На большой высоте шли — косяк к косяку — возвращающиеся в наши края с неуютных чужих берегов дикие гуси, и сдержанно-радостный гогот их томил, волновал и тревожил душу.

— Есть предложение заправиться, земляки, — сказал Василий Гапжело, тот, кого величали бригадиром.

— Порядок. Есть заправиться! — с живостью отозвался на его предложение веснушчатый парень и, ловко подкинув в центр нашего полукруга свой вещевой мешок, с услужливой расторопностью достал из него хлеб и три увесистые плитки свиного сала.

Другой парень столь же поспешно разостлал на земле развернутую газету, которую только что молча читал. Стол был накрыт. Сдвинувшись потеснее, мы на равных правах принялись за нехитрое угощение с тем аппетитом, который знаком только дорожным людям и земледельцам, познавшим сладость простой и здоровой пищи в степи, на вольном весеннем ветру, под открытым небом.

— Хлеб да соль, молодцы! — прозвучал вдруг над нами глуховатый доброжелательный голос.

Взбросив глаза, мы опешили: перед нами стоял знакомый нам старик, похожий на Льва Толстого.

— Вот номер! — с восторгом воскликнул парень с веснушками, глядя на невозмутимого старика изумленными, смеющимися глазами. — Да ты, отец, не на парашюте ли до нас приземлился?

— Не хуже того, сынок... Это ты ведь меня на пятьсот веселый обрек, а я не оробел да с курьерским прямым маршем и прибыл.

— Интересно девки пляшут! Да ведь билетов-то больше ни духу не было!

— Была бы, парень, смекалка!..

— Неужели на «ура» прикатил, папаша?! И на штраф не нарвался? — с тревожным изумлением поспешно спросил старика владелец патефона и почти угрожающе посмотрел при этом на смущенно улыбнувшегося ему балалайщика.

— От штрафа уберег бог. Я на этот счет мужик обоюдный, — проговорил с облегченным вздохом старик и, опустив усталым движением с плеча на землю крапивный мешок с дорожной поклажей, присел на него, сняв шапку.

— Силен! — заметил как бы про себя бригадир. — Тогда придвигайся, батя, к столу. Подкрепись с нами.

— Благодарствую. Было дело.

Все помолчали. Потом один из ребят спросил:

— И далеко следуешь, папаша?

— А восвояси, сынок. Восвояси. В родной колхоз. Верст триста отсюда. В степь, — скупно отозвался старик, неопределенно махнув рукой.

— Неволя же была тебе в такую распутицу триста верст киселя хлебать!

— Не в диковинку! Крепче поспится.

Видя, что старик не проявлял охоты к доверительной беседе с ними, ребята тоже как-то сразу замкнулись, оставив его в покое. Аппетитно уплетая ломти пышной сибирской булки вприкуску с янтарным кубанским салом, они заболтали между собой безобидный вздор о дорожных своих приключениях. Старик сначала слушал их веселую болтовню с видимым безуча-

стнем, а потом насторожился и, поняв наконец из дальнейших их разговоров, с кем свела его судьба на этой дороге, вдруг проросветлел, и былая суровость его мгновенно исчезла. Пытливо приглядываясь к молодым спутникам нестарчески зоркими, полными живого любопытства глазами, он заговорил вдруг взволнованно, потирая свои большие, смолоду, видно, не привычные к праздности, грубоватые руки:

— Кубанцы? Далеко залетели, орлы! В добрый час, в добрый час, молодцы! Великое дело начинаете. И нелегкое. Это не с курьерским поездом один перегон на «ура» прокатить. Шутка, полтораста тысяч гектаров матерой земли за лето поднять, к примеру, в одном только нашем Пресновском районе, а по области, скажут, и в миллион не складешь! Такой почин только богатырям по плечу. Ну, да и армия в наших степях собралась, гляжу я, неробкая — молодец к молодцу, со всей России. И техники навалило — страсть подумать! Ничего не скажешь, сила! Только в технику-то, синовья, как в землю-матушку, ишо душу вложить надо. А земля в краях наших — золотое дно. Разработай ее с любовью, зашумят здесь хлеба, как моря, — не вычерпать!

— А вы что же, батя, коренной, тутошний? — уважительно спросил старика тронутый его доверительностью бригадир Ганжело.

— Теперь, можно сказать, коренной. С полвека уж, как тут укоренился. Мы сюда с покойным родителем из Воронежской губернии на переселение вышли. Не от сладкой жизни переселялся наш брат тогда на край света, каким казалась в ту пору эта степь. Землей мы, правда, были здесь не обижены, да не у всех новоселов хватало силы разработать ее. Пароконным плужиком целины не ахти сколь подымешь. Для этого дела тройка добрых коней была нужна. А большинство таких, как мы с родителем, тогдашних переселенцев с грехом пополам одной лошаденкой на новом месте обзаводились. А то, вконец разорившись за долгий путь, и этой радости не имели. Это вам нынче все карты в руки, а мы бы и рады в ту пору выиграть, да у нас ни козырей, ни масти.

Ребята, заинтересованно слушая старика, наперебой задавали ему вопросы:

— Чем же вы жили, отец, тогда?

— А тем, что землю свою с ходу — в аренду кулачью, а сами — в работники.

— Обратно к ним же?

— Как по заказу. Никуда не денешься.

— Веселая была жизнь! — насмешливо сказал один из трактористов, присвистнув.

— Вот так и веселили нашего брата эти варнаки, сказать вам про них по-сибирски, аж почти до новой нашей артельной жизни с тридцатого года. Было дело, погребли мы лопатами чистого золота с этих земель в их закрома невпроворот — горы горами. А сами всю жизнь перебивались на несладких чужих харчах — с квасу на воду. Вспоминать начнешь, сердце захлаждает.

— Ну, а нынче как тут живут?

— Не хуже добрых людей. Так я понимаю. От худой жизни мотоциклов и прочих там самокаток в драку бы в наших сельмагах не раскупали. Бабы, и те, скажу, у нас в свою механизацию ударились. Сепараторы почти в каждом доме, швейные ножные машины красуются в каждой горнице. В нашем, к примеру, Ворошиловском колхозе многие электрическими чайниками, утюгами и плитками обзавелись. А иные бедовые девки, посмотришь, на работе и то в шелку форсят!

— Девки у вас здесь, батя, все, должно быть, бедовые,— сказал, крутнув с веселым отчаянием головой, тракторист с патефоном, не спуская при этом сверкающих глаз с двух девчат, проезжавших мимо по тракту на паре быков в бричке.

Девушки, стоя в обнимку, словно позабыв про своих сонно бредущих быков, пели озорные частушки, жестоко высмеивая ненаходчивых ухажеров. Заметив издали нездешних ребят на дороге, они явно адресовали эти полные задора и вызова скороговорчатые свои припевки им, хотя демонстративно и не смотрели в их сторону.

— Смотрите, у вас быки буксуют, девчата. А ну, дайте-ка им газку! — стремясь привлечь к себе хотя бы

мимолетное внимание девушек, крикнул парень с телефоном.

Но девчата, не удостоив его ответом, только надменно поглядели в нашу сторону насмешливо прищуренными, позолотевшими от весеннего солнца глазами и снова как ни в чем не бывало дружно запели лихие свои частушки.

Ганжело, сделав вид, что не слышит ехидных девичьих припевок, спросил старика:

— И колхозы-миллионеры у вас водятся?

— А где же их нынче нету? — ответил тот на вопрос вопросом. За одну прошлогоднюю осень у нас в Пресновском районе их сразу шестеро объявилось. Теперь очередь за остальными; у них прямая к тому дорога. Скажу опять же про свой колхоз Ворошилова. Мы в этом году четыре тыщи га целины осилим. Земля — чернозем в аршин. На таких пластах зачерпнем хлеба, впору хоть собственный элеватор строить! Вот вам и прямые миллионеры. А ведь не одним хлебом мы живы. И скота у нас по всем видам в достатке и молодой плодоягодный сад не в убыток.

— Эге, да вы тут и сады разводите? — удивился кубанец.

— Взялись за ум. Спихватились. Шестой год об этом пекусь. Курсы даже на старости лет проходил вот по садовому делу. Теперь и ворочаюсь домой вроде с высшим образованием... — заключил со смутной улыбкой старик и умолк, заслышав глуховатый издали, стремительно нарастающий рокот автомобильных моторов.

Спустя две — три минуты против нас на тракте остановилась колонна грузовых автомашин. В кузовах, битком набитых людьми, звучал неумолчный веселый и бойкий говор, звенел прозрачный и хрупкий, как родниковые ручейки, девичий смех, и в молодых, возбужденно-шумных, непоседливых пассажирах этих машин тотчас же можно было угадать издали прибывших в наши края новоселов. Спросили — правильно. Это была очередная партия добровольцев из Москвы, Ярославля, Киева, Одессы, прибывших в Северный Казахстан по комсомольским путевкам. Все они, пересев в Петропав-

ловске с поезда на эти машины, ехали теперь к местам своего новоселья: в зерносовхозы и МТС, расположенные на целинных землях в глубин североказахстанских степей.

Нам с кубанскими трактористами было по пути. Не мешкая, погрузились в облюбованный нами, не столь густо набитый народом кузов новенького «ЗИСа», и шумная автоколонна тронулась под звуки крылатых молодежных песен в неблизкий, многих волнующий новизною путь.

Впереди простирались бескрайние, настезь распахнутые перед нами, залитые потоками вешней воды и яркого света степные просторы. Затерявшиеся в изумрудно-синей небесной бездне жаворонки славили первый теплый весенний день в незримые серебряные свои свирели. Далеко был слышен трубный, берущий за душу клич лебедей и восторженный говор опустившихся на озерное плесо, утомленных перелетом казарок.

Старый колхозный садовод, похожий на Льва Толстого, остался на тракте дожидаться попутной до своего колхоза машины. Стоя на обочине дороги, он напутственно помахал нам вслед своей мохнатой, похожей на казахский малахай шапкой, и пышная борода его, как поздний весенний снег меж проталин, сверкала на солнце алмазами...

А спустя пять дней, когда мы с уполномоченным ЦК КПСС по группе новых зерносовхозов тов. Утегалиевым вошли в палатку дирекции Джамбулского совхоза, директор его, Николай Яковлевич Татиевский, взволнованно докладывал кому-то по рации:

— Сегодня с рассветом тракторная бригада краснодарца Василия Ганжело и бригада армавирца Ивана Острикова первыми в нашем совхозе начали вешнюю пахоту целины...

Рапорт директора подтверждался издали долетавшим до стен брезентового шатра натруженным гулом дизельных моторов, который впервые за всю свою многовековую историю услышала теперь эта древняя, богатая животворными соками, не скупая на плодородие степь.

Первая борозда на целине!

Худо спалось ребятам, трактористам и прицепщикам из бригады Василия Ганжело, в памятные апрельские ночи, в канун развернутого наступления на целину. Что-то не пахло пока весной ни в тесноватой, не ахти как теплой палатке, ни за ее зыбкими стенами, трепещущими на неласковом, студеном ветру. Мелкий, нудный дождь, моросивший с обеда, перешел к вечеру в сухую, жесткую крупу, и окрестная степь показалась новоселам угрюмой и неприветливой.

Запоздавшая весна долго еще куражилась над новоселами, словно испытывая их терпение, и некоторые из менее выносливых — были, разумеется, и такие — наддули губы, започесывали затылки, завздыхали по далекой, привычной и милой сердцу кубанской земле...

Что и говорить, не легко было некоторым из кубанских ребят и девушек сохранить былую жизнерадостность и врожденный задор среди столь непривычной обстановки, когда весна скорее походила на позднюю осень, а ледяной ветер прохватывал до костей и снег вдруг порошил и порошил над степью, как в ноябре!

Чуткий, наблюдательный бригадир Василий Ганжело заметил, что первым из его ребят на глазах у всех приуныл веснушчатый балалайщик Ваня Зыкин. Вместо озорной и лукавой «польки с комплиментами», под звуки которой любил лихо обрабатывать новую землю своими отзвучивыми ногами бригадир, Ваня, перестроив свою шестиструнку на минорный лад, все чаще и чаще томил и тревожил душу своих товарищей протяжными, не шибко радостными песнями. Уронив на плечо свою светловолосую голову, Ваня любил теперь вполголоса напевать:

— Всю Россию я проехал.
Всю Сибирь пешком прошел.
Всю Сибирь пешком прошел,
Нигде милой не нашел!

Хотя бригадир и догадывался, что впадал в уныние Ваня не только от вынужденного, утомившего всех без-

делья, от бытовых неудобств и на редкость безрадостной погоды, но и от неотзывчивой на его душевные порывы юной прицепицы, однако это не нравилось бригадиру, и он, не выдержав, однажды грубовато оборвал музыканта:

— Ты, Иван, эту музыку брось. Не ко двору она нам. Не та, понимаешь, союзница в нашем деле!

Ваня обиделся, но, зная крутой нрав бригадира, смолчал. Вздохнув, он бережно отложил в сторону балалайку и, виновато улыбаясь, сказал:

— Для веселья земля эта пока мало оборудована!

— А ты думал, тут калачи для тебя на березах висят?

— Какие уж там калачи, если и берез-то не видно...

Все засмеялись. Но это был не тот уж смех людей, которым сам черт не брат, для которых вчера еще эта окрестная степь казалась морем по колено.

Нет, не ласково, не гостеприимно встретила бескрайняя североказахстанская равнина веселых и дружных, молодых и отважных людей — завтрашних ее покорителей. Отворив становые жилы своих бурных в весеннюю пору степных ручьев, займиш и рек, она преграждала дорогу колоннам груженых автомашин, и новоселы форсировали эти водные преграды с той же железной решимостью, с какой недавно форсировали их отцы и братья огненные рубежи на фронте. Трижды крешенные в ледяных купелях вешних вод, овеванные зыбким дымом внезапных в ту пору метелей, просквозенные косыми, сшибавшими с ног ветрами, они прорвались к исходным рубежам великого наступления на целину, и не все из них в канун решающих атак сберегли ту внутреннюю собранность и волевою решимость, которые свойственны настоящим солдатам, готовым к горячей битве.

Одних донимала в палатках не весенняя лютая стужа, других стало раздражать бытовое неустройство, третьих томилла непогода — холодные дожди вперемежку со снегом...

И Василий Ганжело, ревниво присматриваясь к ребятам, видел и понимал все это. Впрочем, он знал,

что для многих из них это было минутным настроением, мимолетным, проходящим проявлением душевного ослабления, и такие люди, как Ваня Зыкин с перестроенной на минорный лад балалайкой, не шибко тревожили настороженного бригадира.

Но были в его тракторном отряде и такие зачетные птицы, которым Василий внутренне не доверял с первой же минуты встречи с ними. Одни из них отбились от коллектива на первых же порах — в пути или в тяжелые дни базирования в открытой степи под открытым небом, другие оставались пока что в тракторных отрядах, в строительных бригадах или толкались среди шоферов. Одни из таких затесался в учетчики тракторной бригады Василия Ганжело.

Это был Виталий Важко — не в меру развязный, бойкий парень с красивыми нагловатыми глазами и манерами дамского парикмахера. В Краснодаре, до поездки на целину, он, говорят, работал в авторемонтной базе не то экспедитором, не то снабженцем. Но было что-то не похоже, чтобы этот ловкий в движениях молодой человек имел когда-либо хоть какое-нибудь отношение к физическому труду. Странно было видеть в кругу затянутых армейскими ремнями, крепко сбитых, грубоватых с виду кубанских парней этого чужеродного для них человека в модном пальто с сомнительно широкими плечами, в зеленой велюровой шляпе.

Но дело вопреки поговорке было вовсе не в шляпе. Дело в данном случае оказалось в... гитаре, на которой очень эффектно играл учетчик. Впрочем, эффектно играл Виталий Важко не только на гитаре, а и... в карты и мало-помалу втянул в эту нечистую игру почти всех трактористов бригады. Искусно ведя игру «с переменным успехом», он в конце концов «обчистил» их всех, а застенчивый Ваня Зыкин в отчаянии проиграл этому жулику даже свою балалайку. И только благодаря резкому вмешательству взбешенного всем этим бригадира Ваня не лишился любимого своего инструмента, как равно и проигранных им под запал новеньких кирзовых сапог.

Что же касается гитары, то этот скромный лирический инструмент превратился в руках Важко в агрессивное оружие против девушек. Начинал лихой гитарист обычно с жестоких романсов, потом переходил к двусмысленным куплетам, которые он умел напевать сладко и вкрадчиво под собственный аккомпанемент, а кончал циничными пристаиваниями с угрозой применить «мертвую хватку».

Василий Ганжело не сразу разгадал в нем отщепенца и хулигана. Ему, видимо, не доводилось прежде сталкиваться с подобными типами, которые под внешним лоском и «культурными» манерами ловко скрывают свое грязное, гнилое нутро. Но как дело дошло до карт, Ганжело насторожился, почуяв в лихом гитаристе опасного врага. Этот человек мог разложить еще не окрепший в труде молодой коллектив.

Положение было неопределенное, муторное. Содня на день, с часу на час все ждали приказа дирекции о развернутом наступлении на целину. А приказа все не было. После запоздало бурного снеготаяния и чудовищной распутицы на дорогах весной 1954 года целинные степи снова сковало неслыханными в такую пору морозами. Земля звенела под кованым конским копытом, где ж тут было думать о пахоте! И трактористы, ютившиеся в тесных, нежарких брезентовых палатках, вынуждены были томиться без дела и убивать время кто как мог. Тут-то и развернул свои «таланты» гитарист и картежник Важко.

Как-то под вечер, когда Василий Ганжело сидел над планом своего участка, к нему в палатку вбежала Валя Коврова. Она была чем-то взволнована, и по-детски пухлые яркие губы ее еле заметно дрожали.

— Что случилось, Валя? — с беспокойством спросил бригадир.

— Ничего выдающего... — замялась девушка и тут же поправилась: — Ничего выдающегося, девчата меня послали.

— Говори.

— Мы решили уйти из вашей бригады.

— Кто «мы»?

— Девчата все. И тетя Даша тоже.

— Как это уйти? Куда?

— Куда-нибудь. Ну, хоть бы в строительные бригады. Там дело не терпит. И вообще...

— Что вообще?

— И вообще там сподручнее...

Из дальнейшего разговора Ганжело так и не мог понять толком, что заставило девушек принять столь неожиданное решение. Но по стеснительному поведению неробкой в других случаях Ковровой, по ее уклончивым ответам он все же догадался, что девчонки напугались не трудностей бивачной жизни, а чего-то другого, о чем Валя умалчивает. Василий пытался выведать это «что-то», но дипломат он был плохой и успеха не имел. Ему и в голову не приходило, что девчата бегут от Важко. Он уличил учетчика в шулерской картежной игре и, припугнув его прокурором, принудил возратить попавшимся на удочку ребятам все выигранные у них личные вещи. Но он ничего не знал о ночных похождениях бравого гитариста. Поэтому, ничего не добившись от прицепщицы, бригадир отпустил ее, пообещав тотчас же доложить о ее просьбе дирекции. Но только успела уйти Валя, как явился не менее взволнованный Ваня Зыкин. Этот уже напрямую, с ходу раскрыл перед бригадиром все.

— Девчата не по своей охоте от нас уходят. От гитариста бегут. Боятся.

— Кого?

— Да я же говорю — гитариста. Он им проходу не дает. Грозится.

— Чем же они ему не угодили?

— Известно чем, не таковские...

Ганжело рассвирепел. Много не раздумывая, он решил немедленно избавить бригаду от сомнительного добровольца.

Но под вечер в таборе появился один руководящий товарищ из районного центра — тучный, рано ожиревший человек с сонными глазами. Выслушав бригадира, ответственный не одобрил его намерений.

— Нет, дорогой товарищ, — сказал глухим баском ожиревший, — тут надо поосторожнее. Важко, как ни говори, патриот. Он сюда с путевкой приехал...

— Да какой же он, сукин сын, патриот, коли весь наш коллектив возмутил!

— Таких воспитывать надо. Всем коллективом, а не гнать.

— Ну, хорошо, — сверкнув глазами сказал Ганжело. — Мы его завтра воспитаем! — И, проводив заезжее начальство, в тот же вечер собрал на совет комсомольцев бригады. Было решено обсудить поведение учетчика на общем собрании бригады.

Собрание состоялось на другой день утром, вблизи бивачных палаток.

Низкое, по-осеннему хмурое, мутно-серое небо висело над пустынной степью. На макушках окрестных курганов ржавокрылые беркуты дремали, угрюмо сторожа извечную в этих краях тишину. Неуютно и студено было стоять на холодном ветру в это непогожее, хмурое утро. Трактористы и прицепщики в туго подтянутых солдатскими ремнями серых ватниках выстроились вдоль колонны новых, не обкатанных еще тракторов и были похожи сейчас на танкистов, готовых к бою. И вообще что-то бесконечно волнующее, памятно-фронтное было в этом не совсем обычном собрании. Трактористов никто не приглашал строиться, но они построились около тракторов в одну шеренгу, как это делали перед походом танкисты.

Правофланговой стояла дородная, недоступно строя в эти минуты бригадная повариха тетя Даша. Левый фланг замыкал застенчивый Ваня Зыкин, выглядевший сейчас еще более застенчивым рядом с озорной, бойко посверкивающей черными глазами Валеи Козровой. И только один меланхолично-рассеянный учетчик в небрежно сдвинутой набекрень зеленой велюровой шляпе стоял на отшибе от строя, как сторонний наблюдатель, случайно оказавшийся вблизи чужих и непонятных ему людей.

Не было ни президиума, ни докладчика. Когда в последнюю минуту к стоявшему перед строем Василию Ганжело присоединились подъехавшие на «гази-

ке» директор зерносовхоза В. П. Татиревский и парторг А. В. Бондарчук, бригадир сказал:

— Общебригадное собрание объявляю открытым.

Потом помолчал, покашлял, переступил с ноги на ногу и заговорил уже совсем обыденным, неофициальным, глуховатым своим голосом:

— Дело у нас короткое, товарищи. Мы прибыли сюда работать, а не речи говорить. Так я понимаю?

— Вот именно! — неожиданно подтвердил учетчик с вызывающим, нагловатым смехом.

— А ты пока помолчи. Я за тебя скажу, — строго оборвал его бригадир.

— Ну, ну. Валяй. Послушаем, — сказал с папусковым равнодушием Виталий Важко.

Было видно, что он не подозревал о значении этого собрания, и потому держал себя со свойственной ему развязностью. Но, как и большинство людей его толка, он был труслив и тотчас же сжимался в комок перед силой, способной обескуражить и подавить его. Это хорошо знал Василий Ганжело — он давно разгадал мелкую душу гитариста — и потому сразу же перешел в наступление.

— Не знаю, как вы, товарищи, — сказал бригадир, обращаясь к стоявшим в строю членам своей бригады, — не знаю, как вы, а я считаю, что пора нам с гитаристом проститься.

Сказав это, бригадир замолчал. Молчали и все. Было видно, что члены бригады согласны с заключением своего руководителя. И именно это более всего напугало гитариста. Узкое его лицо злобно передернулось, и он крикнул срывающимся бабьим фальцетом:

— Это за какие же грехи?!

— Не за грехи, а за подлость, — сдержанно поправил его бригадир.

Важко, рванувшись к Ганжело, прошипел, задыхаясь:

— Ты мне ответишь за это, гад!

— Отвечу, — спокойно сказал бригадир и, обращаясь к членам бригады, спросил: — Правильно я поправил его, ребята?

— Подлец, факт, — прозвучал в ответ басовитый голос правофланговой, тети Даши. Она вышла на шаг из строя и строго добавила: — Есть в народе поговорка насчет паршивой овцы, которая стадо портит. Завелась, на нашу беду, такая овца и в нашей бригаде. Невдомек мне вот только, кто это в Краснодаре придумал пожаловать почетной путевкой такую скотину, как Важко? Стыд!

— Ты, повариха, поосторожней на поворотах, а то без головы останешься! — выкрикнул Важко.

— Не запугивай. Не из робких. Я тебе не Валя Коврова и не Ваня Зыкин!

И тут строй трактористов дрогнул, пришел в движение. Через мгновение растерянный и бледный Важко очутился в кольце окруживших его возбужденных людей. Перебивая друг друга, заговорили все сразу:

— Жулик!

— Шпана!

— Ни одной девчонке проходу не дает!

— Гнать его в три шеи!

— Хватит нашу бригаду срамить!

— Отобрать у него путевку!

Все теснее сжимая глухое кольцо вокруг растерявшегося от страха и злобы гитариста, люди, казалось, готовы были пустить в дело крепкие кулаки. Но Василий Ганжело, уловив критическую минуту, сумел вновь завладеть вниманием:

— Слово имеет директор совхоза товарищ Татиевский.

Гул голосов стих.

— Вот что, дорогие товарищи, — намеренно неторопливо и негромко заговорил директор. — Вижу, крепко вам всем насолил тут этот приятный с виду молодой человек в шляпе. И хорошо, что вы сами заговорили об этом. Никуда не годится, конечно, терпеть в трудовом коллективе таких, можно сказать, «культурных» картежных шулеров и хлыщей. Этот хулиган в велюровой шляпе, с гитарой в руках, пожалуй, опаснее его собрата с финкой за пазухой. Не сразу раскусишь такого — с какого боку тебя пырнет. А вот вы молодцы,

раскусили. Спасибо. И решили, мне кажется, правильно. Не место вам, молодой человек приятной наружности, в честном трудовом коллективе! — заключил директор, обратившись к Важко.

Выдержав небольшую паузу, Василий Ганжело спросил членов своей бригады:

— Ясно, товарищи?

— Вполне, — прозвучало в ответ несколько голосов.

— Кто за то, чтобы Виталия Важко как не оправдавшего народного доверия лишить комсомольской путевки и отчислить из нашей бригады, прошу поднять руки.

И смотревший в землю Виталий Важко скорее почувствовал, чем увидел, упрямо взметнувшись к небу руки.

— Кто против? Нет. Кто воздержался? Нет таких. Порядок!

Важко несмело поднял глаза, мельком оглянул строгие, спокойные лица людей, которых он уже не имел теперь права назвать своими товарищами, и растерянно закурился на месте.

— Ну, все, — сказал бригадир гитаристу. — Мы тебя больше не держим. — И круг трактористов тотчас разомкнулся.

Надвинув на лоб зеленую свою шляпу, точно норовя прикрыть этим неловким жестом отчужденный, трусливо-блудливый взгляд, Важко передернул плечами и изобразил на своем лице жалкое подобие знакомой всем циничной улыбки.

Все молчали и в упор смотрели на отщепенца. Любимец бригады пес Валетка, лохматый, весь в репьях, подошел к тете Даше и удивился, что добрая к нему повариха на этот раз не приласкала его. Преданно взглянув на нее своими зелеными глазами, в которых было удивление, Валетка присел на задние лапы и притих, тоже как бы чего-то выжидая.

А Важко, точно очнувшись от минутного забвения, круто повернулся к стоявшему поодаль директору, спросил его с наигранной развязностью:

— Что ж, начальник, выходит, можно отчаливать?

— Выходит, можно, — сухо ответил директор.

— А как насчет транспорта?

— То есть о каком транспорте речь? — спросил, в свою очередь, удивленный директор.

— Странный вопрос! Не пешком же я за две сотни верст до станции отсюда пойду?

Директор с презрением посмотрел на этого хлыща и, ничего не сказав, пошел к машине.

Члены бригады разбрелись по биваку: кто к костру полевой кухни, кто к палаткам, кто к тракторам. Было похоже, что все они сразу же позабыли об оставшемся стоять в одиночестве незадачливом гитаристе, случайном и лишнем попутчике на большой, нелегкой, но заманчивой и радостной дороге к яркому завтрашнему дню.

...А наутро выдался тот день, которого так долго и страстно ждали трактористы и их друзья прицепщики. Брызнув жаркими потоками тепла и света, появилось над бескрайней степью настоящее весеннее солнце. Купаясь в потоках весеннего тепла и света, затрезвонили, как тысячи серебряных свирелей и бубенчиков, незримые жаворонки, взревели мощные моторы гусеничных тракторов. Час пробил, и бригада Василия Ганжело вышла в наступление на целину.

Это было в четыре часа утра. Вслед за условным сигнальным ударом гонга машины дрогнули и при торжествующем лязге и грохоте железа двинулись в первую борозду. Степь как бы вздыбилась перед глазами изумленных, пришедших сюда издалека людей.

В этот памятный час первого наступления на целину в бригаде Василия Ганжело волновались все: от пожилого бывалого агронома Петра Лукича Ведерникова до бригадной поварихи тети Даши. Но больше всех волновался, пожалуй, сам бригадир. По единодушному решению бригад, честь первой борозды на вековой целине была предоставлена ему. Не найдя достойных слов для такой торжественной минуты, бригадир молча поклонился своим товарищам и с обнаженной головой поднялся в кабину головного трактора. Не спуская напряженного взгляда с чуть приметной в далеком степном просторе разметочной

вешки землеустроителя, он повел за собой всю колонну.

Сидящая на прицепе головного трактора Валя Коврова, опустив рычаг регулятора на заданную глубину, с восторгом увидела, как все пять лемехов ее плуга врезались в спрессованную веками целину и стали переворачивать бархатисто-черные, слегка дымящиеся от испарений широкие пласты. Бражный, горьковатый аромат земли кружил голову, и Валя, на секунду прикрыв глаза, засмеялась от ощущения радости бытия, от полноты счастья, овладевшего ею в это утро, среди этой безбрежной степи, расточительно залитой ярким весенним солнцем.

Новый учетчик бригады Ваня Зыкин, шагая поодаль от головного трактора, то и дело оглядывался в его сторону и, не зная чему, тоже смеялся.

1954 год.

ДАЛЕКО ЗА КУСТАНАЕМ

Ураганный ветер, ревущий в ночи, завершился к рассвету неслыханной фронтальной грозой и яростным, кипящим, как водопад, ливнем. То голубая, то фиолетовая от мятежного огня непрерывных цепных молний степь, казалось, бушевала, подобно открытому морю в шторм, и брезентовая кровля бригадного полевого шатра гудела и трепетала, как крылатый парус на гонимом шквальным ветром утлом судне.

Никому не спалось.

Ночная смена трактористов и прицепщиков комсомольско-молодежной бригады Вениамина Михеева, укрывшись от грозного ливня в большой палатке, нетерпеливо выжидала конца этой веселой и грозной кутерьмы, разыгравшейся в расколотом жаркими ядрами ночном небе и на залитой голубым трепетным и бушующим водопадом недавно вздыбленной лемехами земле. Приоткрыв над входом брезентовый полог палатки, ребята любовались разгулом ветра, воды и молний. И в глазах семнадцатилетней прицепщицы Вали Иващенко мерцали, не угасая, золотые искры грозовых разрядов. Невольно вздрагивая, сжимаясь, как птица под выстрелом, девушка жмурилась не столько, должно быть, от страха, сколько от удовольствия, и смуглое юное лицо ее еще более хорошело от смущенной улыбки.

— Вот дает, понимаешь, жизни пророк Илья! Долж-

но быть, рукава и подштанники засучил. На совесть старик работает! — с восторгом сказал, блестя в полумраке глазами, помощник бригадира Михаил Попов, самый старший по возрасту в бригаде.

— Это он нам, новоселам, пить дает на новой земле. Факт! В нашу честь навесным огнем салютует, — подал голос с походной кровати тракторист Михаил Столбов.

— Правильный салют! Не зря же первое место в зерносовхозе за нами! — подтвердил бригадир.

И то ли от этого сдобренного шуткой, непринужденного разговора, то ли от новой ослепительно яркой вспышки гигантского огненного жгута в зыбком рокошущем небе, то ли просто от обострившегося в эти минуты чувства товарищества в недавно сроднившемся в степной стороне коллективе, или, наконец, от ощущения собственной молодости, здоровья и силы всем вдруг стало весело, и все засмеялись.

Молодая женщина, бригадная повариха Клава Попова, похоже, побайвавшаяся этой и в самом деле нешуточной грозой, со вздохом сказала:

— Нет, у нас на Дону таких гроз не бывает...

— Гроза, как в песне про Ермака! Да и мы среди раскинутых шатров не хуже лихих ермаковских соратников, — пробасил тракторист Василий Баштанов.

— Насчет гроз на Дону я не знаю, а вот пахать целину у нас там, выходит, все-таки легче, чем здесь, — сказал бригадир.

— Еще бы! — с живостью откликнулся Баштанов. — Мы в Шумилинском совхозе, к примеру, такими же тракторами «ДТ» при пяти корпусах на первой скорости твердые залежи подымали и назад не оглядывались. А здесь на первой четыре корпуса со скрежетом тянешь.

— Не земля — броня броней! Ведь она тут одну тыщу девятьсот пятьдесят три с половиной года ни сохой, ни мотыгой была не трогана, — вставил учетчик Иван Щедров, любивший точные цифры.

И тут снова все засмеялись и потом заговорили наперебой о том, что всех одинаково волновало:

— Это точно, от сотворения мира степь здесь не пахана. И не вековая, а, правильной будет сказать, вечная целина!

— Крепкий орешек!

— Ничего. По зубам. Раскусим!

— А какой чернозем — в полметра, товарищи!

— И чернозем и пахота идет правильная — на двадцать два сантиметра и плюс, учтите, такие вот ливни по всходам. Тут урожай — глаза закрой — по двадцать верных центнеров с га вкруговую, — заявил учетчик.

— С урожаем что! Это дело, братцы, считай, решенное. У меня другая забота, ребята, — сказал в раздумье тракторист Иван Сосов.

Все вопросительно посмотрели на него, и он спросил стоявшего рядом с ним Вениамина Михсева:

— Как ты думаешь, бригадир, а успеем мы к зиме обзавестись на центральной своими домами?

— Обязательно. Так заявил директор.

— Уж больно много заявок, говорят, на строительство личных домов в дирекцию поступило. Для одной нашей бригады добрых полтора десятка стандартных хат надо выстроить. А стройматериалами совхоз наш пока не шибко богатый.

— Материал не за тридевять земель — под ногами. Двенадцать тысяч штук самана уже наготове. Не тужи, Иван, новоселье в новых домах в Ноябрьские праздники справим. А к осени коровами разживемся, — дружески хлопнув задумавшегося тракториста по плечу, сказал ему с доброй улыбкой бригадир Михеев.

— Осенью мы своих гусей из Базков привезем. Штук пяток. На развод. Верно, Клава? — спросил свою жену Михаил Попов.

— Я без гусей не могу, это ты знаешь, Миша..!

— Ах же и гуси у нас, ах же и гуси! Глянешь, в Дону купаются — лебеди лебедями. Уютная птица! — даже дрогнув от удовольствия, восторженно проговорил Попов.

И жена, улыбнувшись в ответ, подтвердила, точно боясь, что ему не поверят:

— Гуси у нас, правда, хорошие. Для них здесь на озере в центральной усадьбе раздолье будет.

— А птицы же в этих краях! На заре от гогота дикого гуся озера стонут. А лебеди красуются на воде как ручные. И карась тут какой-то особенный. Золотой. Уха — ложку проглотишь! — сказал Василий Баштанов, страстный рыбак и охотник.

Гроза шла на убыль. Все глуше и глуше рокотала она, удаляясь на юго-запад, в Тургайские и Оренбургские степи. Но ливень продолжал бушевать с неукротимой, казалось, яростью на этом раннем июньском рассвете. Трактористы и прицепщики дневной смены, опрятно заправив свои кровати, наскоро умывались по пояс под проливным дождем, выскочив из палатки, и затем расторопно завтракали перед нелегкой вахтой. Все они в этой бригаде, за исключением двоих юных прицепщиков — Андрея Фещука и Игната Мартынюка, любимцев бригады, — доводились земляками. Это были донские казаки из верхних станиц Базковской и Шумитинской. Одни из них до приезда в Кустанайские степи работали механизаторами в Вешенском, другие — в Базковском, третьи — в Шумилинском молочно-мясных совхозах. Потому-то и в разговоре то и дело вспоминали про Дон. Таились эти воспоминания в нежных запахах нехитрых здешних цветов, в горьковато-бражном аромате обмытых утренними дождями трав, в пыльных красках погожих рассветов и закатов. И как там, на родине, томил и тревожил здесь сердце вечерний вой перепелов и трубное гукаше в сумерках хоронившейся на далеком озере выпя...

Часом позднее, когда бригадир включил радиоприемник в палатке и Москва поздравила всех советских людей с добрым утром, ливень уже прошел. Он затих так же внезапно, как и начался. Над залитой потоками яркого света степью покоилось бесконечно высокое, не омраченное ни одной тучкой безмятежно-синее небо, и ничто не напоминало уже о ночном ураганном ветре и чудовищной предрассветной грозе. Только бормотание ручьев в колеях размытой ливнем дороги хранило еще живые следы недавно отбушевавшего в этих широтах шквального ливня. Черные, как вороново крыло, массивы поднятой целины резко выделялись на фоне изумрудно-зеленых равнин. Но краше, ярче,

праздничнее, наряднее всего выглядели в этот умиротворяюще тихий и светлый утренний час буйные всходы закрывшей взрыхленную по весне целину пшеницы, в которой уже не виден был хоронящийся в ней грач.

В девятом часу утра в бригаду приехал директор Орджоникидзеовского зерносовхоза Федор Павлович Кухтин. Трудно было поверить при взгляде на этого здоровяка с размашистой походкой и молодыми смеющимися глазами, что человек этот перенес в годы Отечественной войны тяжелые осколочные ранения в грудную клетку и врачи едва уберегли его, продержав в госпитале около полугода. Старый кадровый офицер Советской Армии, он дрался с японскими захватчиками на Халхин-Голе, защищал от нашествия гитлеровцев Москву на Можайском направлении, восвал в Прибалтике. А после затянувшегося лечения, вырвавшись из госпиталя, уехал в Крым и последние годы работал директором зерносовхоза «Большевик» в Красногвардейском районе, Крымской области.

— Дело прошлое, не стану греха таить, — доверительно сказал при нашем разговоре Федор Павлович со свойственной ему открытой улыбкой. — Неохотно ехал я в эти края с новым назначением. Хотя, впрочем, сам, можно сказать, столбовой сибиряк. Родился и вырос в Барабинских степях и трактористом там же работал. Но дело не в географии. Знаете, «Большевик» покидать мне было жалко...

— А теперь?

— Теперь не спрашивайте. Видите, что тут делается?! Скажу, не хвастаясь, я здесь помолодел. По крайней мере, душой. Черт знает, жизнь все-таки мировая штука! Приехали мы сюда в конце апреля налегке: с дорожными чемоданчиками в руках, с вещевыми мешками за плечами. Осмотрелись. Облюбовали место у озера для базы. Вокруг ни кола, ни двора. Студено. Ветер с ног валит. Вспомнилась фронтовая обстановочка. Правда, нашему брату дело это не в диковинку, но все же поеживались. Не шибко было уютно...

Умолкнув, он настороженно присмотрелся к оставившемуся на соседнем целинном массиве дизель-

ному трактору, и бригадир Михеев, уловив этот настороженный взгляд директора, предупредительно пояснил:

— Это, Федор Павлович, на заправку Баштанов стал. Мы ж теперь в борозде заправляемся.

И директор, понимающе кивнув бригадиру, продолжал, все более оживляясь:

— Полтора месяца — не такой уж великий срок, а сегодня, смотрите, хозяйствуем тут, как заправские старожилы. И около пяти тысяч гектаров целины успели поднять, и всходы у нас на славу, и центральная усадьба уже на рабочий поселок стала немного похожа. Поставили до десятка сборных домов, и сразу другая картина. Обжитым местом запахло. Смотрю, хозяйственные новоселы у нас и курами уже обзавелись. Теперь на центральной базе наших строителей собственные петухи на заре будят!

— Ну, положим, некоторые из них и до петухов на погах, — заметил главный инженер зерносовхоза Валентин Дмитриевич Костин.

— Это точно. Такой бригадир, как Витя Коломийцев, со своими севастопольскими молодцами и петухам спать не дает. Ах, народ у нас — цены ему нет! Орел на орле, понимаете, что в тракторных бригадах, что в строительных.

— Не перехвалите, Федор Павлыч. Прорвались же по первинке к нам и «золотонскатели», — сказал бригадир Михеев.

— Не о них речь. Да и немного было таких! Единицы. И мы им не трафили. Двоих таких молодцов по требованию всего коллектива зерносовхоза пришлось лишить путевок и отадресовать в двадцать четыре часа восвояси. С остальных народ на общем собрании снял такую стружку, что и они теперь, смотришь, в люди выходить начинают... Ну, ладно. А как у тебя в твоей донской казачьей, атаман? — спросил директор Вениамина Михеева.

— Нормально, Федор Павлыч. Иван Сосов на «С-80» дал вчера сто сорок процентов. Михаил Столбов на «ДТ» — сто тридцать. Остальные ребята тоже в норме. Эх, тyani «ДТ» пятикорпусный плуг на второй

скорости, у нас все бы трактористы намного нормы перекрывали. Машины новые, механизаторы опытные, какой разговор! Но не берет на второй этот трактор здешнюю целину пятью корпусами, и хоть ты тут ма-тушку-репку пої!

— Ну, вот и дорапортовался. А говоришь, нормально! — вполухутку, вполусерьез упрекнул бригадира директор.

— Так я же за своих людей говорю, а за машины конструкторы должны думать! — поправился бригадир.

— Пока конструкторы будут думать, нам двадцать тысяч гектаров целины до первого августа поднять надо. Ты мне лучше вот что скажи, Михеев: как, по-твоему, дизель «С-80» шестикорпусный плуг на второй потянет?

— Вполне! Только откуда ж взять такой плуг с шестью корпусами?

— А вот Валентин Дмитриевич нашел, откуда, — сказал директор, кивая на главного инженера.

— Нашли, положим, вы, а не я, — поправил директора инженер с улыбкой.

— Конструкция-то твоя, ты ж смастерил.

— Зато ваша идея.

— За идеи не платят... Дело не в этом. Арифметика, Михеев, тут вот какая, — сказал директор, обращаясь к настороженно-внимательному бригадиру. — Если ты снимешь один корпус с «ДТ», то легко будешь пахать четыремя корпусами на этом тракторе на второй скорости. Не так ли?

— Точно! — живо ответил бригадир.

— С такой же легкостью пойдет на второй с шестикорпусным плугом и «С-80». Об этом мы с тобой уже договорились. Теперь смотри, что дальше получается. Каждым корпусом, как тебе известно, пашем мы при второй скорости по полтора гектара целины за смену. Стало быть, семь наших тракторов «С-80» выдадут нам шестью корпусами при круглосуточной пахоте плюс двадцать один гектар. Говоря по простому, мы выигрываем на этом нехитром деле почти три новых внеплановых «ДТ». Выгодная лотерея?

— Это здорово, Федор Павлыч! — сияя просветленным лицом, сказал бригадир Михеев. — Только как же это вы изловчились шестой корпус-то прицепить? Вот интересно!

— Хитрость тут не ахти какая. Приходится только немного удлинить раму просверленной накладкой. Простое, почти плевое дело, а толк в наших условиях выходит немалый, — сказал инженер.

— И рама выдерживает? — допытывался бригадир со страстной заинтересованностью влюбленного в технику человека.

— За, милую душу. У твоих соседей, в бригаде Васи Курбатова, ребята вторые уже сутки такими шестикорпусными плугами целину со свистом смолят. А сегодня в ночную смену и твои орлы смогут последовать их примеру. Подгоняй во второй половине дня свои агрегаты к полевой пашей мастерской — тебе ж тут рукой подать — и порядок, — сказал на прощание бригадиру директор.

— Есть! — коротко ответил бригадир.

Приметив в сторонке стройную женщину с былинкой в зубах, задумчиво разглядывавшую не то какую-то открытку, не то фотографическую карточку, директор, проходя мимо, участливо спросил, поздоровавшись с нею:

— Что это вы, смотрю, пригорюнились, Анна Борисовна?

Она — это была жена бригадира, Аня Михеева, — вспыхнула и смущенно сказала:

— Да на дочку вот загляделась. Карточку с нее вчера получили, — и доверительно протянула Федору Павловичу фотографию четырехлетней девочки в светленьком, с оборками платьице, с изумленно смотревшими на мир большими, ясными, как и у матери, веселыми глазами.

— Сильна, сильна! В матушку. Это самая и есть ваша Валя? — любуясь фотографией, спросил директор.

— Ну, конечно же, она... Ах, смерть, как я за ней соскучилась! Знала бы, ни за что не оставила с бабушкой. Понаехали же сюда с малыми детьми добрые лю-

ди, а я чего-то все за нее боялась. Бог знает, когда теперь я ее увижу!

— В сентябре, в сентябре, голубушка. Не так уж долго осталось ждать. Вот покончим с нынешней целиной, и катайте все тогда на здоровье за детьми, за стариками, за домашностью. Вагоны вам выхлопчем. А воротитесь уже в новые свои дома. Эх, и доброе же новоселье справим! — сказал директор, усаживаясь в новенький свой «вездеход» и кивая улыбающейся молодой босоногой женщине, стоявшей поодаль от палатки с маленькой дочерниной фотографией в смуглых руках.

...Проколесив целый день по раскиданным на десятки километров одна от другой бригадам, мы подошли к нераннему уже вечеру в центральную усадьбу зерносовхоза. И если бы не большой табор брезентовых шатров, привольно раскинувшихся на берегу громадного, полузаросшего камышом и чаканом, кишмя кишящего дикой птицей озера, то усадьбу с ее уютной улочкой опрятных, крытых шифером домиков, с жарко пылавшими от заката окнами можно и в самом деле было уже принять за хотя и невеликий, но давно обжитый людьми поселок. И с трудом представлялось, что здесь всего каких-нибудь дней десять тому назад не было иного жилья, кроме дощатого барака и вот этих походных палаток.

Несмотря на поздний час июньского заката, на строительных площадках бойко перестукивались топоры с молотками. Вдали, у буровой вышки, тархтел резвый движок — это бурили геологи скважину питьевого колодца. Вода, добытая с семидесятиметровой глубины, оказалась добротной, и геологи охотно потчевали ею всех новоселов, и все с равной охотой пили ее: и те, у кого была жажда, и те, кому сейчас совсем не хотелось пить. Невдалеке от тесовой столовой, прямо в степи, залетные из неблизкого районного центра кино-механики приспособивали экран, и мальчишки сидели уже — босые ноги калачиком — на траве, поторопясь захватить на предстоящий киносеанс самое роскошное, по их убеждению, место. Рядом резались ре-

бята в футбол, и болельщики, как на всяком порядочном стадионе, то кого-то яростно хулили, то кого-то столь же отчаянно славил.

Возле одной из маленьких семейных палаток сидел в окружении табунка светло-зеленых диких гусят мальчик лет пяти с такими необыкновенно светлыми волосами, словно на голове у него был паричишко из ковыля. Ребенок разбрасывал гусятам крошки размоченного в воде хлеба и сказал нам, как говорил всем проходящим мимо:

— Смотрите, это мои гуси. Они настоящие!

— Правильно. Сразу видно, хозяйственный новосел, — совершенно серьезно, как взрослому, сказал ребенку директор.

Но мальчик, точно поняв его шутку, громко засмеялся, жмурясь от того беспричинного восторга, какой присущ только детям.

Позднее, в одиннадцатом часу вечера, отпустив от себя бригадиров одиннадцати строительных бригад, с которыми проводил обычную летучую планерку по итогам минувшего дня и по уточнению заданий на завтрашний, директор взялся за разбор дневной почты. Бегло просмотрев несколько писем, он со вздохом сказал, утомленно откинувшись на спинку стула:

— Завалили письмами. Пишут из Севастополя, из Керчи, с Украины, с Дона, из Таганрога. И все об одном: требуют рассказать, как работают здесь, на целинных землях, их земляки. А я вот даже своим ребятишкам в Крым написать не выберу время. Они хоть и не маленькие у нас — один уже восьмиклассник, другой во второй перешел — и на добрых людей оставили мы их там, в совхозе, а все же...

— И жена ваша здесь?

— Жена со мной. Вместе приехали. Так уж у нас заведено... — Помолчав, подумав с минуту о чем-то своем, он оживленно продолжил: — Об этом народе не письма надо писать — книги. Видели бригадиров? Молодежь один к одному: то севастопольские каменщики, то керченские плотники и столяры. Все недавно со школьной скамьи, из ремесленных училищ. А работают, как выдавшие виды мастера. С душой, со смекал-

кой, с азартом. Талантливые, черти! Даже зависть берет.

— Сколько же бригадиру Коломийцеву лет?

— Виктору? Черт знает что, девятнадцать! А проектные чертежи, как академик читает. У него и в бригаде ребята не старше его. А работают как! Двухквартирный стандартный дом положено, скажем, поставить одной бригадой по норме за двадцать рабочих дней. Бригада Коломийцева у нас управляется с этим делом за четверо суток. Правда, на площадке от зари до зари. Пока лето балует, приходится поторапливаться. Это все у нас понимают. А бригадира каменщиков Мишу Подлесного не приметили?

— Он, кажется, тоже не старше Коломийцева?

— Одногодки. И тоже из Севастополя. Работал там на восстановлении жилых домов. К нам приехал со своей бригадой. Эти на кладке фундаментов под жилые дома класс показывают. Тройные нормы за световой день, как правило!

— Что же вы рассчитываете нынче построить?

— Много. Ох, много еще горячих дел впереди! Но смело могу сказать одно: к первому августа мы поставим девятнадцать общеквартирных домов и двадцать пять индивидуальных. К этому же сроку построим контору зерносовхоза и электростанцию, общежитие на пятьдесят мест и баню, универмаг и пекарню, зернохранилище на тысячу тонн и овощное, кузницу и медпункт. Все это — дело реальное. В наших силах! Но работать, понятно, круглое лето придется, как и теперь, без перекуров, впритирку. А наши люди, как видите, это умеют! Об одном мы все тут жалеем: рановато наш зерносовхоз Никита Сергеевич Хрущев навестил. Побывал он у нас двенадцатого мая, и мы ничем тогда, кроме одного жилого барака, не могли похвалиться. Но зато людей он наших за работой увидел. А народ — главное наше богатство!

В дверь робко постучали, и ласковый женский голос сказал:

— Не пора ли домой, товарищ директор?

— Иду, иду, Маша, слушаюсь! — откликнулся Федор Павлович, тая блеснувшую на губах улыбку, и не

спеша стал убирать бумаги в ящик крошечного своего рабочего стола.— Жена правильно делает, что не дает мне засиживаться допоздна. Вставать-то ведь все-таки надо вовремя — в четыре,— сказал он затем, как бы оправдывая осторожное ее вмешательство.

Мы вышли из нового стандартного домика на улицу. Ночь была светлой от полного месяца, и крупные зеленые звезды отражались в зеркальном плесе тихого озера. Усадьба уже спала. Только где-то далеко — не то в открытой степи, не то в дальней палатке — негромко звучал баян, и нежный, чистый девичий голос чуть слышно пел о такой же нежной и чистой любви, и казалось, что вся усадьба, застав дыхание, слушала этот голос.

Вдали, на тракте, то вспыхивали, то гасли снопы холодного, белого огня, и глухой, вибрирующий рокот плыл над дремлющей степью. То шла из Кустаная колонна автомашин, груженных строительными материалами и новой техникой, продовольствием и промышленными товарами — всем тем, чего не жалела страна для пионеров освоения целинных земель — строителей новых зерносовхозов.

Кустанай, 1955 год.

ПОКОРИТЕЛИ ЦЕЛИНЫ

Нарядная, сверкающая матовым серебром утренних инеев и золотыми потоками нежаркого света, щедрая на дары, долго красовалась ныне в Северном Казахстане эта на редкость кроткая осень. Незаметной, неслышной, робко прокрадась она по светлоствольным березовым перелескам вслед за шумным, озорным и веселым летом в эти воспетые в птичьих гимнах степные просторы, и изумленные новоселы не могли налюбоваться прелестью невинного ее убранства и спокойной, несправдливой ее красотой.

Октябрь уже был на исходе. Давным-давно умолк индустриальный гул жатвы на дремучих нивах, и комбайны, как завершившие дальнейшее плавание корабли, возвратились в свои гавани, встав на якорь у приусадебных причалов МТС и зерносовхозов. Ни ветерка в степи, ни облачка в небе. На большой высоте вал за валом проходили в южную глубь степей тучи северной казары. Безропотно роняли в окрестных колках березы последнюю, тронутую легкой позолотой листву. И трубный, берущий за душу клич лебедей на рассвете напоминал о близком отлете в чужую сторону и этих миролюбивых старожиллов никем не считанных тут озер. По утрам примораживало. Но в полях еще держался стойкий медовый запах томленного, засухо сметанного в стога сена с примесью бражного аромата заскородованной вблизи петорных дорог свежей соломы. И не

подвластная утренним заморозкам отава, буйно брызнувшая из-под влажной, прогретой солнцем земли, нежно зеленела под надежным прикрытием полупоблекшей, отшумевшей свое травы...

Не за горами и зима. И никого, бывало, не тревожил. в такую пору в этих вчера еще безлюдных и полудиких местах близкий ее приход. Только разве косые стаи дичи, ощутив неласковое ее дыхание, вдруг покидали скопом уютные камыши и плесы в канун мятежной и грозной, как степные пожары, пурги. Шли летучие табуны сайгаков с бродящими в одиночку лосями, да прижившиеся здесь за последние годы своенравные, вольнолюбивые лошади Пржевальского уходили из неприветливой в такое время степи в поисках зимнего приюта и корма вблизи обжитых людьми, небедных санными стожками мест. И совсем не пахло тогда жилым в покинутых незлобивым зверем и мирной птицей вековых целинных просторах. Только и красили их в эту пору одни бурокрылые беркуты, зорко выслеживавшие с высоты подоблачных круговых полетов земную добычу, да мышковавшие по первой пороше огненно-рыжие лисы, дразнящие злобную эту птицу пышными метлами на славу выхоленных своих хвостов...

Таковыми из года в год выглядели в предзимние дни древние эти степи. Но в эту погожую, загостившуюся тут ныне осень что-то не спешили с отлетом и птицы. А косяки сбившихся в табунки сайгаков, случилось, мирно паслись себе невдалеке от полевых станов прочно обжившихся за минувшее лето в окрестной степи многочисленных тракторных бригад и отрядов. И даже гордые лоси и «гости» из внутримонгольских степей — лошади Пржевальского — при нередких встречах с людьми не очень как будто уже чурались этих мирных, веселых и шумных пришельцев, нахлынувших в доселе полупустынные, нелюдимые степи вместе с бурными потоками полтой вешней воды...

Пройдут годы

Отшумят, отликуют, набушуются на упругом здешнем ветру среди открытого моря возвращенных хлебов

крылатая юность и светлая молодость нынешнего поколения покорителей целины. II невесомая, как августовская паутина, седина неслышно осядет со временем в женственные девичьи прядки и в непокорные ребячьи чубы юных ныне прицепщиц из Ставрополя и молодых сегодняшних трактористов с украинской земли. И немало и веселых и горьких порою минут забудется впоследствии в их возмужалой жизни. Но никогда не позабудут они неповторимо прекрасной, овеянной романтикой, счастливой и трудной поры отважного их вторжения в эту разбуженную грохотом тракторных гусениц степь весны 1954 года!

Запоздалая, хмурая и студеная, неласково встретила эта весна в необжитых степях неробких ребят и отважных девушек, прибывших сюда налегке с нехитрыми пожитками в вещевых походных мешках за спиной, с комсомольскими путевками в кармане. Поеживаясь, приплясывая от не по-вешнему лютой стужи, с ходу отметили, как могли, не шибко пока уютное новоселье у разметочного колышка в открытой степи под открытым небом. И, не мешкая, засучив рукава, подзадоривая и подбадривая друг друга то шуткой, то дружно подхваченной с лету песней, принялись с азартом и споровкой за привычное дело. Одни осваивали новую технику, другие храбро читали чертежи сборных домов, третьи разбивали в лагерно-бивачном порядке нежаркие в весеннюю непогоду брезентовые палатки.

Греха таить не приходится: и тесновато, и не очень тепло, и не так уж уютно жилось под трепетной кровлей походных шатров после светлых и ласковых ленинградских квартир где-то на Выборгской стороне или обжитых собственных хат с палисадничками на далекой Украине. Но и под этой ненадежной и зыбкой кровлей не всем счастливым подчас доставало места. Таких неудачников выручали старые друзья землепроходцев и следопытов — костры. II совсем не худо спалось под дремогный шум бушующего в студеной ночи веселого и жаркого, как юность, огня утомленным за долгий трудовой день на пьянящем степном воздухе, доверительно прижавшимся друг к другу вповалку

донским и ставропольским, киевским и московским ребятам...

Люди одной судьбы, при одинаково суровых, близких к несладкой фронтовой жизни условиях, перешли новоселы в наступление на целину во всех девяноста четырех новых зерносовхозах Казахстана. Совхоз Украинский, где мы встречались с его строителями и механизаторами ранней весной и поздней осенью, не являет собой исключения в боевом соединении своих молодых соратников.

Как и все новоселы целинных земель, позналц «украинцы» и нелады с организацией труда на первых порах, и бытовую неустроенность бивачной жизни, борьбу за избавление стойкого, крепко сбитого коллектива от случайных «золотоискателей», и трудности в освоении новых профессий, порой совсем неожиданных. Трактористов, например, среди прибывших в совхоз ребят оказалось в избытке, а строителей — на вес золота. И многие ставропольские механизаторы — в первую очередь это были коммунисты и комсомольцы — примкнули к формировавшимся с марша строительным бригадам. Одни из них, не раздумывая, взялись за пилы и топоры, другие — не без некоторого куража — пошли в грузчики и землекопы.

А когда директор совхоза Илья Григорьянц и секретарь партийной организации Михаил Лукошкин завели разговор о производстве самана — падежного и недорогого в местных условиях строительного материала, — то нашлись среди здешних новоселов охотники и до этой малопопулярной, трудоемкой профессии.

Немногим более полугода минуло с того апрельского дня, когда краснодарский тракторист из бригады Степана Шоломы Александр Цоцорин, обнажив в такую торжественную минуту светловолосую свою голову, прокладывал первую борозду в этой степи, и все ликовали, любуясь широким глянцево-черным пластом ароматной от весенних испарин земли. В те дни бригада потомственного белорусского плотника Алексея Ошомки робко, с опаской принималась за установку каркаса первого сборного дома, а расторопные каменщики во

главе с опытным мастером кладки Иваном Ивановичем Николаевым цементировали фундаменты зданий.

Так было минувшей весной, капризной, притворно строгой, ветреной. Но ничем не напоминала теперь, в преддверии ноября, о неласковой весне эта, будто в отместку ей, затяжная, прелестная в своей кротости, полная великого покоя осень с ее сквозными потоками света и золотистым сиянием стерни. Так же ничто уже не напоминало сейчас новоселам о былой их скуповатой на удобства бивачной жизни там, где ныне красуется на пригорке заманчивый городок центральной усадьбы совхоза с его строгими по архитектурному облику общественными зданиями и уютно поблескивающими чистыми окнами в жилых домах, крытых шифером.

— ...Словом, теперь мы живем! — завершая затянувшийся наш разговор, говорит с подчеркнутой убежденностью Илья Григорьянц — человек с седой головой и молодыми, порывистыми жестами.

— Живем, конечно, лучше, чем весной, — подхватил парторг, — но и трудностей еще немало...

— Самое трудное позади, — возражает директор, — главное — люди зимовать у нас будут по-человечески. В тепле и не без уюта. Особенно семейные. А таких у нас, слава богу, добрая половина. Домовитый, скажу вам, подобрался народ. У них и коровы уже свои не в редкость и домашняя птица не в диковинку.

— А одиночки?

— Молодежь? И эти нехудо устроились. Эти в общежитиях. Их у нас два. Видели? Добротные здания. Капитальные. Из самана. Мы из этого же самана столовую и клуб выстроили, хотя этих объектов в титульных списках и нету. Невероятно, но факт: ни клуб, ни столовая не были запланированы. А вот полюбуйтесь, какие камышовые маты мы научились делать! Два зернохранилища ими уже покрыто. Кровля — красота, первый сорт, на шифер не променяю!

Директор, парторг, главный агроном, председатель рабочкома, перебивая друг друга, долго еще хвалили и строителей, и трактористов, и комбайнеров, и меха-

ников. Эти люди и в самом деле были достойны самих высоких похвал. Прибыв в пустынную степь, где, как говорится, не было ни кола, ни двора, они за несколько месяцев обжили эту степь так, что кажется, совхоз существует уже давно. Да ведь и не только обжили — 22 тысячи гектаров целины подняли!

Сторонний человек, прислушиваясь к этому разговору, мог бы, пожалуй, подумать: «Что за благодущие!» И был бы неправ. Разговор происходил в канун годовщины Октябрьской революции. Близость праздника, естественно, настраивала руководителей на торжественный лад. Они так много хлопотали и волновались все лето и осень, так мало спали и так строго с людей требовали, что сейчас от всей души выражали восторг достигнутыми результатами и прежде всего хвалили людей, творцов успеха.

Нет, это законно.

Да, не все еще семейные новоселы совхоза встречали праздник в уютных, теплых и светлых квартирах. Кое-кто в этот вечер ютился еще в нежарких полевых вагончиках, а некоторые из тех, что вселились под праздник в новые квартиры, озадаченно почесывали затылки, не зная, с чего начинать: с утепления ли ненадежных дверей, с установки ли железных печурок-временок... Обо всем этом знали и директор, и парторг, и председатель рабочкома. И каждый из них «нажимал» по своей линии. Строители, несмотря на преданную службу, непрерывно усиливали темпы сборки стандартных жилых домов, а теперь с помощью освободившихся от полевых работ механизаторов работали даже вдвое быстрее прежнего. Но к празднику все же не успели закончить отделку пяти домов. Однако же, оглядываясь назад, всего лишь на несколько месяцев, они вправе были сказать эти слова:

— А все-таки самое трудное позади! Теперь мы глубокие корни в эту землю пустили, и нам, как молодому березняку, никакой ураган уже не страшен. Пусть иное деревце и к земле бурей пригнет, а сломить уже — шалишь! — не сломит.

Позднее, когда и в окнах домов и на улицах усадьбы весело засияли электрические лампочки, мы заглянули

в некоторые из квартир новоселов. Но там было явно не до нас, непрошенных гостей. В каждой из квартир властвовал тот волнующий беспорядок и царила та веселая кутерьма, какие обычно предшествуют большим праздникам, и особенно в семьях, только что въехавших в новые квартиры. Смущенные хозяева, извиняясь, горячо приглашали на праздничное новоселье и не шибко придерживали нас сейчас.

Только в квартире Степана Шолома все уже было в порядке. Александра Тихоновна, жена его, развешивала по стенам в застекленных рамках фронтные свои фотографии. В милостивой юной медицинской сестре, снятой на всех этих фотографиях рядом с улыбающимся танкистом, нетрудно и сейчас угадать хозяйку дома, как в веселом танкисте — мужа ее, смущенно улыбавшегося и сейчас, Степана Шолома. Снимались они в роскошных от зимнего убранства снегах Подмосковья, среди развалин Кенигсберга и на фоне развернутой панорамы Харбина.

— С первых дней войны вместе. Так уж случилось, — объясняла Александра Тихоновна.

— У них все ордена одинаковые, ох, и много! — с восторгом и не без тщеславия сказал семилетний сын Шоломов Славка.

— Ты помалкивай, спать пора! — притворно строго прикрикнула на сына мать. И, обращаясь к нам, добавила: — Он у нас живо, что не надо, отпрапортует...

А наутро мы видели Славку в школе. Он сидел на первой парте, в серединке между Лидой Мартынюк, дочерью совхозного кузнеца, и Витей Завориним, сыном конюха. Витя сидел, как полагается, руки на парте, а озорная девчонка с воинственными косичками то и дело донимала Славку. Но Славка, как ни хотелось ему дернуть девчонку за косу, героически сдерживал себя, сидел не шевелясь, не обращая внимания на вольности беспокойной своей соседки. Серые, полные восторга и изумления глаза его, не мигая, смотрели на учительницу. Как и накануне вечером, сердитое от напряженного внимания лицо его готово было в любую секунду просиять от улыбки.

За окнами залитого солнечным светом школьного

класса блистало погожее, присеребрянное инеем осеннее утро. И, как всегда, напряженно, звонко и молодо бился в этом обжитом степном селении пульс обыденной, будничной, трудовой жизни. Здоровое, четкое биеение это ощущалось в веселом перестуке плотничьих топоров, в неистовых напевах электрической пилорамы, в грохоте возвращающихся на усадьбу тракторов.

Тихо было в тот ранний утренний час только в школе. Затаив дыхание, посверкивая широко раскрытыми на светлый мир глазами, слушали свою учительницу будущие старожилы этой земли, возделанной их отцами.

1955 год.

ВОСЕМЬ ПОДРУГ

Еще в Ленинграде, в канун отправки комсомольского эшелона на целину,— это было в марте 1954 года — все семь девушек, работниц табачной фабрики, твердо решили прежде всего овладеть на новом месте профессией сельских механизаторов и во что бы то ни стало стать трактористками. Самая старшая из подруг-комсомолок, Серафима Селиверстова, как наиболее практичная и предусмотрительная, запаслась даже учебной литературой по тракторному делу.

— Не поварами же быть нам на целине! И не в водовозы мы там запишемся. Понимать надо!— говорила она своим подружкам назидательно.

— Ну, это уж как придется, — мягко возразила ей осторожная Вера Кулешова.

Выросшая в деревне средней полосы России, она, пожалуй, единственная из подружек имела в те дни реальное представление о том, куда и зачем они ехали.

— Ах, оставь ты, Верка, свои неопределенности! Я водовозом быть не собираюсь. Это не на моей волне, как теперь говорится. Тоже героизм на целине — верхом на бочке ездить!

— А ты что думаешь, из всех из нас Паши Ангелины выйдут?

— Во всяком случае, я желаю быть не хуже Паши! Ясно?

— Вполне.

— Тогда не демобилизуй, понимаешь, девчат своими разговорами!

— Наоборот. Я их мобилизую. Надо быть готовыми к любому делу. Возможно, мы приедем на голое место. Гостиниц для нас с вами там еще наверняка не построили.

— Построят! — уверенно сказала Серафима. — На то есть среди добровольцев строители.

— А как их не хватит?

— Странный вопрос, Верка. Не нам же в плотники идти! И вообще, прекратим эти прения! Или ты не хочешь быть трактористкой?

— Нет, отчего же? Я всей душой.

— Тогда запасайся литературой. И не ломай нашу бригаду. С поезда — и прямо на курсы, а потом и за руль! — тоном властного бригадира закончила разговор Серафима.

Мимолетные размолвки не мешали тесной девичьей дружбе этих комсомолок, еще более сблизившихся, сроднившихся после принятого ими решения ехать вместе на целину. Разные по характерам, по навыкам, по повадкам, они были все же людьми одной судьбы. Воспитанные комсомолом, прошедшие хорошую трудовую школу в большом рабочем коллективе крупного промышленного предприятия, эти девушки были похожи друг на друга той душевной чистотой и внутренней собранностью, целеустремленностью, которые столь характерны для современной нашей молодежи.

Случилось так, что в одном вагоне с этими девушками оказалась и Астра Парадовская, член Ленинградского горкома комсомола, командированная в качестве проводной целого отряда ленинградцев, едущих на целинные земли. Веселая, не скупая на шутку, на песню, на выдумку, стремительная, порывистая в движениях, Астра пришлась по душе всему шумному вагону. Но особенно сблизилась с ней семь подружек: Серафима Селиверстова, Вера Кулешова, Катюша Карпова, Лида Туркова, Оля Коршунова, Нина Протасова и Маша Бичурина.

Путь был неблизкий, и за четверо суток веселой ва-

гонной жизни девчата, приняв в тесный свой дружеский круг Астру, почитали уже ее как давнишнюю спутницу своей юности, доверительно поверяли ей и нехитрые тайны жарких девичьих сердец и крылатые мечты о будущем. Астра платила спутницам теплом и светом по-русски открытой души.

— Мы только в механизаторы, в трактористки! — горячо говорила Серафима новой подруге. — Если уж штурмовать целину, так только на переднем крае!

Астра всячески подогревала и без того горячую заинтересованность девчат в предстоящем освоении сложной сельскохозяйственной техники. Только одна Вера Кулешова по-прежнему продолжала подтрунивать над будущей бригадиршей:

— Смотри, вместо тракторного-то отряда в полевую кухню не угоди!

— Нет уж, Верочка, я тебя такого теплого места лишать не буду, — отвечала в пику ей Серафима.

В вагоне было тепло, уютно, весело. Разговоры, шутки не умолкли даже ночью. Три с половиной тысячи километров, отделявшие Ленинград от конечной станции этого шумного, веселого путешествия, пролетели под ритмичный стук вагонных колес незаметно. И вот, точно очнувшись после ярких, как весеннее солнце, стремительно промелькнувших сновидений, в хмурое мартовское утро веселые спутники оказались у цели.

То была невеликая, ничем не приметная в прошлом железнодорожная станция Омской железной дороги. Шумно вывалившись из вагонов на заснеженный, забитый народом перрон, новоселы как-то все сразу притихли, стали оглядываться по сторонам. Что-то не пахло пока весной в этих краях. Низкое пепельно-серое небо кренилось над степью, а гладкоствольные тополя угрюмо гудели на шквальном сыром, тяжелом ветру. Студеновато для конца марта. Некоторые щеголи в хромовых сапожках и модницы в капроновых чулках невесело заприплясывали. Менее спесивые тотчас же стали переобуваться в кирзовые сапоги на двойную портянку, а кто и в валенки, припасенные заботливой мамашей.

Представители Северо-Казахстанского треста совхозов, встретившие новоселов на станции, тут же вручили им путевки в зерносовхозы. Серафиме Селиверстовой и ее подругам выпал на долю зерносовхоз Украинский.

— Это далеко ли отсюда? — спросила Серафима уважительного представителя треста, добродушного, смешливого сибиряка в ондатровой куртке нараешку.

— Да нет, вам повезло, барышни. Тут рукой подать, — полушутя, полусерьезно ответил сибиряк.

— Ну, а все-таки? — не унималась Серафима.

— Да ерунда! Полных трехсот не наберется.

— Это чего же трехсот-то?

— Верст или километров, все равно не очень точно меряны.

— Хорошенькая ерунда!

Сибиряк хитровато ухмыльнулся:

— По нашим понятиям триста верст — не велик полустанок. Вон в Тимирязевской или к Богдану Хмельницкому — пять кругленьких сот впритирку. Мы прежде и на гужевом транспорте таких концов не робели, а вам на машинах раз чихнуть!

— Какая дорога, а то, пожалуй, вдоволь начихашься, — резонно заметил кто-то, видать, из шоферов.

— Дорога пока — хоть на боку катись. Утром отправим — к ужину на месте будете.

— А как же, товарищ, насчет курсов механизаторов? Вот мы с девчатами, например, хотим с ходу на курсы трактористов, — не отступала Серафима.

— Все на новом месте, все там у вас дома решится, голубушка, — успокоил ее представитель треста.

Полутру, чуть свет, колонна грузовиков с кузовами, битком набитыми новоселами, тронулась в неблизкий путь. Машины мчались в распахнутый настезь степной простор с лихой скоростью. И снова, как в вагонах, девушек захватило светлое чувство новизны, ощущение простора, радости жизни и жажда деяния. Вспыхнула и понеслась по степи веселая песня, подхваченная десятками юных голосов.

Вскоре яркое, жаркое солнце, поднимаясь над степью все выше, начало так припекать, что кое-кто из пассажиров снимал с плеч ватники, и девушки обнажили головы. А к полудню так развезло, что дорога превратилась в сплошное рыхлое, вязкое месиво грязно-бурого снега, кипящего под натруженно ревущими при пробуксовке колесами. Бурые потоки вешней воды хлынули с увалов, затопляя впадины и низины вблизи березовых перелесков, и машины форсировали такие водные рубежи при помощи повыскакивавших из кузовов, утопавших по пояс в ледяной воде дружных пассажиров.

Вся вторая половина дня прошла почти в непрерывной буксовке то одной, то другой автомашины, в тяжелом труде неутомимых, по-прежнему озорных, шумных, неунывающих новоселов. Ребята и девушки, превратившись в бывалых фронтовых саперов, быстро и ловко сооружали настилы из березняка или камыша, подкидывали под колеса и выталкивали машины из предательских ловушек.

В сумерках, когда стало примораживать, колонна автомашин добралась до первого на пути небольшого селения. Но оказалось, не так-то было легко и просто найти здесь промокшим и продрогшим до костей путникам желанный приют под крышей. Улицы поселка уже были забиты грузовыми автомашинами, и на воротах, как в прифронтовой полосе, красовались краткие надписи, размашисто начертанные то углем, то мелом: «Занято. Тимирязевцы», «Докучаевцы», «Здесь Богдан Хмельницкий!» Это значило, что дома колхозников были уже заняты под постой новоселами Тимирязевского, Докучаевского или Богдан-Хмельницкого зерносовхозов.

Но как бы ни тесно было от постояльцев в деревенских пятистенниках и саманных хатах, а нашлось в конце концов место и для новоселов из Украинского зерносовхоза. Подруги ночевали хоть и вповалку, но даже в отдельной горнице и, несмотря на большую усталость, далеко за полночь проговорили между собой. В этот памятный ночной разговор Астра Парадовская неожиданно заявила подругам:

— А знаете, девочки, я в Ленинград не поеду.

— То есть как? — с изумлением спросила ее Серафима.

— А так, останусь тут с вами... навсегда.

— Ты это серьезно?

— Такими делами не шутят! — строго сказала Астра и стала клятвенно целоваться с подругами.

...После недельного пребывания ленинградок в брезентовых палатках зерносовхоза на берегу кишмя кишашего птицей озера подруг во главе с Астрой Парадовской пригласили в дирекцию.

Дирекция тоже размещалась в палатке и более была похожа на полевой штаб воинской части, чем на дирекцию. Приземистый, быстрый в движениях человек с седой головой — это и был директор Илья Григорьянец — встретил девочек широкой, доверительно-ясной улыбкой:

— Ну, как живется на новом месте, голубушки? Огляделись? Обвыклись? Не тесновато в палатках?

— Ничего, привыкаем. В тесноте — не в обиде, как говорится, — ответила за всех Серафима.

— Не холодновато в брезентовых-то домах?

— Да не жарко, Илья Карпович! — с легкой усмешкой ответила Серафима.

— Вот, вот, не жарко! — живо подхватил директор. — Придется подумать нам с вами о более надежном жилье. Присаживайтесь, в ногах правды нет. По-толкуем.

Девушки осторожно присели. Притихшие, насторожившиеся, они были похожи в эти минуты на птиц, готовых вспорхнуть при малейшем тревожном шорохе. Директор приветливо обвел взглядом своих юных посетительниц и после недолгой паузы сказал:

— Трудный переплет у нас намечается, голубушки. Выручайте.

— Мы готовы, — тотчас же отозвалась за всех Вера Кулешова.

— Оговариваюсь, — добавил директор. — Дело не легкое. Трудоемкое. Тут и сноровка и физическая выносливость нужны... Словом, нам нужна бригада саманщиц. Как вы на это смотрите?

Девчата недоуменно переглянулись. Ни одна из них не знала, о чем идет речь.

— А это кто такие, саманщицы? — настороженно спросила Серафима.

— Обыкновенные работницы, которые делают саман.

— А что такое саман?

— Блоки, или, проще сказать, кирпичи, из соломы с примесью глины. Превосходный, скажу вам, строительный материал! Видели, небось, какие чудесные хаты понастроили себе из этого материала в тех деревнях, которые вам довелось проезжать по пути в наш совхоз. Зимой в таких хатах тепло, летом прохладно. Чудо!

Девчата продолжали переглядываться и молчали. Директор тоже молчал и ждал ответного слова. Наконец Серафима Селиверстова, надменно поведя своими красивыми, литыми плечами, сказала:

— Странно! Мы ведь, кажется, целину поднимать приехали...

— Конечно! — с живостью отозвался директор.

— А целину, кажется, поднимают тракторами, — съехидничала Серафима.

— Ошибаетесь, голубушка, — мягко ответил ей директор. — Нам придется поднимать ее и руками.

— Вот этого я не представляла, — упавшим голосом сказала Серафима, разглядывая чистые свои руки со следами бывшего маникюра.

— Что ж, мы многого не представляли вдали от этих мест, а только целину приходится поднимать и трактористам, и монтажникам сборных домов, и бурьльщикам колодезных скважин, и связистам, и шоферам, и саманщицам, и нашему брату — организаторам совхозов. — Сказав это, директор снова оглядел девушек и, чуть помедлив, спросил: — Ну, как же, девчата, задача ясна?

— Ясна, товарищ директор! — с живостью отозвалась Астра.

Но Серафима перебила ее:

— Мне не очень!

— Разберемся, — прозвучал ясный, уверенный голос Веры Кулешовой.

— Не боги горшки обжигают, — примиряюще сказал директор. — Необходимый инструктаж вы получите. Разыскали мы тут среди местных старожиллов бывшего мастера — золотые руки! С таким в грязь лицом не ударите. — Выждав паузу, директор спросил: — Ну, как, девушки, писать приказ?

— Пишите, — твердо сказала Астра. — Попробуем.

Серафима Селиверстова горько вздохнула, поднялась, поспешно и не очень любезно простилась с директором и вышла раньше других.

Весь вечер она провалялась в палатке, не разговаривая с подругами. Греха таить нечего, остальные тоже не очень-то были рады освоению малопривлекательной и непонятной профессии. Не унывала только Вера Кулешова.

— Не понимаю, чего это вы губы надули? Тоже мне, белоручки, глины испугались! Погодите, все ахнут, как же мы саманы начнем выдавать. Ведь это же интересно: из нашего кирпича дома на центральной усадьбе строятся будут! Всех жильем обеспечим.

Девушки отмалчивались.

Астра, как бригадир, старалась держаться на высоте и не выдавала своих волнений, но ее тоже мучили сомнения: «Справимся ли?»

Прошел месяц.

И — это было уже в начале июня — о бригаде ленинградских саманщиц из Украинского зерносовхоза заговорили в окрестной степи, во всех пяти новых зерносовхозах. Имена Астры Парадовской, ее помощницы Серафимы Селиверстовой и всех остальных подруг, членов бригады, замелькали на страницах районной, областной, а затем и республиканской печати. В Украинский совхоз зачастили руководящие работники из других зерносовхозов. Всем хотелось лично убедиться в быстром темпе строительства саманных жилых домов, а главное — перенять опыт организации производства этого прекрасного в местных условиях строительного материала.

— За опытом валяйте в веселую нашу бригаду, — говорил таким экскурсантам Илья Карпович Григорьянц.

— Что значит веселая?

— Так зовут у нас бригаду саманщиц.

А называли ее так не зря. Саманные блоки девушки изготавливали на берегу зеркального озера, оправленного в роскошную раму изумрудно-зеленого камыша. Доступное потокам яркого летнего света, открытое ветрам и солнцу, высокое место это радовало глаз степных путников и манило к себе. Потом потянуло сюда и водителей грузовых автомашин, сновавших взад и вперед по вновь проложенному в краю целинных земель бойкому, шумному тракту. И, конечно, не красоты природы привлекали сюда молодых людей. Парни тянулись взглянуть на работавших тут ленинградских девушек. Быстро освоив новое дело, они работали проворно, красиво, слаженно и... пели. С утра до позднего вечера звучали над озером звонкие девичьи голоса, серебром рассыпался смех.

Приглядываясь со стороны к труду этих девушек, можно было подумать, что заняты они не очень утомительным и, пожалуй, даже забавным делом — столь легки были движения их обнаженных по локоть, запачканных глиной рук, ловко орудовавших деревянными формами, набитыми вязким месивом глины с соломой. Подбадривая друг друга шуткой, они как будто не ощущали физических усилий в этом нелегком труде.

Стороннему наблюдателю могло показаться, что девушки эти с малых лет только и делали, что приготавливали саманы. И лишь сами они, теперешние мастерицы этого трудоемкого дела, да те, кто когда-либо занимался этим, знали, как трудна эта немудрая работа.

Труднее всех приходилось в первую пору, пожалуй, своеправной Серафиме Селиверстовой. Но и она, невольно заражаясь дружным, трудовым ритмом бригады, мало-помалу увлеклась рабочим азартом подруг. А спустя неделю Серафима уже не отставала от них ни в темпах, ни в ловкости, ни в смекалке, без чего не спорится никакой труд.

— Давай, давай жизни, Серафима! Это тебе не на тракторе руль крутить! — подтрунивала над ней Вера Кулешова.

— Помалкивай! Придет время, я и на тракторе класс покажу. Это ведь ты у нас метишь в поварихи, — не оставалась в долгу Серафима.

Нет, недаром то и дело подвертывали сюда с соседнего тракта лишние шоферы на своих грузовиках, всегда находя нехитрое, шитое белыми нитками оправдание: то воды в радиатор подлить, то напиться... Очень уж хотелось завоевать внимание веселых саманщиц, снискавших такую популярность.

Но неподатливы на льстивые речи непрошенных кавалеров ленинградки. Жестко высмеивали они неловкие любезности и картинные комплименты залетных кавалеров. Да только те не смущались.

...Поздней осенью, в канун праздника минувшего года, я встретился с подругами Астры на центральной усадьбе совхоза. Девушки только что вселились в новое общежитие и, готовясь к празднованию новоселья, наводили порядок в уютных и светлых своих комнатах. Астра с помощью Серафимы подвешивала тюлевые гардины на окна, остальные подруги сидели, как гости, пришедшие скоротать осенний вечер в комнате своих бригадиров. Когда гостеприимные хозяйки подали на стол новенький никелированный самовар, у нас завязался тот непринужденно-доверительный разговор, к которому располагают предпраздничные вечера в комнате, полной друзей, тепла и уюта.

— Клуб вы наш видели? — спросила меня Серафима.

— Отличный клуб!

— Это из нашего самана.

— А столовая! — напомнила Вера Кулешова. — Это же первое здание в усадьбе, построенное из местного стройматериала нашего производства!

— Хватит хвастаться! Подумаешь, какой интерес человеку про наши саманы слушать! — заметила Астра.

— А вот я назло похвастаюсь! Не шутка в деле — двадцать пять тысяч штук саманных блоков за лето

одной бригадой набить. Нечего скромничать-то, можно и похвалиться, — рассудительно сказала Серафима.

— Вот видишь, Сима, как судьба-то сыграла! Хотела ты стать трактористкой, а сделалась саманщицей, — не утерпев, поддела Серафиму Вера Кулешова.

— Ладно, ладно, Верка, ты меня не подкусывай! Я-то нынешней зимой на курсы механизаторов как пить дать попаду. Директорскую резолюцию на заявлении уже имею, а вот тебе, видать, должность бригадной поварихи не улыбнется, — отплатила ей Серафима.

— Да, представь себе, ты права: не улыбнется. Меня тоже на курсы трактористов посылают, — сказала с притворным сожалением Вера.

И все дружно засмеялись.

Наше общее внимание привлек знакомый голос из репродуктора:

— Говорит Москва. В двадцать часов десять минут слушайте передачу из Ленинграда.

Астра резко, точно от укола, откинулась на спинку стула и прикрыла глаза. Длинные, густые темно-бархатистые ресницы ее слегка подрагивали, словно от легкого дуновения, а на по-детски пухлых губах притаилась чуть приметная улыбка. Не открывая смеженных век, Астра тихо, мечтательно сказала:

— А хорошо сейчас, в канун праздника, в Ленинграде! Особенно на Невском. А, девчата?..

— А у нас тоже хорошо, — так же тихо сказала Вера Кулешова.— Там по-своему, а у нас по-своему!..

ТРЕТЬЯ ВЕСНА НА ЦЕЛИНЕ

Что и говорить, затяжной и на редкость неласковой была в Казахстане нынешняя зима. Бурно отпраздновав свое раннее вторжение в край былых целинных просторов обильными снегопадами в ноябре, она отсалютовала приходу нового, 1956 года артиллерийской пальбой с грохотом разрывающихся на озерах льдов в морозные декабрьские ночи.

Наглухо замуравив спрессованным лютой стужей снегом пашню, она с яростным усердием заметала с первых дней ноября и до последних чисел марта все пути и дороги.

В феврале низовые метели, перемежаясь со штормовыми, кипящими от мятежных ветров снегопадами, бушевали, не утихая неделями. В такой день над степью, как над нелюдимым студеным морем в шторм, нависала такая свинцовая полумгла, что люди и в полдень зажигали огни. И туго приходилось отважным водителям грузового автотранспорта и проворным трактористам-целинщикам, занятым в ту пору переборками семенного зерна и горючего с пристанционных баз к центральным усадьбам зерносовхозов. Воля и мужество новоселов граничили с героизмом, каждый рейс — с подвигом, труд — с вдохновением.

Суровую, благородную школу жизни прошли молодые сыны России и Украины, Белоруссии и Молдавии на поднятой ими целине. Не очень гостеприимно встре-

тили древние степи непоседливо шумных, расторопных пришельцев, по-хозяйски и с ходу принявшихся за устройство новой жизни. И немало испытали они, повзрослев, возмужав и окрепнув за минувшее двухлетие на упругом степном казахстанском ветру. Вот и ушла уже в прошлое неповторимая, овеванная нежным дымком романтики, лихорадочная, бурная и капризная весна памятного целинщикам 1954 года. Позади осталась малоуютная бивуачная жизнь на апрельском снегу в тесных походных палатках. Уже позади все былые лишения, обиды и беды той героической, трижды прекрасной поры.

Не все из залетных в эти степи нездешних орлят прижились в краю бывшего ковыльного царства, поднялись на крыло. Но те из них, кто остался в отважном краю, и поныне вправе величаться познавшими гордую радость высотных полетов степными орлами! Им есть чем гордиться теперь. Это их неспроста, золотыми руками были воздвигнуты в полуденных степях жилые дома и строгие корпуса хозяйственных зданий, смонтированы поселковые радиоузлы и построены в неурочное время клубы, заложены фруктово-ягодные сады и разбиты декоративные парки.

Мастера на все руки, они на ходу обучались технике сборки стандартных домов и арматурному делу, мастерству бетоноукладчиков, освоению новых мощных машин. За два года они построили в Казахстане 337 степных городков — новых зерносовхозов.

Незавидными выглядели в зимнюю пору эти затерявшиеся в заснеженном степном океане городки новоселов, доступные всем ветрам, потонувшие в зыбучих снегах; ходили они в ту пору на одинокие малообжитые островки зимовщиков Арктики, раскиданные в малоприветливом, в труднодоступном суровом краю.

Но это только с первого взгляда, со стороны.

Среди снежного безмолвия ключом была напряженная, полная трудовых затрат и тревог, радостей и печалей будничная жизнь. Творчески беспокойную жизнь физически ощущаешь в каждом из степных селений во всех многогранных ее проявлениях: в четком сердцебиении отремонтированных тракторных мо-

торов и в азартно-запальчивом рокоте токарных станков в цехах механических мастерских; в бойком постукивании газогенераторов усадебных электростанций и в веселом, легком переплясе кузнечных молотов; в грохоте сортировок, обрабатывающих семенное зерно, и в потоке светлых, трепетных звуков фортепьянного концерта Чайковского, хлынувших из уличных репродукторов...

Это днем.

Но и в бесконечно долгие зимние вечера новоселам было не до уныния, не до праздной скуки. Одни из механизаторов, урывая каждый свободный час, торопились разделаться до весны со сдачей техминимума. Другие, посещая вечернюю среднюю школу, старались заслужить право на аттестат зрелости — не велика беда, что несколько, может быть, и запоздалый! Третьим хоть разорвись: идти то ли к восьми вечера в клуб на генеральную репетицию «Власти тьмы», то ли на сыгровку струнного оркестра! В клубе по вечерам битком.

Кружкам самодеятельности счету нет. Что ни день, то новые таланты! А комната для репетиций одна, и молодым дарованиям приходится каждый вечер отвоевывать ее чуть ли не в драке. Маловат клуб. Но тут уж винить молодым новоселам некого. Как почти во всех целинных зерносовхозах, строили они его сами — в воскресники по храбро брошенному артельному проекту. И здание вышло на славу. Без особых украшательств внутри и без излишней парадности по фасаду. Зато шлакобетонным стенам его веку не будет. И свету в окнах — залейся! Одна беда — тесновато. Но есть слух, что типовой проект совхозных клубов уже получен. Дирекция говорит, что дело теперь за немногим — за деньгами. А деньги за урожаем.

Урожай!

Старожилы здешних мест — потомственные хлеборобы кустанайских степей и мастера земледелия Северного Казахстана — в один голос твердят, что виды на урожай в этом году отменные. За это, по их словам, говорят многие приметы. И самые бесспорные из них налицо. Это прошлогодняя осень с ее запоздалыми

обильными ливнями, вдоволь напоившими влагой опаленную летними суховеями землю, и необыкновенно щедрая на снегопады нынешняя зима. Снега и впрямь лежали в степях небывалые: куда ни ступи, в пояс!

С жадным, живым любопытством, прислушиваясь при случае к каждому слову старых людей, охотно твердивших об этих добрых приметах, суливших дождливое, залитое погоками тепла и света лето, молодые новоселы знали, меж тем, что дело тут не только в одних, видимо, достойных уважения верных народных приметах. Молодых земледельцев в канун третьей весны на целине окрыляло и радовало другое: право на грядущий нынешний урожай, завоеванный ими ценой огромного напряжения и физических и душевных сил в двухлетней битве за торжество новой жизни на обновленной земле.

Подняв и обработав за два года 18 миллионов гектаров под посевы нынешнего года, новоселы не сидели сложа руки зимой в ожидании очевидного по всем приметам полновесного урожая. Жаркая битва за него продолжалась на покрытых снегом пашнях и в цехах машинно-тракторных станций, семенных лабораториях и под крышами совхозных зернохранилищ, на курсах трактористов и в молодежных агрокружках. В конце марта завершилась трудоемкая работа механизаторов по задержанию снегов на 15 миллионах гектаров. Весь громадный тракторный парк со всеми его сложными посевными агрегатами был уже приведен в боевую готовность, и огромная, превосходно оснащенная совершенной техникой земледелия армия покорителей целины заняла исходные рубежи перед решающим штурмом.

Совсем недавно — это было всего три года тому назад, в канун великого народного наступления на целину, — вся посевная площадь Казахстана не превышала и 10 миллионов гектаров. А нынешней весной в Казахстане будет посеяно 27 миллионов гектаров, из них 23 миллиона — зерновыми культурами и в том числе 18 миллионов гектаров — пшеницей. Республика намерена вырастить нынче примерно полтора миллиарда пудов зерна и сдать в государственные закрома

один миллиард пудов высокосортной пшеницы! Таким образом, уже в этом году Казахстан выполнит задание по производству зерна, намеченное на конец шестой пятилетки.

Таковы масштабы нынешних полевых работ на весеннем севе в воскрешенных к жизни степях республики, ставшей крупнейшей житницей на востоке нашего Отечества.

Однако, кроме этой гигантской работы на севе, механизаторы зерносовхозов и МТС Казахстана должны будут распахать 1,5 миллиона гектаров новых целинных земель и поднять свыше 20 миллионов гектаров зяби под яровой клин будущего года. А это значит, что республика при введении севооборотов и обработке паров не сократит посевов зерновых культур и в последующие годы.

Вот почему с особым душевным волнением, с застенчивой радостью ждали прихода нынешней весны спокойные старожилы и по-юношески нетерпеливые новоселы. Все было давным-давно начеку, наготове. И машины. И люди. И зима закончилась по календарю. Южные районы республики начали дружный сев на зависть северянам в начале апреля. А в степях Кустаная, на целинных пашнях Северного Казахстана, Кокчетавской, Акмолинской и Карагандинской областей то совсем по-весеннему жарко начинало заигрывать с оробелой, покорно присмирившей зимою ослепительно яркое солнце, то, глядишь, опять поднимала седую, дряхлую голову вьюга, и ручьи, оборвав свой лепет, замирали, мгновенно скрываясь под снегом.

И только во второй половине апреля зима, приняв последний неравный бой с горячими потоками ветра и света, свернула свои растрепанные знамена, уходя наутек с несвойственной ее почтенному возрасту прытью...

Потемневшие на поднятой целине снега, превращаясь в кисельное месиво, задымились над степью. С ревом ринулась — вал за валом — в овраги и балки поляя ледяная вода. И свирепый северный ветер, сатаня все больше и больше от ярости, принялся за расправу над озерными льдами. Будто подрывая их то-

лом, он играючи раскидывал огромные голубые льдины в кипящие разводья.

— Ну, как, тронулся, братцы, ледок? — окликнул двух крепышей-трактористов, залюбовавшихся ледоходом, неслышно приблизившийся к ним с тылу пожилой подвижный человек в старомодных очках — директор Ждановского зерносовхоза Дмитрий Андреевич Скрипник.

— Тронулся, Дмитрий Андреевич. Дает жизни! — живо откликнулся один из трактористов, Семен Семенов.

— Едва, понимаешь, дождались. Прямо все из терпения вышли, — сказал со смущенной улыбкой другой тракторист, Владимир Гурьев.

Это были одни из лучших трактористов-целинщиков Ждановского зерносовхоза, хорошо известные не только в Северном Казахстане, но и во всей республике. Работая посменно на одном тракторе «С-80», они подняли в минувшем году 3 200 гектаров целины, сэкономив при этом свыше 2,5 тысячи килограммов горючего, и оба были награждены почетными значками «За освоение целинных земель».

Делегат XX съезда партии Дмитрий Андреевич Скрипник — человек, тоже отлично известный в республике, — держась со своими знаменитыми трактористами на равной ноге, говорил, любуясь вместе с ними богатырской работой ветра над разбитыми льдами озера.

— Вот так-то, ребяташки, дожили мы с вами до третьей весны на целине. Поздравляю... Не знаю, как у вас, а у меня, говоря между нами, кошки на душе нет-нет да и поскребут коготками. Все-таки посеять двадцать с лишним тысяч гектаров за восемь суток — задачка на все четыре действия!

— Решим, Дмитрий Андреевич! — живо отозвался Семен Семенов.

— Не говори «гоп»... — заметил напарнику Владимир Гурьев.

— Вот именно, Сеня! — поддержал тракториста директор. — Положим, ни народ, ни машины не подведут. Какие могут быть речи! А вот весна — бабушка

надвое сказала. Она и нынче с фокусами. Только и поглядывай в оба, как бы удила не закусил!

— Объездим,— сказал не привыкший, видимо, унывать Семен Семенов.

Бросив короткий внимательный взгляд на улыбающееся, по-юношески открытое лицо Семенова, директор сказал:

— Нет, силен ты у нас все-таки, Семен. Вот бы мне твои двадцать годов да такую грудь — колесом. А?

Они все втроем засмеялись, закуривая «Беломор» из полусмятой директорской пачки.

Через два дня бригадирам всех тракторных бригад был оглашен приказ директора о выходе тракторных отрядов на боронование распаханной целины. И тотчас же заведенные тракторы, лязгнув чуть прихваченными легким налетом ржавчины гусеницами, рванулись в настежь распахнутый, залитый солнцем огромный степной простор, как застоявшиеся, почуявшие волю кони.

Семен Семенов, вырвавшись на своем «С-80» вперед колонны, шурясь от жаркого, бьющего в глаза солнца, искоса временами поглядывал на стоящего в стороне Дмитрия Андреевича Скрипкина, и хитровато-наивная улыбка то и дело слегка трогала пухлые, повешенному обветренные его губы.

Третий весенний штурм поднятой целины в Казахстане начался!

1956 год.

ЗАРНИЦЫ НАД НИВАМИ

Пло узкой, прямой, как натянутая струна, меже, недавно превращенной в неторную пока, проселочную дорогу, шел в вечерний час одинокий путник. Шел не спеша, несуетливой, мерной походкой, видать, привычного к недлинным странствиям пешехода, каких немало водилось в былые времена на Руси. То была порода людей любознательных, непоседливых, беспокойных, свято влюбленных в родную землю, в широту настезь распахнутых, бескрайних ее просторов, в жаркие краски ранних летних рассветов ее и в мятежные огни поздних закатов, в непраздный, хорошо знающий цену труду и досугу ее народ...

В неказистых, грубо сработанных башмаках, обутых на босу ногу, в выцветшей от стирки и солнца просторной ситцевой рубахе, перехваченной в поясе узким сыромятным ремнем, с длинной, похожей на посох палкой в руках походил этот путник внешне, с первого взгляда, не то на старого колхозного пастуха, не то и в самом деле на одного из тех, навсегда ушедших в прошлое странников, что, бывало, бродили из края в край по градам и весям нашей Родины в беспокойных поисках трижды благословенной, не скупой на блага, на радость и дары земли.

Это был рослый, не по годам прямо державшийся, широкий в кости старик. Задубелое от векового загара лицо, обрамленное ковыльной сединой трепещущей на

ветру бороды, могло показаться даже моложавым: загар скрадывал глубину застарелых скорбных морщин у глубоко запавших под дремучими седыми бровями, уже немолодо светившихся глаз. Но и эти усталые глаза старого человека не утратили с годами врожденной зоркости природного степняка, смотрели на мир без старческого равнодушия и печали, с тем тревожно-жадным, близким к изумлению, радостным любопытством, какое свойственно детям да разве неповторимой юности.

Шагая полумежой-полупросеком, путник по-хозяйски зорко и строго всматривался на ходу в кипящее под вечерним небом море нив, смыкавшееся с бесконечно далеким призрачным горизонтом. То темные, как грозовые тучи, то изумрудно-зеленоватые, то нежно-палевые и слегка золотящиеся в лучевых потоках заходящего солнца, вал за валом катились по этому открытому морю хлеба тяжелые атласно-бархатистые волны выметавшей колосья пшеницы. Беспреданно меняя под неверным, изменчивым на закате ветром окраску и форму, играя светом и тенью, бежали они летучей чредой и, настигая друг друга, сталкиваясь, кружась в бурном водовороте, бесследно пропадали затем из глаз в зыбком, ходуном ходившем полевом просторе. И путник, любуясь резвой игрой шустрых, мягко шуршавших волн, то радостно кивал, то покачивал с веселым отчаянием обнаженной, седой как лунь головой, как это делают люди при встрече с завиденным издали памятным сердцу другом, которого не видели много лет...

Нагнав старика, мы пригласили его в машину.

— Благодарствую. Не ездок. В мои годы пеше дело надежнее. При восьмом десятке торопиться нашему брату шибко некуда,— сказал старик, взвешивая на ладони крупный, как бороваой стручок, колос темно-усой пшеницы.

— Тем паче. Ноги-то и побережь бы не грех.

— Смолоду беречь их, резвых в ту пору, не был приучен, добрые люди. А теперь мне такая наука и подавно не впрок.

— И далеко путь держишь?

— Про это особый сказ... Не рукой подать. Одно беда. Вчерашний день порезвее шло, сегодняшний — вперевалку. А вот завтра как бы, грешным делом, не расписаться. Что-то коленки стали пошаливать — загудели. И в поясице не та амбиция — покальвает. Ну да ладно. Река Аят рядом. Доплечусь. Там у брода ключ бьет. Не вода — слеза! Освежусь — возьму да и помолодею!

— Про ключ не слышал. Только Аят твой неказистая, дед, речушка, — насмешливо заметил знаток здешних мест шофер Михаил Анадский.

— По тебе — речушка-верчушка, по мне — река-матушка. Она меня полвека с моей оравой поила! — строго оговорил нашего спутника старик.

— Видать, старожил здешний?

— То-то и оно, что не вчера пришлый... Полста годов кряду в этих краях прострадовал. Да вот выходит шабаш — отстрадовался. Пора увольнительную получить. Никуда не денешься. Худая трава из поля вон. Это я, природный пахарь, очень даже хорошо понимаю. Одно беда: помирать, убей, неохота, ребята. Вы поглядите, что в наших степях нынче делается — страсти. Травы — в пояс. В хлеб сунешься — с головой не видать. Давечь наотмашь кинул для пробы в пшеницу свою фуражку, а ее закачало по хлебу, как по волнам. Хлеборобы знают цену такому фокусу. Скажи на милость, вторые сутки плетусь по сплошной пшенице — и ни конца этому царству, ни краю.

— Мы на машине, дед, километров триста с гаком от города Кустаная уже намотали и то конца этим хлебам не увидели. А ты, понимаешь, пешком хотел океан-море вброд перейти. Шутишь с такой арифметикой: пять миллионов гектаров посевов в одной только нашей области! — верный своей привычке разговаривать в незлобливо-насмешливом тоне сказал шофер.

— Шутить хлебом? Я русский человек. Мужик. Пахарь. Я не то что шутить, картузом седой своей головы прикрыть перед нынешним урожаем не сумею, — угрюмо проговорил старик. И, не выразив больше ду-

шевной готовности к дальнейшему разговору, он, сердито одернув подвешенный к поясу узелок с харчами, собрался от нас уходить.

Стало жалко так скоро расставаться со случайным новым спутником. И мало-помалу мы подговорились к нему коротать недолгую летнюю ночь сообща на берегу той самой речки, о которой столь уважительно говорил старик.

Отпустив машину вперед, мы пошлись пешком меж хлебами. Смеркалось. Ветер спал. Все полувиятнее, все тише и тише, дремотно шуршали колосья пшеницы. Самозабвенно, порой доходя до страстного изнеможения, били в хлебах перепела. Остро в сумерках ощущался медово-бражный аромат межевого разнотравья. И от близкой к созреванию, с набрякшими от налива колосьями пшеницы веяло чуть вмятым запахом парного молока.

Мы молча добрали со стариком до берега невеликой, прикрывшейся ивняком и осокой степной речушки. Это и был Аят, к которому почти вплотную в этих местах подступали зеленые джунгли дремучей пшеницы. Облюбовав пригоснее для ночного привала место, развели костер. И пока кипятился чай в ревниво оберегаемом нашим водителем фронтвом его котелке, старик, лежа навзничь в прибрежной буйной траве, то ли полудремал, то ли, как и мы, внутренне прислушивался к миру ночных шорохов и звуков, которыми была полна в этот поздний час утомленно присмирившая после первородного плодородия целинная степь. Великое торжество брызжущей изобилием, активной, властно преобразовавшей эти степные просторы жизни угадывалось здесь в ночи. О том говорило многое. И похожий на задумчивый полуснепот шелест подступившей к самой реке весомоколосьей пшеницы. И частые вспышки автомобильных фар на пролегшем поодаль грейдерованном тракте. И бойкий говорок неутомимо работавшей где-то на правобережье самоходной сенокосилки. И нежный, трепетный звук мандолины, занесенный в поле кротким полуночным ветерком с недалекого бригадного стана. И даже этот старик, не пощадивший своих гудевших ног ради од-

ного, может быть, недолгого почлега среди буйствующих в пору опыления и цветения хлебов.

Новый наш спутник охотно принял приглашение к нехитрому нашему дорожному ужину. Как большинство старых деревенских людей, хорошо знающих цену в поте добытому хлебу, старик относился к еде, да еще под открытым небом в чистом поле, с явным благоговением. Был молчалив, строг, сосредоточен, почти суров. Было видно, что еда была для этого человека венцом трудового дня. А уж он-то потрудился сегодня, отмахав не одну долгую версту под бескрайним целинным небом, можно сказать, на славу! Из уважения к этому новому нашему путнику мы не посмели затеять на этот раз веселой, безобидной болтовни, какой обычно сопровождалась дорожные наши трапезы.

Разговорился с бывлой душевной охотой старик только после неторопливого ужина. Он назвался Акимом Матвеечем Сторожуком, тут же уточнив и свои года: с апреля нынче шел ему семьдесят третий, более полвека провел он, выходец из бывшей Харьковской губернии, на кустанайской земле. Переселившись в эти безлюдные, полудикие тогда степи в 1902 году, он вместе с прочими тогдашними новоселами прокладывал первые борозды на здешней вековой целине. Жизнь на новом месте начал с батрачества. Потом — это уже года через два — обзавелся парой волов. Затем при помощи супруги — артелью в три — четыре двора — принялся с грехом пополам распахивать новые земли — по десятине на двор за лето.

— Так вот и протрадовал, сказываю, в своем Увальном до позадыпрошлого лета,— продолжал свой рассказ Аким Матвееч.— Как бы там ни впритирку прежде жилось, а девятерых детей на ноги поднял: четырех сыновей с пятью дочерьми. Девки, правду сказать, удались у меня неусидчивые: спозаранки наперегонки замуж повыскакивали. Ну, это так им и надо! А вот что сынам жить не довелось, горько. Трех — один к одному — война за полтора года смела. Только один большак Иван Акимыч с медалью за город Будапешт невредимым и воротился. Сейчас в ав-

тобазе города Кустаная слесарничает. Вот и я при нем второй год существую...

— А до этого?

— Страдал, говорю. В колхозе. Двадцать с гаком годов отдежурил. Там тоже не один пуд соли съел, пока в люди выбился. Председателей, что ли, выбрали не ко двору. При одном жили через пень в колоду. При другом — завей горе веревочкой! Словом, хватили горького до слез, пока на ноги встали. И на коровенках — дошли — севали. И за трудопалочки — было такое время — поработали. Нынче другой разговор. Нынче и в нашей артели житье! А при теперешнем урожае их совсем рукой не достать... Я бы и сейчас от артельной жизни не отошел, не приберег бог старуху... Хоть в хлеборобы я уже не гожусь, а присматривать за молодыми нынешними пахарями не хуже другого ученого агронома, пожалуй, сумел бы.

— В таком догляде — это факт — у нас большая нужда, отец. Целинники — народ молодой, нетерпеливый, беспечный. Земледельцев из них еще воспитывать надо, — сказал один из наших спутников, Николай Цыганок — пропагандист Тарановского райкома партии, сам агроном по образованию.

— То-то и оно, что доглядывать за таким народом в оба надо, не за каждым, правда, за некоторыми, — уточнил старик. — Побывал я на днях в совхозе Белинского. Внуков ездил своих проведать. Там у меня старший зять на грузовой шоферит. Совхоз молодой. Хозяйство — середка на половинке. Не хуже других, сказывают, на нашей матушке-целине и не лучше. Правда, центральная усадьба у них — картину рисуй. Дома деревянные, под шифером, палисаднички, жилым пахнет. А люди пока живут незавидно. Одному — край жениться приспичило, да приютиться по молодому делу негде. Другому сапоги починить за восемьдесят верст с попутной машиной приходится ехать. Третий на харчи жалуется. Столовая вроде под боком, да последний аппетит кухарки отбили...

— Ну, а урожаи какой у них?

— Урожаи, как везде, у них нынче. Поглядишь — голова кружится! Меня зять уважил. По всем их по-

лям в кабине прокатил. Полдня колесили. Двадцать четыре тыщи десятины пшеницы со всех краев оглядели. Такое золото будет — лопатой гребни! По сто пудов вкруговую — это как пить дать — с десятины брякнет. А с каких и за двести перевалит.

— Не с десятины — с гектара, скажи, — поправил старика пропагандист райкома.

— Пускай станет по-твоему, с гектара. Это бараберь — все равно, — сказать тебе по-казахски... Одно задело там у них старую мою хлебоборбную душу. Не похозяйски, абы как, закрайки у пашни при севе были заделаны. Сеялки, видать, варначье, при отворотах и переездах не выключали. Вот и дует теперь пшеница и на межах, и на дорогах, и в чистом поле, и в открытой степи. Разве это порядок?!

— Непорядок, отец, — согласился пропагандист.

— То-то же. Я по этому делу аж у самого директора в конторе был. Товарищ Кукаренко — его фамилия. Федор Кононыч. Боевой, видать, мужик, на войне был. Хват. По сей день при орденах и медалях в будни ходит... Я оратор, известно, какой: без политики возьми да сходу ему про свою досаду и брякни. А он в амбицию. Мы, мол, Красное знамя как первейшие передовики в награду за скорейший сев от райвластей получили. Нам его лично сам секретарь Тарановского райкома партии Дмитрий Иванович Берлин публично на сабантуе вручил. А ты, дескать, старый репей, в государственное дело наше вяжешься! Спасибо погодился главный их агроном. Этот без медалей Потише. Пообходнее. В годах. Видно, вкус в земле понимает. Иван Леонтыч Милецков его зовут.

— Милецкий, — поправил пропагандист.

— Ну ладно, Милецкий... Этот не стал прикрывать греха. Без оговорок уважил мою досаду. Признал собственный недогляд. Недоделки, мол, все наши на виду. Худо заделывали на участках при севе концы. Тут мы неряхи. Намотаем на ус. Даем слово: напрок такой безобразии, отец, на наших полях не увидишь! Ладно, думаю. Это другой разговор. Доплетусь, жив буду, и напрок в эту пору до вас, если разве поги не подведут, поглядеть на честную вашу работу.

— Ты вроде, дед, доброголыного инспектора по качеству обработки целины, что ли — спросил его на смешливо наш водитель.

— Там хоть горшком назови, только в печь не суй, — отвечал на сей раз старик шуткой на шутку. — Я вот в Карабалыкском районе на попутной машине с племянником успел побывать. И там есть родня. Внучка — Зинкой зовут, — после десятого класса высшее образование по слесарному делу в Новотроицком матаесе проходит. Тоже посмотреть на ее край была охота. Да дело опять не вышло, не в Зинке, она сама собой... Катим по тракту, видим, полуспелую рожь широкозахваткой на корм валят. Стой, машина! Здравствуйте! Чьи такие поля? «Второй большевистской весны», — говорят. Колхоз такой есть. Что же вы, варнаки, делаете? Что мол, приказано. Рожь на корм валим. Директива, дескать, из города Кустаяная была спущена. Я вскипел. Подштанишки с вашего председателя на этой меже спустить за такое дело надо, вот это резон! Тыщи пудов зерна погублено. И солома не впрок, как проволока. Какой же тут корм? Ведь для этого, на худой конец, се десять ден назад, дурачье, косить надо было! И это по нынешним временам, когда травы вокруг по пояс, невпроворот! В такую пору ретивым хозяевам на три года впрок сеном запастись можно.

Тяжко вздохнув, старик умолк. Чувствовалось, что теперь ему было горько вспоминать загубленную рожь равнодушными к небывалому урожаю людьми.

Прикорнув кто как сумел у чуть мерцавшего в ночи костра, долго отмалчивались в полузабытии, снова сопротивляясь дремоте, и мы. Ночь была теплой и темной от грозных в своем безмолвии грозных туч, закрывших одну половину неба. От близкой речушки тянуло свежаком, горьким ароматом ивняковой коры, сыростью. Какие-то неутомимые полуночницы-птихи ни на минуту не унимались, продолжали возбужденную возню в прибрежных тальниках и, точно играя в прятки, подразнивали вкрадчиво-озорным писком друг друга. Где-то далеко-далеко, высекая бирюзовый кремневый огонь, то и дело вспыхивали над сонной зыбью

хлебов трепетные зарницы. И это, наверное, про них сказал, как сквозь сон, старик:

— Хорошо играют, к наливу!

— А при чем тут налив? — также сонным голосом спросил шофер.

— При том самом. Много будешь знать — состаришься скоро.

Помолчали. Глухо, словно взрыв на большой глубине под водой, пророкотал в отдалении гром. И старик, как бы думая вслух, сказал:

— Вчерась радио говорило, будто сорок тыщ народу на уборку в наши края приедет. Видимо-невидимо, со всей России!

— Не сорок а целых сто, — опять точно спросонок, откликнулся пропагандист.

— Одних грузовых автомашин к комбайнам по нынешнему зерну, учтите, шестнадцать тысяч надо. Я лично эту урожайную арифметику назубок зазубрил, — прозвучал дремотный голос водителя.

— Пять миллионов сто тысяч гектаров хлебов в одной Кустанайской области — это лет шесть тому назад посевная площадь всей Казахской республики, — сказал райкомовский пропагандист.

— А пять миллионов тонн хлеба — это сто тысяч пятидесятитонных вагонов зерна, — уточнил водитель.

— При чем тут пять твоих миллионов тонн, если урожай в области по сто пудов га вокругую? — придирчиво спросил пропагандист.

— Так это ж я к примеру, чудака-человек, говорил. Для ровного счета. Если, дескать, в степи эти сто тысяч вагонов в один эшелон свести то растянется он почти на тысячу пятьсот километров. Теперь понял, дел, что такое пять миллионов? — спросил старика шофер с усмешкой.

Старик промолчал. И только потом, спустя какое-то время, сказал в тоне прежнего раздумья вслух:

— В грамотеях нынче у нас нехватки нету. А вот — простое дело — указок написать некому.

— Каких указок? — спросил, зевая, пропагандист.

— Подорожных. На столбах с дощечками, чтобы те же ваши тыщи шоферов нездешних людей, в степях

у нас не блудили, попусту горячего не палили, дорогое время в страдную пору на расспросы дороги не тратили.

Пропагандист смолчал. И все мы, навверное, притворившись спящими, опять испытали в эту минуту чувство невольного смущения и неловкости, приняв резонные слова старика как бы за личный упрек в равнодушии, невнимании нашем к нездешним людям, десятками тысяч съезжавшимся на жатву целинных хлебов...

Было уже далеко за полночь, когда наконец все мы забылись недолгим, но крепким на воздухе сном. А проснувшись на солнцевосходе, мы, к взаимному нашему изумлению, не увидели уже возле себя вчерашнего старика.

Куда же чуть свет мог он деться?

— А вон он! Смотрите, опять межой меж хлебов куда-то ходко подался! — обрадованно крикнул пропагандист, указывая на противоположный берег курившейся легким дымком речушки.

И среди заштилевшего, щедро залитого золотыми потоками света моря хлебов, покрывшего бывшие целинные земли, мы увидели человека с палкой в руках, похожей на посох. Твердо ступая прошедшими немалую дорогу ногами, несуетливой, достойной походкой древнего пахаря и хозяина этой земли, шел он по ней среди царства золотящихся под утренним солнцем нив, зорко, строго и властно поглядывая на плоды трудового подвига армии своих внуков.

Кустанай, 1956 год.

ПОДВИГ НАРОДА

В целинном краю умолк шум жатвы. Великое народное наступление на древние северо-казахстанские, акмолинские и кустанайские степи — золотое дно Казахстана — завершилось победой. И ветераны этого беспримерного в истории мирового земледелия сражения за хлеб вправе ныне гордиться трудом своим, равным подвигу, и мужеством, граничащим с героизмом. Озираясь с высот этого штурмом взятого рубежа на пройденный путь, они с особой остротой в эти дни ощущают все пережитое за три последних, уже ушедших в прошлое полулегендарных года.

Пройдут еще многие и многие годы, но никогда не забудут пионеры освоения новых земель первой целинной весны 1954 года, ее обжигающих снежных бурь в марте под Кустанаем и косых апрельских дождей вперемежку со снегопадом в акмолинских степях, ее шквальных майских ветров в штурмовые дни пахоты и не по-вешнему студеных ночей, проведенных новоселами под кровлей разбитых в открытой степи походных палаток...

Теперь многое позади. И сложное чувство тревожной радости, светлых душевных порывов, минутных колебаний и робости, охватившее молодых людей в те памятные дни перед дальней дорогой в неведомый край. И веселая, озорная, близкая к удали, по-фронтовому дружная походная жизнь в эшелонах, стремительно

мчавшихся в далекие от Москвы и Киева, Минска и Приазовья кустанайские и североказахстанские степи. Никогда не забыть молодым новоселам обжитого и лице целинного края и глубоко запавших в их душу первых встреч с гостеприимными старожилками этой небогатой в ту пору людьми глухой степной стороны.

Коренные степняки встречали отважных посланцев России и Украины, Белоруссии и Прибалтики веселой разноголосицей самодеятельных духовых оркестров, испеченными в честь целинников пышными пшеничными караваемы, и казашки — застенчивые дочери степей — приветливо махали русоволосым парням своими смуглыми трепетными руками. На площадях захолустных доселе степных городков и тихих, затерянных в глубинной степи райцентров звучали жаркие речи ораторов на стихийно возникавших летучих митингах. И полотнища трепещущих на ветру знамен и приветственных транспарантов пылали вокруг, подобно кострам, волнуя юные сердца новоселов и согревая душу. Было очень шумно, суетно, весело.

Но вот отгремели бравурные трубные марши. Замер восторженный рокот приветственных рукоплесканий. Непоседливые, расторопные парни с рюкзаками за плечами и юные спутницы их — неробкие заводские девчата в стеганых ватничках, поживившись от стужи, хмуро и пастороженно стали присматриваться к зыбкой от поземки, малоприветливой, нелюдимой степи. Нет, не очень любезно и ласково встречала она поначалу этих издешних, залетных орлят. И морозы держались над Кустанаем тогда не мартовские. И снежок поскрипывал и хрустел под подошвами кирзовых сапог на улицах Кокчетова не по-вешнему. И метели трубили и выли в ту пору вокруг города Атбасара, как в декабре...

Между тем самые суровые испытания душевной стойкости, воли и мужества молодых новоселов поджидали их впереди. И строгую, благородную школу жизни прошли они впоследствии там, на переднем крае первого тура битвы за освоение великой целинной земли. Заняв в марте 1954 года исходные рубежи для штурма, молодая гвардия целинников, не теряя време-

ни, с ходу принялась, засучив рукава, за устройство новой жизни на обновляемой ими земле. Едва разбив в открытой степи, на снегу, брезентовые палатки, молодые ленинградские токари с Выборгской стороны тут же переквалифицировались в плотников, на ходу осваивая технику сборки стандартных домов, и одновременно обучались арматурному делу. А юные работницы Красной Пресни — ткачихи «Трехгорки», вчерашние мастерицы московских кондитерских фабрик, продавщицы цветов из столичных киосков, — тоже не мешкая, храбро взялись за освоение профессий бетоноукладчиц и штукатуров, маляров и мастериц по производству камышитовых матов и самана.

И вот итог.

Это их неспящими руками были воздвигнуты в полудиких от векового безлюдья степях Казахстана 337 уже прочно обжитых теперь, местами отлично благоустроенных степных городков — центральных усадеб новых широко известных в нашей стране зерносовхозов.

И не только хлебом обогатила родную страну наша поднятая целина. Вместе с тучными нивами, покрывшими нынешним летом былые ковыльные степи, возросла она и молодое племя мастеров передового земледелия — гвардию полеводов и механизаторов, горячо влюбленных в нелегкий свой труд на обновленной ими земле. Люди эти, навсегда осевшие на возделанной их руками земле, — самое неопределимое богатство целинного края. Они — слава и честь ее. Они — трижды прекрасное ее будущее!

Пусть не все из нездешних дерзких орлят, прижившись в краях векового целинного царства, поднялись на крыло, познав гордую радость высотных полетов. Но те из них, у кого не дрогнули молодые упругие крылья на суровом казахстанском ветру, кого не обескуражило бытовое неустройство на первых порах и бивачная жизнь в малоуютных, тесноватых палатках, кого не утратила весенняя стужа и не смутил тропический зной прошлогоднего суховейного лета, — этих стойких, упрямых детей народа никогда не забудет благодарная Родина. Достойные самобытных, ярких поэм об их под-

виге, крылатых народных песен об их героизме, эпических повествований об их вдохновенном труде, они многократно прославлены будут и ныне, и в будущем, и не одним добрым словом помянут их наши потомки — будущие старожилы поднятой их дедами и отцами, потонувшей в цветущих садах и пашнях целинной земли.

Целина стала историей, ковыльные степи — пашнями, полевые палаточные биваки новоселов — уютно обжитыми, заманчивыми поселками. Ушло в прошлое многое. И героическая, подернутая легкой дымкой романтики неповторимая перзая весна на целине. И горечь воспоминаний о прошлогодней засухе. Позади и все былые обиды, лишения и беды той незабываемой поры. Улыбкой да незлобливой шуткой вспоминают при случае целинники минувшую зиму с ее ревушими по целым неделям выюгами и сорокапятиградусными морозами. Было дело, трудновато приходилось в пору навесных снегопадов и метельной сумятицы отважным водителям автомашин и бывалым, выдавшим виды трактористам, занятым переброской семян, продовольствия и стронтельных материалов с пристанционных баз на центральные усадьбы зерносовхозов, раскиданных в глубинных степях, порою за сотни километров от ближайших железнодорожных станций.

Но и эта, даже на диво здешним степным старожилам, жестокая зима не только чинила одни беды и горести взятым ею в переплет новоселам. Нет, она порой и приободряла, окрыляла, радовала их глубиной рано павших на поднятую целину, крепко спрессованных затем лютыми морозами снегов. А это, по единодушному утверждению старожилков, было одной из самых благих и верных примет, предвестников большого грядущего урожая.

Взрыхлив богатырскими тракторными плугами миллионы гектаров целинной земли, по-хозяйски разработав ее под весенний посев, полеводы и механизаторы Казахстана не сидели минувшей зимой в ожидании грядущего урожая с праздно скрещенными на груди руками. Нет, яростные бои за изобилие, за нынешнее осеннее торжество продолжались всю минувшую зиму.

Их вели механизаторы и в открытой степи, на занесенных снегами целинных пашнях и в цехах холодных, зачастую кое-как оборудованных на скорую руку машинно-тракторных мастерских. Было и такое, когда текущий ремонт тракторов и прицепных орудий безупречно проводили люди среди лютой зимы, на свирепом ветру, под открытым небом. И это ли нельзя назвать подвигом! А шоферы грузовиков, перебросив за зиму из далеких глубин в свои совхозы тысячи тонн семенного зерна, тоже были, как есть и поныне, ветеранами этой битвы. Легендарными были их зимние рейсы с неоднократно выпущенными ночевками автоколонн в открытой степи, объятай метелью.

Уже в конце марта механизаторы, завершив трудоемкую работу по снегозадержанию на миллионах гектаров целинной пашни, привели в боевую готовность громадный тракторный парк со всеми его сложными посевными агрегатами. И вся армия штурмовиков целины приготовилась к решающей битве за хлеб. По гигантским масштабам полевых работ, по предельному напряжению человеческих сил ветеранов этого посевного штурма, по четкому взаимодействию всех производственных соединений, механических орудий и агрегатов, по всему волевому, активному, творческому горению и деянию, по всему этому единому душевному порыву людей к борьбе и победе весенний сев на целине этого года достоин сравнения с крылатым, стремительным, как атака в развернутом строю, блестяще выигранным сражением. И сражение это, завершенное на целинных землях республики в течение одной десятидневки, блеснуло самой яркой звездой в созвездии прочих добрых примет и предзнаменований — предвестниц щедрого на литое, весомое золото нынешнего урожая!

Урожай на поднятой целине!

О нем мечтало не одно поколение природных русских пахарей и украинских земледельцев, некогда осевших в этом полупустынном в ту пору краю. И утомленные трудовой вахтой целинники, заснув в часы недолгих передышек в бригадной палатке или на меже, не раз видели его в тревожно-ярких снах.

И едва перевалило за вторую половину шестидесятилетнего лета и трепетные июльские зарницы замерцали над морем хлебов в почве, как небывалый в этих краях урожай поднялся во весь богатырский свой рост. Наяву он был прекраснее былых прадедовских мечтаний. И в степях вместо мертвой зяби, пепельных ковылей ходуном ходило, колыхалось теперь живое, золотое море пшеницы. На сотни, на тысячи верст разлилось оно в границах бывшего целинного царства, и ветер гнал тугие, упругие волны пропитанной ароматом наливного, прогретого солнцем зерна пшеницы, и сердце сжималось при взгляде на это брызжущее золотыми искрами изобилие, на этот преисполненный торжествующей жизнью великий простор.

Жатва была для народа венцом трудового напряжения. Жатва на целине стала ареной народного подвига, полем чести детей народа, полем их доблести и славы. Вот почему на клич нашей партии откликнулись тысячи и тысячи жарких сердец крылатой, легкой на взлет юности, и страна снарядила своих детей в помощь поколению победителей целины.

В битве за казахстанский миллиард плечом к плечу, локоть к локтю с молодыми хозяевами целинного края сражалась студенческая молодежь страны и завтрашняя гвардия рабочего класса — ученики ремесленных училищ, комсомольцы крупнейших промышленных предприятий и молодые работницы ткацких фабрик, — шоферы городских автобаз и вновь вставшие за штурвалы, вернувшиеся к былой своей профессии комбайнеров известные ныне хозяйственные руководители или инженеры-механизаторы. В ряды штурмовой этой армии мирной страды на целине влились добровольные ударные отряды молодых людей Венгрии и Болгарии, Чехословакии и Румынии. Дети разных народов, люди единой, во многом схожей судьбы, они на равных правах с детьми нашей Родины, так же дружно, яростно и самозабвенно дрались на переднем крае этой великой народной битвы за весомый и зримый целинный хлеб.

Теперь, когда в целинном краю умолкнул победный шум жатвы, миллиард пудов казахстанского зерна, хлынув с полевых токов, доверху затопил государствен-

ные закрома, разошлись с полем по усадьбам последние комбайны, виндруюэры и лафетные жатки. Отзвучали прощальные речи и дружные хоровые песни на шумных проводах добровольцев, покинувших полевые станы ради учебы в университетах или привычного труда в заводских цехах.

Тишина.

Неслышным, мягким, вкрадчивым шагом бредет по целинному краю поздняя осень. На большой подоблачной высоте, над присмиревшими, утомленными первоходным плодородием полями и пашнями пролетают последние стаи покидающих до весны этот край журавлей и казарок. И только люди, навсегда теперь сроднившиеся с обжитым, ими воскрешенным к жизни простором, никогда теперь не покинут этого поля народного подвига — кладовой изобилия!

Алма-Ата, 1956 год.

ЗИМНЯЯ ПОВЕСТЬ

Кроткий февральский день с его безвременной вялой оттепелью завершился к сумеркам робким снегопадом. Ни позднее безмятежно-тихое зимнее утро, ни полный безмолвия и покоя полдень, ни вкрадчиво-кроткий вечер этого мирного будничного дня, — ничто, казалось, не говорило о приближении грозы былого целинного царства — пурги. И не только прижившиеся в этих краях новоселы, но даже и выдавшие виды старожилы, — ни те, ни другие не предугадали на этот раз кануна разбузданного ее разгула и грозного ее торжества!

Между тем невесомый, несмелый спервоначалу снежок, с ледной запыленностью перед закатом над степью, незаметно перешел затем в густой поток лавинного снегопада, отвесно хлынувшего из угрюмой небесной бездны на пустынные, бесконечно печальные в эту пору поля. А позднее — в ночи — вдруг затрубил, дико и властно загикал, завыл штормовой северный ветер. И тотчас же все — похоже, на тысячи верст вокруг — потонуло в сумятице свистящих смерчей низовой поземки, в яростной пляске подоблачных снежных вихрей, в жарком чаду и дыму загулявшей в открытом море степей февральской метели...

Минул девятый час вечера — время не раннее для неспящих сельских людей. Об этом напомнили старой хозяйке нового жигаловского дома на целинной земле древние стенные часы, исторопливо, с раздумьем

пробившие девять раз в глубине опрятной, жарко на-топленной горницы. Их протяжный, мягко вибрировавший на низкой, басовой ноте бой походил на удары приглушенного шумом метели далекого колокола. В такой колокол бивали в прежние времена по случаю выюги с колоколен деревенских церквушек дряхлые звонари — одинокие обитатели церковных сторожек. И в полутемные от метелей полдни и в дымные от выюжной призрачной полумглы зимние ночи звучали с благим вечерним призывом над снегами России эти колокола, подавая вести о близком жилье и приюте сбитым с толку метелью путникам.

Прислушиваясь с утомленно-полузакрытыми глазами к неторопливому бою часов, Аксинья Григорьевна — так величали немолодую хозяйку обжитого наново дома Жигаловых — припомнила про добрый обычай былых деревенских звонарей и украдкой вздохнула. Вот когда бы впору ударить в самый большой колокол! Она — старая мать прочно поставленных теперь ею на ноги одиннадцати детей — готова была сию минуту сама подняться по крутым ступеням на любую колокольню высотой с Ивана Великого. Подняться и ударить в такой колокол, круговые горячие волны звуков которого, разрывая на клочья упругие паруса пурги, докатились бы до пятерых жигаловских братьев, настигнутых выюгой в пути-дороге!

Был же в жизни Аксиньи Жигаловой такой случай. Правда, это в далекой теперь уже от нее, похожей на полузаспанный сон, зоревой ее молодости. Давно это было. Очень давно. Немало с тех пор студеной воды утекло в скитальческих речках сибирских степей. Немало медовых трав отшумело в былом целинном краю. Немало рано тронутых седью волос неслышно обронила старая мать с непокорной былым обидам и бедам своей головы. И многое из пережитого за скудную на радости жизнь было теперь забыто. Одного и на склоне лет не могла позабыть она: вот такого же снежного урагана, внезапно ворвавшегося некогда в полудикие, малообжитые в те времена прииртышские степи.

Случилось это в канун первой мировой войны. Во второй половине ранней в тот год, такой же вот мягкой

и ласковой поначалу зимы. Молодые — на пятом месяце после свадьбы — Максим и Аксинья Жигаловы, оба тогда еще похожие на шустрых подростков, заручившись нехитрым наделом родителей, только что начинали жить своим, малоприбыльным на первых порах крестьянским хозяйством. Обзавелись недорого купленной по случаю глинобитной избой, кое-какой домашностью. И Максим — хозяин двух лошадей — решил для приработка заняться в зимнее время извозом. Вместе с прочими односельцами небогатой руки стал он хаживать по санной дороге с обозами. Возчики доставляли по первопутку мясные туши, кожу, шерсть, копыта и прочее прасольское добро то в неблизкий от их степного селения Омск, то — на дальние, знаменитые в то время в Сибири и Зауралье ярмарки. И Аксинья рано узнала, как длинны, безответно-глухи к людской душевной тревоге сибирские зимние ночи, проводимые смолоду в могильно-тихой избе в одиночку, у незрячего от морозных узоров окошка...

В тот же памятный день зимы 1914 года, когда разбушевалась вот так же под вечер роковая для многих тогдашних дорожных людей пурга, Аксинья ждала возвращения Максима с Ирбитской ярмарки. Почтовый ящик с ласковым прозвищем Ястребок — добряк, хвостун и гуляка, — живший с жигаловскими молодоженами тогда по соседству, навеселе воротясь накануне со станции, дал знать молодой соседке о том, что он обогнал в полдень обоз односельчан верстах в сорока пяти отсюда. Возчики, по словам Ястребка, переночевав на хуторах немецких колонистов, собирались засветло добраться назавтра до дому.

Собирались. Да не добрались. Ни засветло. Ни в потемках. И когда заголосила под вечер с подсвистом вещунья метелей — печная труба в избе, — Аксинья, почуяв неладное, поняла, что обоз, застигнутый в степи бедовой пургой, сбился с дороги. И сбился, выходило по времени, где-то недалеко от дому.

С похолодевшим, упруго стучавшим сердцем долго просидела она в оцепенении у заиндевелого окна в безмолвной своей избе, оторопело прислушиваясь к вертепному реву вьюги. Было страшно подумать о том, что

творилось в ту пору в штормовом, зыбком море степи, ходуном ходившей от бешеного круговорота вихревых снежных волн, то с прибойным грохотом ударявшихся в глинобитные стены жигаловской избы, то гонимых куда-то прочь одуревшим от ярости ураганным ветром...

Чего только не примнилось, не примерещилось в ту ночь тревожно-отзывчивой на каждый шорох и звук семнадцатилетней Аксинье! То она слышала сквозь шум метели протяжное, горькое ржание коня. То бередил ей душу перелетный звон бубенцов. То живой человеческий голос окликал ее по имени издавдала с той призывной напевностью, с какой окликают друг друга близкие люди, разминувшиеся в лесу. А глубокой ночью смутил ее полугромкий, безалаберный перезвон больших и малых колоколов их деревенской церкви. И Аксинья, точно очнувшись при этом от затяжного, тяжкого забытья, поняла, что звон этот ей уже не мерещился,— он звучал в метельной ночи наяву. Так случалось не раз и прежде в зимние бури. Колокола порывисто, вразнобой перезванивались, глухо гудели с надрывным стоном сами собой, раскачиваемые ураганным ветром!

Наяву услышав этот мятежный, бросающий в оторопь перезвон, Аксинья тотчас же догадалась о том, что она должна была сделать сию минуту. И как ни жутко ей было представить себя в эту отпетую вьюгой ночь поднявшейся на содрогавшуюся от пурги, темную колокольню, как ни знобил, ни сковывал ее душу тупой, безотчетный страх, как ни дрожали по-девичьи тонкие руки, с трудом затянувшие на затылке в узел концы торопливо наброшенного на пышноволосую тогда голову шерстяного платка,— как бы и что бы там ни было, но через какое-то недолгое время после всего этого она уже стояла на колокольне!

Чудом пробравшись сквозь разившую с ног пургу к незримой в ту ночь и в двух шагах церкви, Аксинья едва уломала дряхлого да еще и захворавшего не ко времени звонаря доверить ей ключ от колокольни. Потом, не помня себя от одержимой решимости и тревоги за судьбу пропавшего мужа, с птичьей легкостью про-

летела она в крошечной мгле по крутым внутренне-ковным лестницам и долго потом не могла перевести духа, скорее почувствовав, чем различив, над собой головокруглительно-высокую шатрозую крышу старой колокольни.

Здесь куда было более жутко, сумней и страшнее, чем там, внизу, на потонувшей в клубившейся полумгле земле! Остров стрельчатой, влапу срубленной колокольни, подрагивая от шквального ветра, скрипел, как старая ярмарочная карусель. И было похоже, что временами даже броско пошатывался из стороны в сторону вместе с угрюмо гудевшими, тяжело покачивавшимися колоколами.

Отдышавшись, придя в себя, Акси́нья, полуослепленная вихревыми потоками снега, наткнулась на упругий воровинный канат, будто нарочком упавший ей под ноги из раструба забубенно гудевшего над ее головой двадцатипятипудового колокола. Тогда, не выпуская из цепких, огнем пылавших рук своей находки, она, по-мужски широко расставив для прочности ноги, прикрыла глаза. Помедлила. Перевела дух. А затем молодым, гибким движением слегка отпрянув назад, с яростной, почти злобной силой рванула канат на себя.

Раздался первый удар!

За ним второй, еще более гулкий и грозный. Третий. Четвертый. Пятый... Закусив по-детски припухлые губы, не подымая смеженных, густо припорошенных снежной пылью ресниц, Акси́нья зачем-то вслух считала удары. И когда грозовые, с утробно-грудным басовым распевом звуки колокола, заглушая шум выюги, хлынули перекатными волнами в темную степь, у Акси́ньи сразу же отлегло на сердце. Мерно раскачивая весомый язык колокола, чутко вслушиваясь всем своим существом в этот полунабатный звон, она теперь уже твердо знала, что пропавший в степи обоз выбьется на верную к дому дорогу.

И понемногу она совсем успокоилась. Ровнее стала дышать. Все увереннее и тверже становились ее удары. Она не испытывала уже больше ни зябкой дрожи в руках, ни былого озноба в скованном тревогой и страхом

теле. Наоборот, она вскоре до того разогрелась, что распахнула нетерпеливым рывком на груди полы дубленого полушубка и ослабила на затылке узел и без того полусъехавшего с головы платка. Она чувствовала, как у нее горели щеки и как жарко блестели уже бесстрашно теперь смотревшие на вьюжную кутерьму ее неотличимые в юности от бирюзы степных озерков глаза...

За работой Аксинья в молодости, по словам добрых людей, всегда собой хорошела. Хороша собой была она, наверно, и в то предрассветное февральское утро, когда сбившийся с ног Максим обнаружил ее наконец на колокольне! С минуту оба они тогда, со стороны, должно быть, похожие на привидения, ошарашенно смотрели один на другого, будто не понимая того, как они могли очутиться здесь, и узнавая и не узнавая друг друга...

Большого Аксинья не помнила. После — со слов Максима — она узнала, что он донес ее тогда с колокольни до их избы на руках, что не ударь она в эту ночь в большой колокол, не миновать бы возчикам верной гибели, как не миновало ее в ту пору немало дорожных людей в Сибири. Для Аксиньи же все это кончилось жестокой горячкой, не оставившей за две недели в лице ее ни кровинки, и едва, как потом говорили, не разлучившей ее с Максимом навек.

Но не успела одна беда миновать стороной тогдашний жигаловский двор, как постучалось вскоре в ворота другое лихо — война, оставившая молодую Аксинью в солдатках на долгие годы. То около трех с лишним лет воевал рядовой сибиряк-пехотинец Максим Жигалов где-то под Перемышлем и на Карпатах с немцами. То потом, после незатяжной передышки дома, ушел добровольцем с железной дивизией Стеньки Разина громить Колчака, оставив к тому времени на руках жены полугодовалого первенца их — Павла. И с тех пор так вот — между вечной тревогой, надеждой и страхом — и прошла неприметная ее молодость, отмерцала незавидная полувдовья жизнь, как мерцает текущее марево в жаркий летний день над опаленной суховеями степью...

Если смолоду ждала Акси́нья Жигалова по возвраще-
ния с войн одного только мужа, то под старость сужде-
но было ей проводить в сорок первом году на фронт,
вслед за ним, бывалым солдатом, и четверых своих
сыновей: Николая, Геннадия, Александра и Павла
Жигаловых. И снова четыре года, прожитых опять
меж надеждой и страхом, прождала она возвращения
мужа и сыновей, трепеща и робея душой по бессонным
ночам от каждого шороха за окном и примерещивше-
гося говора сыновей за дверью... Правда, ждала уже
тогда не одна, а вместе с шестеркой своих ребятнишек,
со старшей в этой ораве, тринадцатилетней дочерью
Лидией.

Небольшая охотница бередить лишний раз свое
сердце непрошенными воспоминаниями про черные
дни, закрыла бы со временем глаза Акси́нья Жигалова
и на эти трудные годы, дождись она после мира воз-
вращения домой всех четверых своих возмужалых ре-
бят и неподвластного еще старости мужа! Но воротил-
ся из заграничного похода пехотинец Максим Жигалов
невредимым и моложавым только с троими младшими
сыновьями, без старшего, Павла, павшего в сражении
за город Братиславу. И, обреченная отныне на некри-
кливую, безропотную скорбь о павшем за пределами
родной земли сыне, так с годами и не могла примирить-
ся со смертью его старая мать, украдкой крестясь по
ночам и твердя полупшепотом его имя...

Вот так не могла не думать теперь с тревогой, на-
деждой и страхом Акси́нья Жигалова и о судьбе пяте-
рых младших своих сыновей, накрытых ночным урага-
ном в дальней дороге! Непривычная, щемящая тишина
стояла в этот зимний вечер в жигаловском доме. При-
смиривше-печальным выглядел он теперь без семейной
дневной суеты, без детского смеха и плача, без неред-
ких прикрикиваний на домашних сварливого, вечно со-
вавшегося в бабьи дела старика, без храброго трень-
канья и вранья на старенькой балалайке семилетнего
внука Вани, без сорочьего разговора, пересмеживанья
и шушуканья за ситцевой кухонной занавеской троих
жигаловских снох и двух их, таких же неробких и про-
дувных, замужних золовок — без всего того, чем живет

всякий большесемейный дом, неутомимо гудя с утра до позднего вечера, как гудит дружный пчелиный рой в небедном медовыми взятками улье!

И тесновато и довольно шумно бывало от народа в просторном жигаловском доме в иные зимние вечера, когда сходились сюда на семейные «летучки» и «планерки» все стариковские сыновья и снохи, зятевья и замужние дочери — новоселы целинного зерносовхоза. То были шоферы и трактористы, комбайнеры и разъездные механики, штурвальные и стажеры с грузовых автомашин, садоводы и огородники и, наконец, просто домашние хозяйки — матери восемнадцати жигаловских внуков! И все — с одной, знаменитой в Молодежном зерносовхозе Жигаловской улицы. Так она названа была здешними целинниками в честь династии потомственных сибирских хлеборобов Жигаловых, скопом переселившихся среди лютой зимы 1954 года из обжитого их отцами и дедами Прииртышья на целинные северо-казахстанские степи.

Не ахти пока велика эта улица. Но свыше десятка точно протянутых по шнуру двойной шеренгой бревенчатых пятистенных домов с их веселыми резными наличниками и добротными дворовыми пристройками придают ей уютный, уважительный вид. А по колена узяшая в конце ее в глубоком снегу березовая рошица украшает ее даже и в зимнюю пору трогательным нарядом дремотных березок, певинно блистающих в солнечный день гранеными алмазами серьгообразных подвесок и девственной белизной кружезного инея, полуприкрывшего наготу их молодых, упругих и гибких ветвей...

Собираясь в зимние вечера в доме старых Жигаловых, молодые их сыновья и снохи, зятевья и замужние дочери затевали обычный, непринужденный разговор про то и про это, а главное — об итогах минувшего трудового дня, как бы отчитываясь в своих делах и поступках за этот день друг перед другом. Строго придерживаясь при этом неписанного, но твердо устоявшегося в их семейном быту порядка, первый полуделовой-полушуточный спрос был тут с младшего из братьев — семнадцатилетнего Миханта, угловатого, за-

СОДЕРЖАНИЕ

У истоков народного подвига	3
Зарево над степями	39
Кладовые Джекказгана	93
Запечатленный труд	112
Пути-дороги	121
Золотое дно	135
Осенние будни	165
В далекой нашей станции...	181
Весна на дорогах	199
Далеко за Кустанаем	220
Покорители целины	232
Восемь подруг	240
Третья весна на целине	251
Зарницы над нивами	258
Подвиг народа	268
Зимняя повесть	275

Иван Шухов
ЗОЛОТОЕ ДНО

Редактор В. И. Поляков
Художник В. Ходоровский

А 07710. Под. в печ. 24/VIII 1957 г.
Тираж 40.000 экз. Заказ 1169,
Формат бум. 84×108¹/₂. Бум. л. 4,87.
Печати. л. 15,99. Учетно-изд. л. 15,41.
Цена 6 р. 15 к.

Ордена Ленина типография газеты
«Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.